

СЕВЕРНЫЙ  
КОНДИК  
И КОРОНА  
МИРА



Северо-Запад

## Annotation

После приключений с Испараной в Замбуле, киммериец решил наняться в армию Турана.

Службу он несет в Аграпуре...

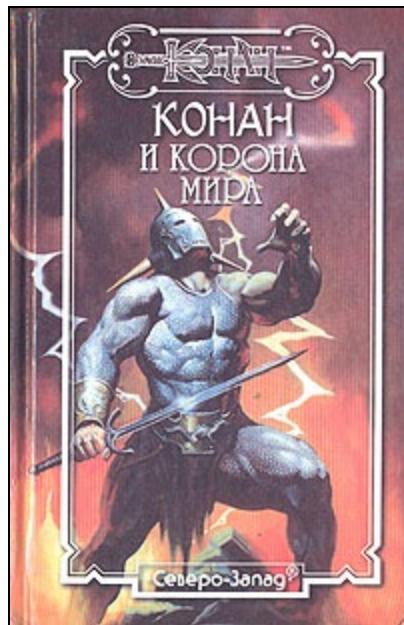
---

---

•  
  
**Крис Уэнрайт**

**Вендийское ожерелье**

**(Северо-Запад, 1999 г., том 53 «Конан и корона мира»)**



**Глава первая**

**САМЫЙ МЕТКИЙ БРОСОК**

— Теперь твоя очередь, Джабир. — Высокий блондин в потрепанной кожаной безрукавке, выдернув нож из деревянного блюда, отошел в сторону.

Кривоногий, дочерна загорелый туранец, поджав тонкие губы, развязал кошель, вытащил две монеты и бросил их в стоявшую посередине стола глиняную чашу. Посетители таверны «Синий бык» возбужденно зашумели, увидев, как растет кучка золотых: состязание шло по-крупному. Джабир уперся задом в край стола, долго покачивал рукой с зажатым в пальцах

ножом, тщательно прицеливаясь, и, наконец, бросил. По толпе зрителей, которая плотным полукольцом окружила соревновавшихся в меткости, пронесся огорченный вздох: нож вонзился в самый край блюда, поставленного вертикально у противоположной стены. Туранец, стиснув зубы и стараясь не показать огорчения, направился к мишени, чтобы забрать свой нож, а к столу тем временем подошел могучий высокий молодой человек, черноволосый и синеглазый.

— Давай, Конан! Покажи, что ты можешь, варвар! — подбадривали его зрители, делая ставки.

Киммериец добавил к кучке золотых свою монету и, холодно усмехнувшись, резким движением метнул клинок.

Таверна огласилась восторженными воплями: его нож воткнулся почти в то же место, где красным соусом было отмечено первое попадание. Замечательный результат принадлежал светловолосому гиганту с угрюмым выражением лица, уроженцу Аквилонии по имени Лионель.

— Неплохо! — скривил губы Джабир. — Но мы договаривались из трех раз. Твоя очередь, — повернулся он к аквилонцу.

— Ха! — довольно осклабился Лионель, отметина которого была ближе всех к центру. — Сейчас я покажу вам, как действует мастер.

Он шагнул к тому месту, откуда договорились метать нож, но туранец остановил его:

— А ставка?

— Ах да, запамятовал. — Аквилонец нехотя прибавил к кучке золотых еще четыре монеты.

На этот раз его бросок оказался хуже первого, и зрители затаили дыхание, ожидая очереди туранца. Его нож воткнулся прямо в щербинку, которую несколькими мгновениями раньше сделал на мишени варвар. Вновь поднялся невероятный шум, кто-то засвистел: зеваки обменивались впечатлениями, глядя, как плюгавый человечек со свисающими на лоб седыми космами измеряет мизинцем расстояние от меток, оставленных клинками игроков, до центра блюда.

— Хватит возиться! — Киммериец приготовился к броску. — Отойди, иначе, клянусь Кромом, мне придется пришипить тебя к стенке, мышонок!

Плюгавый человечек, чья внешность и суетливые жесты действительно напоминали мышь, юркнул в сторону, и Конан во второй раз попал в то же место, заставив зрителей завопить от восторга.

— Ну что, ребята? — насмешливо посмотрел он на противников. — Наверное, придется раскошелиться.

Все трое добавили к кучке еще по восемь монет. У многих зрителей груда золота, блестевшая на середине стола, вызывала нервную дрожь: больше трех дюжин золотых, да еще туранской чеканки! Целое состояние! На такие деньги можно выпить и закусить не один раз. Потратить их на что-нибудь другое просто не приходило в голову собравшимся здесь: в этот вечерний час таверну заполнили моряки с пришвартованных к причалу кораблей, подозрительные личности, промышлявшие в торговой гавани, наемники туранской армии и прочие лихие люди.

Подобные состязания часто проходили в припортовых тавернах, причем начинал их, как правило, сам хозяин, предлагая посетителям за награду, обычно мелкую монету, попасть в цель, а уж потом, когда попадались настоящие мастера и игра шла на большие деньги, он

получал барыш в виде шестой части от собранного на кону — так было принято с незапамятных времен в Аграпуре. Фернан, хозяин таверны «Синий бык», который в основном промышлял торговлей различными сведениями — и это было крайне выгодно! — не брезговал и этим занятием.

Конан часто заходил в таверну Фернана несколько лун назад, когда вынужден был перебраться в столицу Турана из Султанапура, где городская стража изрядно потрепала контрабандистов, к которым примкнул в поисках богатства молодой киммериец. События тех дней были еще совсем свежи в памяти варвара. Все началось как раз в Синем быке», а закончилось трудным путешествием в Гирканию, схваткой с главой служителей культа Хаоса, могущественным чародеем Джандаром, в которой киммерийцу помогали астролог Шарак и десятник турецкой армии Акеба. Однако не сносить бы Конану головы, если бы не волшебный порошок, что дала ему гирканская шаманка Самарра. В общем, тогда киммериец выбрался из переделки живым и невредимым да еще вытащил из лап служителей Хаоса дочь принца Рошманли Эсмиру.

А за этими событиями последовали еще более головокружительные приключения, когда варвар помог вернуть трон Замбулы свергнутому в результате мятежа юному Джунгир-хану. Однако, несмотря на благополучный исход дела, воспоминания об этих днях вызывали у киммерийца щемящую боль. Испарана, гордая красавица Испарана из Замбулы! Впервые судьба столкнула с ней варвара несколько лет назад, когда ловкая замбулийка утащила у него из-под носа магический талисман — Глаз Эрлика. Разгневанный Конан готов был перерезать горло дерзкой девчонке, но закончилось все совсем по-другому... Потом судьбе было угодно, чтобы варвар снова встретил Испарану, и они доставили Глаз Эрлика правителю Замбулы Актер-хану. Однако коварный сатрап оказался на редкость неблагодарной скотиной, за что и поплатился головой. Не помог Актер-хану и его придворный чародей Зафра со своим магическим Мечом Скелоса, способным убивать людей по его приказанию. На трон тогда посадили малолетнего сына правителя Джунгира, а Испарана, вместе с киммерийцем поспособствовавшая этому, удостоилась великих почестей и титула Соратницы хана. Испарана предлагала варвару остаться в Замбуле, обещая ему звание командующего войсками, но Конан отказался и позвал подругу с собой.

Замбулийка не согласилась: она была старше юного варвара и, любя его, понимала, что он еще не готов связать жизнь с одной женщиной. До глубины души уязвленный киммериец в сердцах пообещал упрямой красавице, что никогда больше не вернется в Замбулу, а если и сделает это, то Испарана, нянька и Соратница малолетнего правителя, станет к тому времени седой и морщинистой старухой. Однако позже выяснилось, что он глубоко заблуждался как в первом, так и во втором...

Жизнь снова свела варвара с Испараной, и он понял, что чувства к гордой замбулийке не остали в его сердце, и любовь вспыхнула с новой силой.

И когда пришло время расставаться, Испарана сама предложила поехать с ним. Видят боги, киммериец тогда хотел этого больше всего на свете! Замбулийка не была изнеженной придворной красавицей. Сильная, выносливая, прекрасно владевшая мечом, а кинжал метавшая куда более метко, чем сам Конан, она была бы прекрасной спутницей. Но варвар к тому времени стал чуть старше и чуть мудрее... Он понял: Испаране лучше остаться при дворе Джунгир-хана, который проявлял к ней неподдельный интерес, чем скитаться с ним, нищим искателем приключений, по бесконечным дорогам Хайбории. И скрепя сердце Конан снова уехал из Замбулы один... Он до сих пор жалел об этом!

Потом киммериец решил наняться в армию Турана. Службу он нес в Аграпуре и первым делом разыскал Фернана, который, после того, как его заведение сожгли насланные Джандаром ожившие мертвецы, успел отстроить «Синего быка».

Конан часто соревновался здесь в метании ножей со всеми желающими и почти всегда выигрывал...

Помотав головой, варвар постарался отогнать нахлынувшие воспоминания.

Аквилонец приготовился к последнему, решающему броску. Неожиданно чья-то грязная рука, вынырнув из-за спин окруживших стол зрителей, потянулась к кучке монет. Хрясть! Удар меча по столу заставил подпрыгнуть чашу с золотом, но вопль боли и крики ужаса свидетелей этой сцены оказались громче звона монет. Отрубленная кисть еще шевелила пальцами, а незадачливый воришко, зажав обрубок здоровой рукой, с диким воем катался по грязному заплеванному полу таверны.

— Так будет с каждым, кто покусится на чужое! — Варвар убрал меч в ножны. — Давай, твоя очередь, — повернулся он к Лионелю.

Зеваки с нескрываемым восторгом смотрели на киммерийца, не переставая удивляться, как может эта гора мышц действовать столь стремительно.

— Ставлю на Конана! — Зрители вернулись к своему спору, причем большинство принимало сторону варвара.

— Тихо! — с перекошенным от ярости лицом рявкнул вдруг аквилонец. — Сосредоточиться мешаете, шакалы!

В тавerne стало так тихо, что был слышен стук копыт коня где-то за воротами постоялого двора.

Великан целился очень долго, и когда, наконец, бросил, по залу пронесся гул: его нож вонзился чуть выше того места, куда дважды попадал киммериец. Всем стало ясно, что если Конан и в третий раз окажется столь же метким, как и в предыдущие, то Лионелю ничего не светит. Третьего участника спора серьезным соперником уже не считали.

Кривоногий туранец скинул плащ на руки кого-то из приятелей, посмотрел на чашу, побледнел так, что его загорелое лицо стало серым, и метнул свой нож. Из нескольких десятков глоток вырвался вопль восторга: клинок воткнулся точно посередине блюда.

Туранец гордо оглядел зрителей и накинул плащ на плечи.

— Ну-ка, ты, мышонок! — подозвал он седого человечка. — Меряй!

Зрители дружно загоготали, а плюгавый бросился к мишени и корявым пальцем принял измерять расстояние.

— Ровно, — наконец объявил он.

— Что там ровно? — насупился Джабир.

— У тебя одинаково с ним, — испуганно глядя на туранца, объяснил человечек. — Вот, смотри.

— Ты не ошибся? — Джабир сурово посмотрел на плюгавого.

— Проверь сам. — Тот отступил на шаг в сторону.

— Да что там... Мы все видели... Давай, киммериец... — зашумели зрители.

Варвар снова усмехнулся и подошел к столу. Он выставил вперед одну ногу, чтобы лучше сохранять равновесие, и прицелился. Нож просвистел в воздухе и воткнулся точно в середину блюда. В том, кто оказался самым метким, больше никто не сомневался. Зрители радостно заорали, приветствуя успех киммерийца, и хозяин, отсчитав свою долю, протянул чашу победителю.

— Вот так-то, удальцы! — Конан аккуратно пересыпал золотые в свой кошель. — Хозяин, — крикнул он, — всем выпивку за мой счет!

Посетители таверны рассаживались по оставленным на время состязания скамьям, обмениваясь впечатлениями и рассчитываясь с соперниками по спорам на победителя.

— Как он... Прямо в центр... Силен варвар... — слышались возбужденные голоса.

— Неплохо бросаешь, — раздался спокойный и негромкий голос только что вошедшего посетителя, который перекрыл, однако, гомон таверны.

Варвар обернулся. Говоривший был невысокий, но ладно скроенный худощавый человек со смуглым лицом. Длинные черные волосы падали ему на плечи, делая удлиненное лицо еще более вытянутым. Одежда незнакомца, запыленная и потрепанная, показывала, что тот проделал длинный путь.

— Неплохо? — угрожающе нахмурился киммериец. — Если бы вместо блюда стоял человек, он давно был бы покойником, — добавил он.

— Да, конечно, но я видел и куда лучших метателей.

Варвар, который весьма гордился своей сноровкой, счел это замечание самым что ни на есть оскорбительным.

— Слушай, ты, стручок. — Он смерил собеседника оценивающим взглядом. Зрители загоготали: им понравилось прозвище, которым киммериец наградил худощавого человека.

— Так вот, — рявкнул киммериец, — они, — варвар указал на своих недавних соперников, которые с унылым видом сидели за одним из столов, — лучшие метатели ножей в Аграпуре, а может быть, — Конан невесело усмехнулся, опять вспомнив Испарану, — и во всем Туране!

— Ты не хуже меня знаешь, — спокойно усаживаясь за стол, ответил смуглый, — что в мире есть и другие страны. Хозяин! — поднял он палец. — Принеси-ка вина!

— Нет, ты подожди! — Киммериец опустился на лавку напротив него. — Хочешь сказать, что я плохо метнул?

— Ты ошибаешься, я сказал: неплохо. — Уголки губ смуглого дрогнули, словно он хотел улыбнуться, но тотчас снова вытянулись в ровную линию. — Но и не так уж чтобы очень хорошо.

— Где же ты видишь лучшего металышника? — самоуверенно спросил варвар, окидывая взглядом зал.

Все замолчали, прислушиваясь к беседе киммерийца с новым посетителем. Тот, спокойно отхлебнув вина, ответил:

— Я не вижу, а вот ты можешь...

— И кто же это? — свистящим шепотом спросил Конан, приподнимаясь со своего места. — Уж не ты ли, часом?

— Точно, — спокойно кивнул собеседник.

— Может быть, желаешь попробовать? — Варвар чуть не задохнулся от возмущения.

— А у тебя есть, что поставить на кон?

— Давай для начала по монете. Не хочу обирать тебя, — усмехнулся Конан. — Эй, Фернан, установи-ка мишень! Сейчас я тебе покажу, как смеяться надо мной, тощий стручок!

Посетители побросали недопитые кружки. Всем было интересно взглянуть, как киммериец проучит неизвестно откуда взявшегося нахала. Бросили жребий. Первому выпало метать варвару. Он прицелился и точным броском вонзил клинок на палец ниже центра блюда.

— Попробуй хотя бы так, — подбоченившись, взглянул он на соперника.

Тот, не обращая внимания на галдеж зрителей, ловко метнул свой нож, и он вонзился чуть выше клинка киммерийца, почти касаясь его рукоятью.

Кто-то в толпе зевак присвистнул:

— Ай, да стручик! Ловок, ничего не скажешь!

— Вот так, — усмехнулся смуглый незнакомец, пряча пару золотых в мешочек, висевший на поясе.

— Давай еще раз, тебе просто повезло. По удвоенной ставке. — Раззадоренный варвар швырнул на стол две монеты.

— Согласен, — кивнул смуглый.

На сей раз, киммериец оказался гораздо точнее соперника.

— Я же говорил! — довольно захохотал он.

— Еще разок? — невозмутимо предложил незнакомец.

Поединок проходил с переменным успехом. Однако Конан все-таки гораздо чаще выходил победителем, и кучка монет около него постепенно росла. Когда он выиграл три раза подряд, чаша на столе почти доверху заполнилась деньгами.

— На все? — небрежно кивнул смуглый, словно последние проигрыши его нимало не смущали.

— Как хочешь, — стараясь выглядеть спокойным, пожал плечами варвар.

Зрители в недоумении глазели на совсем уж потерявшего разум гостя, который собирался проиграть столько золота.

— Покажи ему, варвар! — подбадривали они Конана, ничуть не сомневаясь, что синеглазый гигант победит в состязании с этим безумцем.

Однако хотя киммериец и метнул клинок почти в самый центр, по таверне разнесся тяжелый вздох.

Нож смуглого воткнулся точно посередине блюда.

— Нергал мне в печень! — Варвар в ярости с такой силой шарахнул кулаком по столу, что едва не проломил столешницу. — Не повезло!..

— Хочешь отыграться? — вытаскивая клинок из мишени, поинтересовался соперник.

— Нечем, — буркнул киммериец, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Можно и в долг, — предложил смуглый. — Ты, похоже, действительно искусный металышник, и мне не хотелось бы выигрывать случайно у такого мастера.

— А если проиграю? — на всякий случай поинтересовался варвар.

— Разве настоящий воин думает о поражении перед схваткой? — подзадорил его соперник. — Давай так, — предложил он, — если выиграешь, то к этой куче, — он кивнул на чашу с золотом, — я добавлю столько же, а если проиграешь, то сделаешь для меня кое-какую работу и получишь свои монеты обратно.

Конану что-то не понравилось в его словах.

— Что за работа? — хрипло спросил он.

— Простая, — усмехнулся смуглый. — Надо будет сходить со мной в одно место и кое-что взять оттуда.

— Далеко? — больше из любопытства спросил киммериец.

— Нет, совсем рядом, — мотнул головой собеседник, — в «Маленькую плутовку».

Конан вздрогнул. В крошечной комнатке на втором этаже постоялого двора с таким названием он еще совсем недавно проводил немало времени в объятьях нежной туранки

Алмы. Судьба была немилостива к его подружке: ее стройную шейку перетянула шелковая удавка, и варвар, как потом выяснилось, оказался невольным виновником ее смерти. Туранку из ревности и зависти убила одна из любовниц киммерийца, белокурая лютнистка Диния, и у Конана даже не поднялась рука снести голову этой грязной твари.

«Я лучше голыми руками раздавлю вонючую ящерицу, чем дотронусь до тебя», — вспомнил он слова, которые произнес, выбегая из комнаты аквилонки. Правда, та все равно не вынесла тяжести своей вины и вонзила кинжал себе в сердце. Больше всего варвара мучило то, что нежная Алма погибла совершенно напрасно: он не собирался бежать из Аграпура ни с ней, ни с кем-либо еще. Это были лишь мечты бедняжки, и она зачем-то поделилась своими грезами с лютнисткой. Киммериец был молодым сильным мужчиной и делил ложе с Алмой, с Динией и многими другими женщинами, но он все равно не мог забыть великолепную замбулийку!..

— По рукам, — рявкнул Конан. — Ты первый, — кивнул он на мишень.

Тишина, которая наступила в таверне, когда нож смуглого вонзился точно в середину блюда, была такой звенящей, что у киммерийца аж заложило уши.

— Выдерни свой нож, — бросил он, — рукоятка мешает.

— Ты прав, — без улыбки ответил соперник, освобождая мишень.

У варвара стучало в висках от напряжения, но он стиснул зубы, пересилил дрожь и, прищурившись, метнул клинок. По таверне пронесся протяжный вздох: нож воткнулся почти в то же место, но даже с нескольких шагов было видно, что киммериец проиграл. Он растерянно посмотрел по сторонам. Столпившиеся зеваки смущенно отводили глаза, встречаясь с непонимающим взглядом Конана.

— Хозяин! — крикнул смуглый. — Твоя доля. — Он протянул ему горсть монет. — Ведь так у вас принято?

Монеты зазвенели в трясущихся руках Фернана. Такого барыша от состязаний хозяин не имел никогда со времен открытия своего заведения.

— Ну, так что? — Смуглый повернулся к киммерийцу. — Тебе придется пойти со мной. Мы договорились.

«Уж не колдун ли? — ожгла варвара запоздалая мысль. — Он нарочно подначил меня... Ну, нет, выродок Нергалий, я тебе не теленок, которого ты поведешь на бойню!»

Конан потянулся было к мечу, чтобы одним взмахом освободиться от колдуна, но руки ему не повиновались. Он с ужасом ощущал, что полностью находится во власти смуглого и послушно следует за ним. Они вышли из таверны, где зеваки с шумом и криками обсуждали происшедшее, и не спеша двинулись по притихшим вечерним улицам города к «Маленькой плутовке».

— Не беспокойся, — усмехнулся колдун, а в том, что этот человек не простой смертный, у киммерийца уже не оставалось ни капли сомнения, — выполнишь работу, и я отпущу тебя.

Они вошли на постоянный двор и по скрипучей лестнице поднялись на второй этаж.

— Входи. — Чародей отворил дверь в свою комнату.

Комната была тесной, единственное маленькое оконце выходило во внутренний двор, откуда доносились звон конской сбруи, фырканье лошадей и шуршание соломы под копытами животных.

— Садись, — пригласил Конана смуглый, указывая на деревянный табурет с выщерблеными от времени краями сиденья.

Киммериец сел, почти не чувствуя своего тела. Умом он понимал, что надо бы избавиться от чар длинноволосого колдуна, но не мог шевельнуть, ни рукой, ни ногой и, как тряпичная кукла, повиновался управлявшему им кукловоду.

— Твоя задача совсем проста, — устроившись напротив варвара, начал колдун. — Ты, главное, помни...

— Что? — Мысли варвара стали путаться, и все, что он видел, начало искажаться и покрываться пеленой, как будто явь представала сквозь дым от костра. — Что помнить? — повторил он, с трудом удерживаясь на табурете, который качался под ним, словно палуба корабля во время шторма.

— Бусы из зеленого камня... — Слова колдуна возникли прямо в мозгу киммерийца. — Запомнил? Вендийское ожерелье из зеленых камней... Ты должен взять его... Тогда...

Что произойдет в этом случае, варвар уже не слышал. Длинное лицо человека, которого он назвал стручком, подернулось дымкой, стены раздвинулись и все быстрее и быстрее понеслись куда-то вдаль. Невесть откуда налетевший ужасный вихрь закружил варвара в тугих объятиях, и теперь он парил над темной равниной, покрытой белыми клочьями пены, словно бурное море. Порывы ветра крутили и трепали киммерийца, и он кувыркался над седыми бурунами. Последним, что он увидел, было разраставшееся где-то далеко на горизонте зарево, не солнечный восход, нет! Мерцающее желто-красное сияние усиливалось, словно кто-то подносил к глазам Конана яркую масляную лампу. Где-то внутри него родилась чудовищная вспышка и как бы разорвала его надвое. Потом все померкло...

\* \* \*

— Тхинуи! Тхинуи! — Заливистый девичий смех сопровождался плеском воды.

Варвар почувствовал спиной горячее обволакивающее тепло и с трудом открыл глаза. Он лежал ничком на чем-то влажном и мягким, положив голову на руки. Приподнявшись, Конан увидел бесконечное голубое пространство и не сразу сообразил, что это гладь моря, спокойная и безмятежная, которая сливалась с куполом неба, почти неотличимого от воды. Мягкое ложе под киммерийцем оказалось зеленою травой, которая покрывала нависающий над морем утес. До поверхности моря было не больше десяти-пятнадцати локтей, и чистая прозрачная вода позволяла видеть песчаное дно, где среди разбросанных черных камней и длинных стеблей каких-то растений проскальзывали стайки мелких рыбешек. Варвар повернул голову чуть правее, откуда раздавался смех, но увидел только белую пену и тучи брызг, переливавшихся в лучах солнца разноцветным радужным сиянием. Сначала ему показалось, что это играет стайка рыб, но, приглядевшись, Конан различил развившихся в волнах людей. Длинные черные пряди тянулись за плывущими женщинами, придавая им сходство с морскими ведьмами, которые, как он слышал, заманивают моряков чарующим пением и воруют у них души.

Они не замечали варвара и медленно плыли к берегу, перекликаясь, заливисто хохоча и время от времени, обдавая друг друга брызгами. Киммериец затаил дыхание, замер и, медленно поворачивая голову, следил за девушками. Они достигли, наконец, мелкого места и, продолжая развеселиться, выбрались на берег.

Прелестницы были обнажены, и их ослепительную наготу прикрывали только длинные утконосы-черные волосы, по которым быстро стекала вода.

Девушки, громко и весело смеясь, выжимали мокрые роскошные локоны и передавали из рук в руки круглую раковину, где находилось, по-видимому, какое-то снадобье, которым они натирали гладкую смуглую кожу.

Киммериец, не в силах пошевелиться, безотрывно смотрел на них. Светло-коричневый оттенок кожи, нежные черты и невыразимая грация движений, плавные линии тел и удивительная непринужденность поведения казались ему столь же странными, сколь и прекрасными.

«Где же я? — Конан наморщил лоб, пытаясь вспомнить, что с ним произошло и как он очутился здесь, но голова была пустой до звона. — Кром! — он, не спуская глаз со стайки девушек, медленно повернулся набок. — Жив я еще, или это уже другой мир?»

Киммериец ущипнул себя и, почувствовав боль, понял, что это не сон, а самая что ни на есть настоящая явь и он лежит на обломке скалы, которая выдается далеко в море, а прямо перед его глазами в двадцати шагах на желтом песчаном берегу десяток нагих грациозных девушек заканчивают туалет после морского купания. Повернувшись на спину, варвар посмотрел на берег, и перед его глазами встало черная гора, поросшая до половины лесом и возвышавшаяся над всем миром, как бурдюк с вином, брошенный на расстеленный плащ. Берег и справа, и слева уходил вдали, закругляясь и исчезая за изумрудно-зеленой растительностью и выступами черных скал, которые лениво омывало спокойное море.

«Так, так... — Варвар попытался еще раз вспомнить события прошедшего дня. — Ведь все было только вчера! Я — Конан, — уверил он себя. — Конан из Киммерии, верно? — задал он вопрос, на который сам же и ответил: — Да, ты Конан... И сейчас служишь в турнской армии».

Он приподнялся чуть выше, чтобы лучше рассмотреть берег. Девушки уже оборачивали вокруг бедер небольшие, шириной в ладонь, юбочки, сплетенные из каких-то полосок. Из чего сделаны их одеяния, варвар определить не мог, потому что расстояние для этого было слишком велико даже для его зорких глаз.

На плечи девушки накинули что-то вроде коротких плащей, прикрывавших грудь и часть живота.

«Если я служу в турнской армии, то почему я здесь? — Конан ощупал себя и чуть не вскрикнул — Где меч, где нож, вся моя одежда? И вообще: что произошло и где я нахожусь?»

Он еще раз попытался сосредоточиться:

«Мы соревновались в «Синем быке», кто лучше метнет нож. Правильно? Правильно, — ответил он. — Это я помню... С аквилонцем и этим кривоногим... Я выиграл много золота... Кстати, где оно? — Он огляделся вокруг, но тут же понял всю тщетность своих попыток. — Нергал с ним, с этим золотом, но где я сам? — Киммериец никак не мог ухватить спутанные обрывки мыслей. Он вспомнил чашу с монетами — свой выигрыш. — Я их пересыпал в кошель, это точно... Потом поставил всем выпивку... Неужели я напился до беспамятства и попал в рабство куда-нибудь в Стигию? — Конан огляделся вокруг и чуть не расхохотался. — Тогда почему я не в кандалах? И где надсмотрщики? Нет, — решил он, — тут что-то другое... Ожерелье, — вдруг вспыхнуло в его мозгу. — Какое еще ожерелье? — спросил он себя, поморщившись. — Что за шутки демонов?»

— Эй! — закричал он, привстав на одно колено.

Девушки разом смолкли и уставились на него, будто на привидение, потом на их лицах отразился испуг, они что-то закричали на своем языке:

— Ванааха! Хтинкии! Ихтиха!

Мгновение помедлив, они со всех ног бросились прочь от берега к лесу, и скрылись за деревьями, даже ни разу не оглянувшись.

— Бежим! Смотри! Быстрее!

Внезапно киммериец с изумлением обнаружил, что понимает язык девушек. Смысл слов проступал не сразу, а как будто с небольшим опозданием.

— Что за бред? — удивился варвар, поднимаясь во весь рост, и с наслаждением потягиваясь. — Нет, все-таки это больше похоже на сон. Ничего не понимаю!

Он спустился со скалы на песчаный берег и еще раз как следует, осмотрелся. Уютную лагуну окружали высокие пальмы, их шершавые стволы уходили вглубь леса, совершенно закрывая обзор. Чуть дальше берег поднимался вверх и тянулся до черной горы, занимавшей полнеба, с другой стороны голубой свод смыкался с поверхностью моря — и больше ничего. Солнце поднялось еще не очень высоко, но уже припекало достаточно сильно, воздух был теплым и слегка влажным, ветерок, тянувший с берега, доносил запахи прелой листвы и причудливый аромат каких-то неизвестных киммерийцу цветов.

— Ничего не понимаю! — повторил Конан, снова и снова оглядываясь вокруг, будто надеясь найти хоть что-нибудь, что помогло бы ему определиться, но ничего знакомого не видел — только морская гладь, черные скалы вдали, трепетавшая под ветерком зелень листвы, да еще синее небо и яркое солнце над этим безмятежным миром.

Он почувствовал голод и направился туда, куда убежали девушки.

«Они испугались меня — это понятно, — размышлял варвар, шагая по теплому мелкому песку, приятно обволакивавшему ступни. — Наверное, таких, как я, здесь еще не встречали. Но если я видел девушек, значит, где-то недалеко есть и другие люди. Может быть, они не такие пугливые и мне удастся узнать, куда меня занес Нергал и почему я ничего не помню. Заодно и поесть раздобуду».

Он подошел к краю пальмового леса и поиском глазами следы беглянок.

— Угу, вот они. — Киммериец двинулся дальше, приметив отпечатки ног на влажном песке, но вдруг резко остановился. — Совсем голову потерял, — хлопнул он себя по лбу... — Случись что, мне и отбиться нечем. Не набедренной же повязкой размахивать вместо пращи... — усмехнулся он. — Тем более, что и ее у меня нет. Мало ли какие люди здесь живут... — Конан решил найти что-нибудь, способное заменить оружие.

Побродив немного по лесу, он нашел обломок ствола, и хотя древесина не показалась ему достаточно крепкой, все-таки на первое время эта дубина могла послужить сносной защитой.

\* \* \*

Конан уже довольно далеко углубился в пальмовую рощу, но не обнаружил никаких признаков жилья. Следы девушек, четкие на песке, потерялись в невысокой, но густой траве, которая ковром устилала землю между высокими пальмами с длинными, изрезанными по краям листьями.

Иногда деревья расступались, и киммериец выходил на поляну, которая обычно была продолжением долины-ущелья, как будто прорезавшей склон черной горы. С каждой такой долины сбегал прозрачный ручей или небольшой водопад, пропадавший вскоре в зарослях. Варвар не хотел отходить далеко от берега, и все время прислушивался к шуму прибоя.

— Где же это племя? — спросил он сам себя, когда пересек очередную поляну. — Неужели там, в холмах?

И хоть Конану не хотелось удаляться от моря, он все-таки не оставлял надежды найти людей и решил подняться по одной из долин. Однако это оказалось не так-то просто. Идти вдоль ручья мешала плотная стена речного тростника, поднимавшаяся выше его роста и такая густая, что пробиться сквозь сплетение стеблей можно было только с помощью ножа или меча, а вот их-то у киммерийца как раз и не было. Он взял немного в сторону, правее журчащего потока, но пальмовый лес в этих местах сменяли заросли бамбука. Эти растения киммериец видел на море Вилайет, но здесь они были в три раза выше, и их стволы, толстые и мощные, росли так тесно, что иногда варвар не мог даже притиснуться между ними.

— Вот тоже местечко, демоны его возьми! — выругался киммериец и вернулся назад, к пальмовой роще. — Как же пробраться дальше? И жрать хочется... — Он прислушался к урчанию в животе. — Что ж, вернусь к морю, может быть, какую-нибудь рыбу поймаю или раковину найду. Конечно, о рыбе нечего было и думать: не голыми же руками ее ловить, а вот нырнуть и поискать какого-нибудь моллюска не составляло особого труда.

Как-то в бытность свою в Аргосе он собирали в море присосавшихся к камням мидий и с удовольствием поедал их нежное мясо. Солнце тем временем поднялось выше, и если бы не густая корона пальм, Конан почувствовал бы себя не лучше, чем в раскаленной пустыне.

— Куда же я попал? — в который раз спрашивал он себя, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь. — Ничего не помню... Будто сегодня родился...

Однако киммериец не привык предаваться отчаянию, а уж решительности ему было не занимать. Если демоны — или судьба, или что-то еще забросили его в эти края, надо, во-первых, постараться выжить, а во-вторых, неплохо бы что-нибудь приобрести. Не возвращаться же домой с пустыми руками! Хотя где, собственно, дом? В Киммерии? Там, где он родился? Северная холодная земля, где зимний ветер воет среди обледеневших скал, и голодные волки рыщут в поисках добычи. Его что-то не особенно тянуло туда.

Туран? Варвар даже рассмеялся. Вот уж эту страну он точно не хотел бы считать своим домом. Впрочем, если разобраться, сейчас его положение в туранской армии совсем неплохое: служба идет, он дослужился до звания десятника, и монеты в кошеле водятся. По крайней мере, на жилье, выпивку и закуску хватает. Да еще и на женщины! Киммериец блаженно потянулся, вспомнив стайку нагих девушки на берегу. Какие красотки! Если все женщины здесь таковы, то эта земля просто обласкана богами.

Внезапно за стволами деревьев мелькнули несколько огромных человеческих фигур. Конан бросился на траву и осторожно подполз к стволу ближайшего дерева. Сердце его учащенно забилось, но не от испуга — киммерийца напугать было трудно, — а от знакомого предчувствия схватки, когда тело само собирается в комок, готовое распрямиться, как пружина, в молниеносном броске навстречу противнику. Варвар прислушался: стояла тишина, которую нарушали лишь птичий гомон и шелест крон деревьев, да еще далекий шум прибоя. Конан очень осторожно выглянул из-за ствола и громко рассмеялся:

— Ну и болван! Это же изваяния!

Издалека он принял стоявших на поляне трех истуканов за идущих ему навстречу вооруженных воинов. На всякий случай, осмотревшись по сторонам, он вышел из леса на большую поляну.

Посреди лужайки стояли три фигуры, довольно высокие — чуть выше роста варвара. Он обошел их, внимательно разглядывая грубо вытесанные из толстого ствола фигуры с

прижатыми к туловищам руками. Лица истуканов были сделаны более искусно и раскрашены красками: вертикальная полоса белого цвета начиналась на лбу и шла вниз по носу, прерывалась над верхней губой, но затем бежала по подбородку и дальше по горлу, заканчиваясь у основания шеи. Поперечные коричневые полосы придавали свирепое выражение плоским лицам с широко расставленными и чуть раскосыми, как у гирканцев, глазами. Перед истуканами находилось каменное сооружение, похожее на высокую скамью, поверхность которой была пересечена неглубокими бороздками.

— Дела... — Конан поскреб в затылке. — Явно для стока крови. — Он внимательно осмотрел жертвенник. — Хорошо, если это предназначено для барана или какой-нибудь курицы, а если для человека... Особенно для всяких чужаков. Надо быть осторожней, а не то вместо объятий местных красавиц из этого рая можно прымком попасть на Серые Равнины.

Он еще раз осмотрел истуканов, вытоптанную перед ними площадку (а значит; тут часто бывает множество людей) и вновь тоскливо прислушался к урчанию в животе. Что-то эта земля перестала казаться киммерийцу такой уж благословенной, какой представлялась вначале, а желание побыстрее найти людей уступило место вполне обоснованной осторожности. Он решил вернуться к морю, отыскать там какую-нибудь еду, а потом пройти дальше по берегу, не отходя далеко от моря.

Ша-а-ах! Большая птица, шурша крыльями, чуть не задела по лицу варвара и медленно поплыла в воздухе, огибая стволы.

— Хм-м... — почесал щеку Конан, — я же видел этих тварей у ручья. Если подобраться потише и хорошенко прицелиться, то можно, пожалуй, подбить такого курчонка.

Правда, «курчонок» был раза в два крупнее курицы и скорее напоминал упитанную индюшку, но сказано — сделано. Варвар прислушался и, уловив шум падающей воды, поспешил на звук. Он осторожно приблизился к открытому месту и раздвинул стебли тростника. Так и есть! Речушка, падая вниз со скалы, разливалась на поляне небольшим озерцом с узкими песчаными берегами. В десяти шагах от варвара расхаживали несколько крупных птиц с ярким оперением. Они немного походили на самок павлинов, но варвара не интересовало, как они выглядят. Мясо — вот что сейчас было нужно ему до зарезу.

Конану повезло: ветерок дул ему в лицо, и даже чуткий слух птиц не обнаружил его присутствия. Киммериец осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума, привстал и без замаха метнул дубину прямо в середину стаи. С громкими криками стая взмыла в воздух, но одну птицу варвар все-таки задел, и его добыча, трепыхаясь, попробовала подняться на крыло, но не смогла. В три прыжка Конан оказался рядом и в отчаянном броске ухватил птичью шею. Варвар был настолько голоден, что разорвал тушку на куски и, пока он, урча, словно волк, обгладывал ногу, шея еще дергалась, орошая траву кровью.

— Вот теперь совсем другое дело! — Сытно рыгнув, киммериец растянулся около озерца, не забывая прислушиваться: ему вовсе не хотелось разделить участь съеденной им птицы, он не забыл жертвенник возле деревянных истуканов. В десятке шагов, почти у самого озерца он заметил белые, похожие на огромные колокольчики цветы. Когда порыв ветра донес до него прянный запах, киммериец вспомнил их название.

«Боги! Да это же орилеи. — Такие цветы он видел во дворце одного шадизарского вельможи. — Но какое здесь все большое, — удивился Конан. — Эти цветы раза в три крупнее, чем в том саду. Можно было бы неплохо заработать, выкопав пару-тройку таких корешков. Эти новоявленные модники в Туране совсем без ума от них... Да о чём это я? — спохватился он. — Неизвестно, куда Нергал меня занес, неизвестно, сохранию ли голову на

плечах, а я...»

Однако долго нежиться на солнце ему не пришлось: среди шорохов леса чуткое ухо киммерийца уловило какой-то посторонний звук. Варвар вскочил на ноги, но все-таки опоздал: из зарослей бамбука появились несколько человек. Они шли прямо на Конана, и каждый нес в правой руке короткое копье, угрожающее направленное на киммерийца. Конан мгновенно оценил обстановку и понял, что сопротивляться вряд ли имеет смысл: противников было человек пятнадцать, и все крупные и здоровые мужчины, не такие, конечно, как варвар, но и отнюдь не слабаки.

Круглые головы незнакомцев были выбриты наголо, кроме двух небольших участков по обе стороны макушки, где росли длинные волосы, закрученные в тугие крупные узлы, из-за чего казалось, будто головы украшены парой черных рогов. Бороды были выщипаны, но с верхней губы по углам подбородка свисали две косицы. Видимо, желая выглядеть привлекательно, а может быть, наоборот, устрашающе, воины украсили физиономии широкими белыми полосами, похожими на те, что варвар видел на истуканах, но только проведенными поперек лица. Эти полосы подобно проселочным дорогам, которым никакие неровности и препятствия ни почем, проходили по носу, ныряли в глазницы и чуть не залезали в рот. Каждая пересекала лицо от уха до уха: одна проходила на уровне глаз, другая — через нос, третья — перекрывала губы.

Лица, перечеркнутые раскраской, отчего-то напомнили Конану тех несчастных, что с тоской глядят на мир сквозь частые прутья тюремной решетки. Темнокожие тела воинов прикрывали лишь набедренные повязки, сплетенные из каких-то толстых волокон и испещренные изображениями птиц и рыб.

Все это великолепие варвар разглядел, стоя неподвижно и подняв вверх руки, чтобы показать, что он не собирается делать лишних движений, которые могут быть неправильно истолкованы.

Воины подошли к нему поближе и остановились на расстоянии примерно десятка шагов.

— Ту ххай? — произнес, чуть выйдя вперед из шеренги, один из воинов, видимо, старший.

«Кто ты?» — пронеслось в голове варвара, будто там сидел маленький человечек, который знал язык этого племени.

«Что же им сказать, демон меня раздери?» — лихорадочно соображал киммериец. К своему немалому удивлению, он произнес несколько длинных фраз на непонятном ему языке:

— Я плыл по морю на большой лодке. Буря потопила наше судно, и меня выбросило на ваш берег.

Старший повернулся к воинам, и они некоторое время обменивались тихими фразами, но слов варвар разобрать не смог.

— А тебя прислал не Ванататра? — недоверчиво глядя на киммерийца, наконец, спросил старший.

— Не знаю я никакого Ванататру, — честно ответил Конан, ибо слышал это имя впервые.

— Не врешь? — переспросил старший, и воины, подняв руки, затрясли в воздухе тонкими копьями, больше похожими на удлинище, чем на настоящее оружие.

— Клянусь Кромом, — выпалил киммериец, приложив руки к груди.

— Кто такой Кром? — удивился воин.

— Кром — это мой бог, — объяснил ему варвар. — Меня зовут Конан, я родом из Киммерии.

— Киммерия? Что-то я не слышал про такой остров.

— Киммерия — не остров, — попытался объяснить Конан. — Это большая земля на севере Хайбории.

— Ха-ха! — Воины затряслись от смеха, но все же не опустили копья. — Никто не слышал, что кроме океана и наших островов есть другие земли... Да он сумасшедший...

— Тихо! — прикрикнул на них старший. — Вспомните завет Ронго-Ронго... Может быть, этот белый — посланник того мира...

Воины прекратили смеяться, и в их глазах Конан заметил проблеск страха, смешанного с уважением, однако копья они на всякий случай направили ему в грудь.

— Мы пойдем в селение и покажем тебя Нгунте. Если ты посланник мира Ронго-Ронго, тебе будут оказаны почести, а если нет...

— Что будет со мной? — не выдержал Конан.

— Не знаю, — задумчиво ответил старший. — Это решат вожди.

\* \* \*

«Нгунта... — повторял про себя киммериец, пробираясь среди окруживших его воинов по узкой тропинке, которая вилась в зарослях бамбука. — Интересно, кто это такой? Наверное, их вождь», — решил Конан, но задавать вопросов не стал, дабы не возбудить недовольство сопровождавших.

Вскоре они поднялись по пологому склону холма и вышли на большую поляну, окруженную со всех сторон высокими пальмами. У самых деревьев по краям поляны стояли дома, похожие на большие круглые корзины. Крыши этих сооружений были сделаны из пальмовых листьев, размещенных на длинных шестах. Благодаря такому устройству солнце никогда не светило на стены, и в жилищах было прохладно в любое время суток.

«Ничего себе! — удивился Конан, увидев, сколько человек высыпало встречать их. — Наверное, вторгшаяся армия противника не смогла бы их так всполошить... Неужели это из-за меня такой переполох?»

Вскоре киммерийца вместе с его провожатыми окружило плотное кольцо людей, которые, желая получше разглядеть варвара, загородили им проход. Не меньше народу обступило и воинов, которые чуть поотстали от остальных, и те торопливо объясняли, где и как встретились с белокожим гигантом. Надо отметить, что, хотя воинов и нельзя было назвать малорослыми, все-таки Конан возвышался над всеми почти на целую голову. Каждую новую подробность, которую удавалось выпытать у словоохотливых соплеменников, жители деревни встречали громкими возгласами и бросали на киммерийца недоуменные взгляды, стараясь понять, откуда этот человек появился на их земле.

За разговорами толпа приблизилась к большому красивому сооружению из бамбука, и старший сделал киммерийцу знак следовать за собой. Все расступились, и Конан вошел внутрь.

— Садись, — указал старший на циновки, уложенные вдоль задней стены.

Варвар прошел по полу, сложенному из плоских черных камней, и уселся там, где было

указано.

Строение, куда он попал, цивилизованный человек, вряд ли назвал бы домом. Скорее, это было нечто вроде крытого загона. Его каркас был сооружен из толстых стволов бамбука с распорками из более тонких стеблей, которые скреплялись полосками из какого-то растения, напомнившего варвару ивовую кору. Задняя стенка, у которой он сидел, была сплошь переплетена пальмовыми листьями, а три другие больше походили на решетку, образованную переплетением бамбуковых стволов.

Крыша, как и у всех хижин, простиралась далеко за пределы стен, и, таким образом, открытый с трех сторон, дом прекрасно защищал от дождя.

Пока Конан с любопытством осматривался вокруг, старший, оставив около него пятерых воинов, куда-то исчез. Жители деревни, которым, по всей видимости, входить было запрещено, столпились вокруг, глазея на варвара сквозь прорехи в стенах. Уже наступил вечер, и в сумерках киммериец смутно различал свирепые физиономии воинов, обступивших хижину, их горевшие любопытством глаза и обнаженные тела, размалеванные краской. В толпе можно было разглядеть тонкие фигурки девушек. Все эти люди оживленно переговаривались громкими голосами, обсуждая его, Конана.

Варвару за свою жизнь приходилось сталкиваться с представителями разных народов, от угрюмых и немногословных киммерийцев и асиров до темпераментных и словоохотливых аргосцев и заморийцев, но он впервые видел такую яростную жестикуляцию, как у этих людей, увлеченных разговором. А они в тот вечер дали волю своим чувствам и так кричали и приплясывали от возбуждения, что киммериец не на шутку обеспокоился.

Сумерки сгостились, и кто-то из жителей деревни — кто именно, варвар не понял, распорядился зажечь факелы, и площадь перед сооружением, где находился киммериец со своими стражами, озарилась колеблющимся желтоватым светом. Внезапно наступила тишина, и варвар увидел, как люди перед входом расступились. В сопровождении нескольких человек, раскрашенных еще более ярко, чем воины, в хижину вошел могучий человек в головном уборе из разноцветных длинных перьев. По тому, как поспешно освобождали ему дорогу и с каким почтением склонились перед ним воины, киммериец решил, что вновь прибывший пользуется немалым уважением и властью в деревне.

«Ну, прямо павлин, — на всякий случай, вставая с циновки, подумал киммериец. — Пожалуй, какой-нибудь вождь. Наверное, это и есть Нгунта».

Вошедший, в самом деле, выглядел величаво и красочно. Из густой шапки коротких пестрых перьев поднимались длинные хвостовые перья птицы, видимо такой же, какую киммериец не без удовольствия съел утром. Перья были вставлены в расшитый мелкими блестящими камушками обруч, который стягивал лоб вождя. Шею обивало тяжелое, в несколько нитей, ожерелье из кабаньих клыков, отполированных, словно слоновая кость, и нанизанных в таком порядке, чтобы самые большие и длинные лежали посередине.

«Хм, — подумал киммериец, увидев ожерелье, — значит, здесь водятся свиньи. Это неплохо».

Сквозь большие отверстия в ушах были продеты украшенные замысловатой резьбой два длинных стержня из темного дерева, из них торчали пучки свежих листьев. На бедрах вошедшего плотно сидела складчатая юбка, похожая на юбки девушек, но гораздо более широкая и тяжелая на вид. На руках и ногах, довершая роскошный наряд вождя, красовались браслеты, сплетенные из цветных волокон. В правой руке он держал великолепное, богато украшенное резьбой копье, более толстое и длинное, чем у воинов. Оружие заканчивалось

остро заточенным наконечником, другой конец расширялся наподобие весла.

«Лезвие из ракушки, — пренебрежительно сморщился варвар. — Против наших — просто игрушки»

Но тут же он вспомнил, что у него и такого-то нет, а главное — неизвестно, чем вообще может закончиться его знакомство с местными жителями, и снова принял разглядывать вождя. Посмотреть было на что! Всевозможные ломаные линии, завитки и замысловатые фигуры испещряли его кожу, сложным узором напоминая дорогие аквилонские кружева. Самый простой орнамент украшал лицо. Там линии шли двумя широкими полосами, которые расходились из-под обруча наискось, охватывая глаза, покрывая веки и оканчиваясь чуть ниже ушей, где сливались с прямой полосой, тянущейся через рот, образуя рисунок, подобный треугольнику. Судя по великолепному выражению, этот человек, безусловно, принадлежал к высшему сословию туземцев, и, возможно, рисунок на лице и говорил именно об этом. Грозный гость уселся напротив Конана на циновку. Вошедшие вместе с ним расположились чуть сзади, образуя полукруг, и примолкли, нетерпеливо поглядывая то на него, то на варвара.

— Кто ты? — наконец прервал тишину голос вождя. Киммериец не торопясь повторил то, что поведал пленившим его воинам. Он уже перестал удивляться, что может без усилий говорить на доселе неведомом ему наречии, и слова его лились свободно, словно горный поток.

— Так тебя прислал не Ванататра? — нахмурился вождь.

«Дался им этот Ванататра, Нергал ему в печень, — ругнулся про себя киммериец. — Интересно, кто это такой?»

Он посмотрел прямо в глаза вождю и спокойно ответил:

— Клянусь Кромом, я не знаю никакого Ванататры...

— Странно... — Вождь обернулся к сопровождавшим его людям. — Тогда он вряд ли посланец из мира Ронго-Ронго...

Он опять повернулся к Конану и внимательно посмотрел на него. Во взгляде слегка раскосых черных глаз было что-то напоминавшее вола, и варвар подумал, что, пожалуй, шевелить мозгами эта важная персона умеет не лучше бритунцев, тупость которых была известна всем в Хайбории.

«Не очень-то мне повезет, — вздохнул он про себя, — если моя участь будет зависеть от этого болвана».

Однако он слегка ошибся: вождь, пожевав губами, вынес в общем-то достаточно мудреое решение.

— Сейчас ночь, — веско произнес он, — подождем до завтра. Утром Нгуна назначит испытание...

«Значит, я ошибся, — подумал Конан. — Наверное, Нгуна — местный колдун, а этот разряженный павлин — вождь, который обычно спихивает на него все важные решения. Ловко устроился, — хохотнул он про себя, — что бы со мной ни сделали, в ответе за это будет не он, а Нгуна. М-да, только колдуна мне еще не хватало», — скрипнул он зубами, поскольку терпеть не мог всяческих магов и чародеев.

Вождь встал и на всякий случай поклонился киммерийцу. Конан отвесил ему ответный поклон, радуясь в душе, что приговор откладывается.

«Пока суд да дело, — решил он, — может, мне и самому удастся что-нибудь придумать». Варвара отвели в одну из хижин и, поставив перед ним чашу с каким-то варевом,

похожим на кашу, и плошку с водой, оставили одного. Он по своей давней привычке не оставлять на завтра то, что можно съесть сегодня, проглотил вязкую, но не очень противную, как казалось со стороны, пищу и растянулся на циновке. Киммериец даже не стал проверять, охраняют ли его: голоса людей за стенами хижины не оставляли в этом никаких сомнений.

\* \* \*

Конан спал неспокойно. Ему все время снился один и тот же сон, в котором смуглый человек с длинными черными волосами, размахивая перед носом киммерийца тощими костлявыми руками, требовал отдать ему нефритовое ожерелье. Варвар просыпался, но, видя по обступившей его убежище темноте, что утро еще не наступило, засыпал снова, и вновь этот противный человечек появлялся и требовал свое...

Когда киммериец проснулся окончательно, сквозь щели хижины уже брезжил рассвет. Конан сладко потянулся, хрустнув мышцами, и сел, оглядываясь вокруг. Тут же во входном проеме появилась голова одного из стражей. Он со смесью почтения и страха посмотрел на киммерийца и исчез. Варвар встал и шагнул, было, к выходу, но словно именно этого и ждали, вошел другой воин, который принес блюдо с печеными овощами и большим куском мяса. Он, поклонившись, поставил свою ношу на пол и исчез.

— Хм! — Варвар склонился над едой. — Говорил же я, что здесь есть свинина, — похвалил он себя за наблюдательность и в мгновение ока умял все, что ему принесли. — Вина бы еще, — мечтательно вздохнул он, но, решив этот вопрос отложить на потом, вновь растянулся на циновке, ожидая, что будет дальше.

Довольно скоро в хижину заглянул еще один воин и позвал варвара:

— Пойдем!

Киммериец вышел наружу и огляделся, щурясь на солнце. Против его ожиданий поляна была пуста, но неподалеку стояли десять воинов с копьями наперевес, которые тут же окружили его.

— Пойдем! — повторил старший, и все направились по тропинке через пальмовый лес.

Они прошли совсем немного, когда Конан услышал стук барабанов и гул людских голосов. Чуть позже они вышли на большую поляну, заполненную людьми. Лужайка, довольно обширная, казалась тесной, поскольку здесь собрались, наверное, все окрестные жители. Зрелище было весьма живописным. В тени бамбукового навеса в дальней стороне лужайки возлежали старшие воины и вожди, которых варвар определил по причудливым головным уборам из ярких перьев. С обеих сторон от них под сенью раскидистых ветвей расположились остальные туземцы: воины, женщины и дети.

Ребятня гонялась друг за другом с оглушительными воплями, которые заглушали даже шум голосов взрослых.

Справа от того места, где устроились вожди, было воздвигнуто что-то вроде гигантского алтаря: ступени из черных камней достигали середины стволов окружающих площадку деревьев. На этих ступенях стояли плетеные корзины, наполненные фруктами и связками длинных листьев, на больших деревянных подносах лежали целые свиные туши, зажаренные на костре и украшенные зеленью.

На последней ступеньке алтаря возвышались три истукана, похожие на тех, что Конан видел на поляне внизу, только эти идолы были вытесаны из камня и раскрашены немного по-

другому. Посередине поляны были воткнуты в землю два длинных шеста, между которыми на двух веревках был растянут круг величиной с днище от винной бочки, на котором были нарисованы белые лучи, расходившиеся от центра.

В нижние ступени алтаря тоже были вставлены шесты, а к их концам привязаны корзины, также полные всевозможных плодов. Под этими шестами стояли барабаны высотой в рост человека, обвитые пестрыми перевязями из цветных полосок и разукрашенные замысловатыми узорами. За ними виднелись возвышения, где замерли молодые люди, на телах которых не было раскраски.

«Похоже, намечается какое-то большое празднество, — решил варвар. — Уж не собираются ли меня принести в жертву местным богам?»

Он с беспокойством осмотрелся по сторонам, но не увидел ничего похожего на жертвенник.

«Не иначе Солнцеликий счел, что мне рановато отправляться на Серые Равнины», — усмехнулся киммериец.

Он подумал, что сбежать отсюда все равно не сможет, и решил не торопить события, полагаясь на милость богов.

Увидев варвара, туземцы вскочили на ноги, и их пронзительные крики всполошили стаю птиц, до того мирно сидевших на ветвях. Тут же юноши, которые стояли возле барабанов, замолотили ладонями по натянутой коже, и над поляной разнесся грохот такой силы, что его отзвуки были, наверное, слышны даже на берегу моря.

Под громкие вопли толпы киммерийца подвели к вождям и усадили на циновку, расстеленную чуть впереди, — таким образом, Конан оказался на виду у всех. Барабаны зазвучали еще громче, и на поляну гуськом вышли десятка два лысых стариков, которые тянули надтреснутыми голосами однообразный напев, почти не слышный из-за барабанного боя. В правой руке каждый из них держал изящный соломенный веер на тяжелой деревянной ручке. Без устали помахивая ими, старцы прошли мимо Конана и уселись рядом с вождями.

Варвар с любопытством глядел по сторонам и, к великому своему изумлению, внезапно понял, что не только не боится, но и ничуть не волнуется. Вдруг, словно по волшебству, шум стих, и только отдаленные крики птиц нарушили наступившее безмолвие. Конан посмотрел назад и увидел, что приходивший вчера к нему вождь, которого он про себя назвал павлином, встал и поднял руку с копьем. Тут же из-за алтаря появился худой, прямо-таки истощенный человек с черными искрящимися глазами, которые сверкали, как темные алмазы, на бесформенном, казавшемся просто нечеловеческим, лице. Он шел степенно, глядя прямо перед собой. Одеяние человека состояло из пышной юбки, украшенной множеством ярких перьев, и нескольких плетенных из цветных полосок перевязей, крест-накрест обвивавших его коричневое тело.

«Не иначе, Нгунта», — промелькнуло в голове варвара.

Он не ошибся. Человек вышел вперед и, подняв ладони, обвел ими по окружности всю поляну. Туземцы начали распевно выкрикивать:

— Нгун-та! Нгун-та! Нгун-та!

Киммериец покосился на вождей, среди которых был и вчерашний его посетитель. Тот прямо-таки впился глазами в Нгунту, ожидая, что будет делать колдун.

— Люди! — громко возвестил Нгунта, и вся поляна затихла, повинувшись его мощному голосу. — Боги могли дать нам своего посланца. — Не оборачиваясь, он отвел руку назад и ткнул ладонью в сторону варвара.

«Как это «могли дать», — возмутился про себя киммериец, — если я здесь? Что за чушь несет этот череп?»

Он вовсе не хотел выдавать себя за посланца местных богов, просто его неприятно поразили слова колдуна, из которых следовало, что его, Конана, сидевшего здесь, на поляне, как бы и не существовало.

«Подожду, что будет дальше, — нахмурился он, искоса поглядывая на колдуна, — но пусть они особенно не надеются: если этот тощий урод решит отправить меня на жертвенник, просто так я им в руки не дамся».

Конан оглянулся: вожди по-прежнему не сводили глаз с Нгунты.

«Так... Если броситься к ним, — прикидывал варвар, — сбить с ног вон того, толстого, и вырвать у него копье?.. Хм-м, с такой хворостиной много не повоюешь, и притом я вряд ли успею добежать до конца этой лестницы. — Он внимательно посмотрел на алтарь. — Нет, здесь не получится... Рвануть в толпу, туда, где женщины? А потом? Бежать что есть сил к морю?..»

— Мы проверим его силу! — возопил Нгунта. — Пусть попадет в солнце!

Люди заорали еще громче, а грохот барабанов стал таким мощным, что от него даже закладывало уши.

«Какое еще солнце?» — Конан перевел взгляд на колдуна.

— Иди сюда, — донеслось до него сквозь шум и гул барабанов.

Киммериец поднялся на ноги, подошел к Нгунте, посмотрел прямо ему в глаза и увидел в них одновременно беспокойство и надежду.

— Ты должен попасть копьем в этот круг, — почти не разжимая губ, произнес колдун, и Конан внезапно понял, что тот очень рассчитывает на удачный бросок варвара.

— Откуда ты знаешь, что я не промахнусь? — почти весело спросил киммериец. — Может быть, я и копье-то вижу первый раз в жизни.

Шутка варвара возымела неожиданное действие: Нгунта побледнел, его ноги подогнулись, и он едва не упал.

— А что будет, если я попаду?

— Ты докажешь всем, что ты посланец Ронго-Ронго.

Конан смерил взглядом расстояние до деревянного круга, видимо, изображавшего солнце. Высота была очень большой, но попробовать было можно, тем более, а это киммериец прекрасно понял по глазам Нгунты, что в противном случае его ожидали серьезные неприятности.

По знаку колдуна варвару принесли тонкое копье, похожее на то, какими были вооружены воины. Варвар осмотрел его и покачал головой.

— Слишком легкое. Я хочу вот это. — Он указал на копье, которое держал в руках один из вождей.

На поляне воцарилась мертвая тишина, и киммериец подумал, что нарушил какое-то местное правило.

— Ты хочешь копье Мархейо? — запинаясь, пробормотал Нгунта.

— Если его зовут Мархейо, то да, — решительно кивнул Конан.

Тот, кого назвали Мархейо, растерялся. По его глазам варвар видел, что вождю почему-то очень хотелось отдать ему свое оружие, но, с другой стороны, он явно чего-то боялся.

— Если ты пронзишь солнце его копьем, этот человек будет твоим первым сыном, — шепотом сообщил ему колдун.

— Всего-то? — Киммериец смерил оценивающим взглядом своего будущего отпрыска. — Ничего себе сынок, — хмыкнул он. — А если нет?

— Тогда его принесут в жертву богам, — возвестил Нгунта, — вместе с тобой, самозванец.

— Вот оно что... — усмехнулся Конан. — Ничего не скажешь, в тяжелое положение попал бедолага. А если он не согласится отдать свое копье?

— Он будет низложен, на его место изберут другого вождя.

— Что же ты сразу не сказал? — рассмеялся варвар, которому ничего не оставалось, как попытаться поразить цель. — В таком случае я не вижу среди всех этих почтенных людей более достойного стать моим сыном.

Конан уже начал понемногу понимать обычаи этого племени, и его изумила какая-то детская честность и простота этих людей.

«Надо только попасть в это днище, — размышлял он, — и все поверят, что я посланец богов. Надо же! Где-нибудь в Аграпуре дельце бы не выгорело. Да где он теперь, этот Аграпур?» — вздохнул про себя киммериец.

— Дай копье! — Он уверенно шагнул к вождю и требовательно протянул руку.

Тот, завороженный твердостью и властным голосом варвара, безропотно отдал оружие и застыл на месте. Казалось, даже перья на его головном уборе поникли и перестали гордо колыхаться. Конан внимательно осмотрел копье. Тяжелое длинное древко было сделано из какого-то твердого дерева.

Киммериец взвесил копье на руке, примериваясь к броску. Хорошее оружие! Единственное, что беспокоило его, — наконечник. Вырезанный из большой ракушки, остро заточенный, он не казался прочным, и варвар опасался, что наконечник разлетится на кусочки при ударе о дерево.

В том, что он добросит копье до мишени, киммериец нисколько не сомневался. Все время, пока он осматривал оружие, на площадке стояла гробовая тишина, даже дети прекратили свои забавы. Сотни пар глаз были устремлены на варвара и стоявшего чуть поодаль Нгунту.

Наконец Конан взял копье в правую руку и, отступив немного назад, принял боевую стойку. Его могучие мускулы напряглись и выпуклыми буграми натянули загорелую кожу.

Нацелив острие вверх, киммериец сделал несколько быстрых, резких шагов вперед и, сильно прогнувшись в спине, бросил копье, пробормотав при этом слова молитвы: никогда в жизни ему не приходилось поражать цель, находившуюся так высоко.

Бросок вышел на славу. Разрисованное древко, стремительно вращаясь в воздухе, поблескивало на солнце, словно змеиная чешуя. На те несколько, показавшихся невероятно длинными, мгновений, что копье летело к цели, все затаили дыхание. Трах!

Оружие коснулось середины раскрашенного диска, толпа взревела, и деревянный круг разлетелся на несколько кусков, которые, кружась в воздухе, начали падать вниз.

— Посланец! Посланец! — послышались со всех сторон восторженные крики.

Барабаны начали выбивать дробь. Киммериец, подбоченившись, посмотрел на колдуна, в глазах которого увидел нескрываемое торжество, и повернулся к владельцу копья. Тот, разинув рот, и не в силах поверить в свалившееся на него счастье, так и застыл, не отводя взгляда от варвара. На его лице был написан такой восторг, что Конан на миг и в самом деле поверил, будто он посланец неведомого ему Ронго-Ронго.

Нгунта сделал какой-то знак, и четверо воинов внесли на площадку нечто среднее

между креслом и троном — плетеное сиденье на шести бамбуковых столбиках. Два столбика были выше остальных и переплетены вместе наподобие спинки. Кресло поставили за спиной киммерийца, и, когда по знаку Нгунты он втиснулся в него, все туземцы пали ниц пред посланником богов.

«Спасибо, Солнцеликий, — не забыл про себя поблагодарить Митру киммериец, — без тебя мне, пожалуй, пришлось бы туда».

## Глава вторая

### ЛУСУНГА

Нгунта сделал еще один знак, и воины перенесли кресло с киммерийцем под навес. Вожди расступились, освобождая место для посланца Ронго-Ронго.

— Прикажешь начинать праздник? — спросил Мархейо, улыбаясь так, что, казалось, кончики его губ сходились на затылке.

Киммериец, еще не совсем освоившийся с ролью посланника богов или младшего божества, важно кивнул. Мархейо подозвал к себе несколько юношей и что-то приказал им. Те с радостью бросились выполнять распоряжение. Жители, столпившиеся по краям площадки, поняв, что сейчас начнется пир, засуетились, и на поляне появилось огромное количество самой разнообразной еды в корзинах, на огромных деревянных блюдах, в различных сосудах, изготовленных, как подумал варвар, из тыкв или каких-то похожих на них овощей.

Перед Конаном установили что-то вроде невысокой деревянной скамьи, напомнившей ему жертвенник перед истуканами.

«Праздник, так или иначе, состоялся бы, — усмехнулся он. — Если бы копье не попало в цель, пировали бы по случаю принесения в жертву самозванца».

Юноши расторопно поставили перед варваром несколько больших блюд с жареной свининой и связками плодов, а также сосуды с напитками. Конан протянул руку и, взяв один из них, осторожно понюхал содержимое. В нос ударили слегка кисловатый хмельной запах. На всякий случай киммериец украдкой посмотрел на остальных: все с удовольствием хлебали из сосудов, заедая питье мясом и овощами.

«Хм, — подумал он, — пожалуй, стоит попробовать. Вряд ли этим детям природы придется в голову отравить посланника богов».

Расположившиеся рядом с ним вожди, отложив копья, не отставали от своих подданных, поглощая снедь с таким неистовством, будто голодали несколько дней. Нгунта, поглядывая на варвара блестящими глазами, тоже не забывал о яствах, приготовленных местными кулинарами. Конан последовал его примеру, оказалось, что напиток весьма напоминал вино, а мясо, приправленное пряным соусом, было просто великолепным.

Пир продолжался долго. Обильная трапеза сопровождалась мерным барабанным боем. Время от времени то один, то другой музыкант спрыгивал на площадку и смешивался с толпой, но его место сразу же занимал доброволец, принимавшийся изо всех сил лупить по барабанам. Благодаря этому на лужайке не умолкал грохот, сравнимый разве что с ревущим водопадом или со снежной лавиной. Варвар обратил внимание, что люди почти не

разговаривали друг с другом, а только торопливо набивали рты едой.

«Интересно, — спросил сам себя киммериец, с хрустом вонзая зубы в сочный плод, напомнивший ему большое яблоко, — долго они так смогут продержаться?»

Вскоре к барабанщикам присоединились несколько человек с длинными тонкими трубками, сделанными из тростника или похожего на него растения, и к мерным ударам добавился мерзкий гнусавый звук, словно завыла заморийская зурна. Барабаны стали бить чаще, и кое-кто из жителей деревни, выйдя на середину площадки, пустился в пляс. Остальные, подбадривая танцующих криками, хлопали в ладоши в такт ударам барабана. Конан почувствовал, что напиток, которого он поглотил немало, действовал на него как крепкое вино, и, взглянув на вождей и Нгунту, понял, что те и вовсе пьяны, как, впрочем, и большинство туземцев. Никто уже не обращал внимания ни на вождей, ни на колдуна, ни на варвара, ни на музыкантов, все лишь самозабвенно обжирались, начав, правда, при этом болтать и громко смеяться. Киммериец, глядя на беззаботно веселившихся людей, подумал, что оркестр мог бы уже отдохнуть, но барабаны и трубы звучали до самого вечера, а толпа пировала, аж до заката.

Конана, слегка осоловевшего от громадного количества выпитого и съеденного, сопроводили в хижину, вдвое больше той, где он ночевал накануне, и вдобавок украшенную цветными лентами и перьями птиц. Конан рухнул на циновку.

«Хорошо быть посланцем богов, — подумал он, засыпая. — Только вот не мешало бы еще и женщину. Здесь так много красавиц...»

\* \* \*

На следующее утро празднество продолжилось. Киммериец, который решил, прежде чем что-то предпринять, сначала хорошенько присмотреться и изучить местные обычаи, безропотно принял приглашение Мархейо и устроился под навесом. Как и вчера, перед ним выставили такое же огромное количество еды и напитков. Жители принялись жевать с тем же неистовством, но по обрывкам их разговоров варвар понял: сегодня праздник будет посвящен не только еде и питью. Нгунта, увидев, что киммериец внимательно прислушивается, подошел к нему. С трудом перекрывая грохот музыки, он прокричал:

— На празднике Бунта мы выберем тебе жен, посланец богов!

Варвару это очень понравилось, но он не стал ничего уточнять. Его несколько удивляло, что, несмотря на присвоенный ему громкий титул, во время вчерашнего праздника о нем как будто и не вспоминали, словно его и не было на поляне.

Правда, приставленный, видимо, специально для этой цели, юноша внимательно следил, чтобы блюдо и чаша перед ним не оставались пустыми.

«Наверное, здесь так принято — не беспокоить божество, — подумал киммериец. — Ладно, время теперь у меня есть, может, и придумаю, как быть дальше».

Пир только-только успел начаться, как Нгунта, взяв в руки бубен, сделанный из согнутого бамбукового прута, внутри которого на натянутых веревках были подвешены выдолбленные скорлупы больших орехов, вышел на середину лужайки.

Мгновенно барабаны и трубы умолкли, и в тишине, особенно пронзительной после чудовищного грохота, колдун начал приплясывать, сопровождая свои движения взмахами бубна, который издавал четкий сухой стук. Сидевшие вокруг поляны зрители, поначалу

притихшие, принялись ударять в ладоши в такт бубну и мерно раскачиваться. Продолжая танец, Нгунта спиной двигался к тому месту, где сидели вожди и киммериец, а на середину лужайки начали выходить девушки в сопровождении нескольких старух, раскрашенных почти так же, как воины: белыми и кроваво-красными полосами.

Девушек было много, не менее пяти-шести десятков, и киммериец с вожделением поглядывал на полногрудых прелестниц с длинными стройными ногами и белоснежными зубами. По знаку старух девушки сбросили юбки и накидки и остались совершенно нагими, если не считать небольших связок мелких цветков, которые, словно бусы, обвивали их шеи, и больших белых орилей, воткнутых в волосы. Толпа радостно заревела, и Конан сам был готов завопить от восторга, но благоразумно промолчал.

Нгунта еще несколько раз потряс бубном, и в середину круга, образованного девушками, вошла рослая женщина с небольшим длинным барабаном в руках. За ней выбежали несколько нагих раскрашенных девушек с погремушками. К удивлению варвара, под одобрительный гул толпы девушки встали на четвереньки, и пошли по кругу, странно подпрыгивая, будто подражая волкам. Женщина с барабаном и девушки с погремушками, извиваясь и приплясывая на месте, подыгрывали им на своих инструментах.

Постепенно ритм ускорялся, и девушки бежали все быстрее и быстрее, время от времени сталкиваясь, и потираясь друг о друга. Постепенно танец стал настолько быстрым, что трудно было различить отдельных девушек. Казалось, они слились в одну извивающуюся цепь. Нгунта тем временем тоже выскочил в середину круга. На этот раз голову колдуна прикрывала маска, сделанная из головы волка или собаки, а хвосты этих животных свисали с его тощей спины. Подняв голову вверх, Нгунта начал медленный танец, а потом завел песню, похожую на заклинание, которая завершилась пронзительным криком, напоминавшим визг шакала. В ответ из леса послышались завывания, звучавшие все громче и громче. Жители деревни, так же мерно раскачиваясь, тоже завыли. Все это продолжалось довольно долго, пока Нгунта не рухнул на землю как подкошенный, и тут же девушки, остановив свой бег, тоже упали навзничь, ногами к центру круга. Конан прищелкнул языком. Зрешище было восхитительным: несколько десятков нагих юных тел, словно лепестки огромного цветка, украсили поляну.

— Нгунта! Нгунта! — раздавались крики со всех сторон лужайки.

Колдун поднялся и, пошатываясь, направился к своему месту. Юноша поднес ему чашу с напитком, и Нгунта, жадно припав к ней, долго пил, словно его мучила сильная жажда. Отбросив от себя сосуд, он поднял руки и воскликнул:

— Назначение! Назначение!

Зрители восторженно завопили. Нгунта потряс бубном, и девушки, до того лежавшие неподвижно, резво вскочили на ноги и выстроились в ряд, повернувшись лицами к вождям и варвару.

«Кажется, теперь я начинаю чувствовать в себе нечто божественное, — ухмыльнулся киммериец, не зная, на какой из девушек остановить взгляд. — Вот эта подошла бы... Нет, лучше эта... Или, может быть, вон та, с краю?»

Девушки, нисколько не смущаясь, что стоят совершенно обнаженными перед всем племенем, лукаво поглядывали на варвара.

«Когда же, Нергал раздери этих дикарей, — Конан чуть не подпрыгивал от нетерпения, — я смогу выбрать кого-нибудь?»

Однако он ошибался: титул посланца богов не означал, что теперь ему принадлежит

власть. Да, ему поклонялись, отдавали почести, но и только.

Все произошло очень просто: вожди и колдун вполголоса о чем-то посовещались, поглядывая на девушек, потом Нгунта подошел к красавицам и, выбрав троих, знаком приказал им идти к варвару. Толпа, до того безмолвствовавшая, вновь разразилась криками, и опять загрохотала музыка.

«Троих? — удивился Конан. — Неплохо у этих дикарей придумано. Девчонки, клянусь стройными бедрами Иштар, прехорошенькие! Я бы не возражал, будь их и побольше!»

Девушки, подойдя к киммерийцу, низко поклонились ему и улеглись на траву рядом с его троном.

«Что же мне делать? — с разочарованием подумал варвар. — Неужели до самого вечера теперь придется сидеть здесь, пить, жрать от пуз, и только смотреть на эти прекрасные создания?»

Но он ошибся и на этот раз. Обычаи туземцев не подразумевали столь изощренного издевательства. Остальных девушек раздали молодым воинам, которые, как понял варвар, еще не имели собственных женщин. В отличие от посланца богов каждому досталось только по одной. Трубы взвыли еще громче, и Нгунта, приблизившись к киммерийцу, лукаво поглядел на него и сказал:

— Теперь ты можешь заняться тем, к чему стремишься, а мы будем воздавать хвалу богам и молиться.

— Вот это дело! — Конан аж вскочил с кресла и в сопровождении девушек и охранявших его десяти воинов направился к деревне, в хижину, где провел сегодняшнюю ночь.

Толпа проводила их уход с поляны, как, впрочем, и шествие молодых воинов, впервые получивших женщин, приветственными возгласами, и тут же, как заметил варвар, обернувшись назад, все вновь принялись за еду и питье.

«Наверное, это у них и называется молиться богам — обедаться и упиваться, пока не свалишься с ног, — усмехнулся киммериец. — В общем, неплохое mestечко, — подумал он, глядя на стройные спины и упругие ягодицы трех красавиц. — Ну ладно, потерпи, Конан, совсем уже немного осталось...»

\* \* \*

Подходя к хижине, киммериец решал про себя трудный вопрос: с какой из прелестниц он начнет знакомиться первой, но оказалось, что он напрасно мучился. Стоило им переступить порог, как две девушки сели на циновку ближе к выходу, а третья, не говоря ни слова, подошла к киммерийцу и потянула его набедренную повязку, намереваясь снять ее. Конан, забыв о своем титуле, схватил девушку и бросил ее на приготовленное для них ложе...

Конан был крепким мужчиной: крики, повизгивания и стоны девушек разносились сквозь плетеные стены хижин далеко по округе, и когда все они настолько утомились, что не могли даже пошевелиться, варвар позволил себе выйти наружу, разминая плечи и поясницу. Впервые после появления здесь он чувствовал себя нормально: им никто не управляем, и он все делал сам. С поляны все еще доносился грохот барабанов, но вдруг киммерийцу почудилось, что их ритм изменился. Так и есть, удары стали беспорядочными, трубы смолкли, и он услышал крики людей.

Воины, которые охраняли его хижину, прислушались, и один из них произнес:

— Лусунга!

— Что это такое? — спросил у него варвар.

Воины вытаращили глаза, на их раскрашенных лицах отразилось крайнее удивление.

— Лусунга — это могучий вождь с севера, — объяснил один из воинов, сжимая копье.

— Ну и что? — не понял варвар.

— Он может рассердиться за то, что ему не показали тебя, и тогда...

— Что тогда? — спросил киммериец, но, не дожидаясь ответа, все понял сам. — Будет война?

— Да, — подтвердил воин и еще крепче сжал копье — так, что побелели костяшки пальцев.

— Много у него воинов? — спросил Конан.

— Много...

— Как много? — продолжал допытываться варвар, и вдруг понял, что не может на языке этих людей назвать сотню или тысячу.

На лице туземца появилось почтительно-испуганное выражение:

— Очень много...

Киммериец махнул рукой, решив, что не стоит и голову ломать.

«Наверное, после десяти у них все называется много», — подумал он. — Пойти, что ли, взглянуть на этого Лусунгу?»

Варвар заглянул в хижину, где в живописных позах раскинулись его спящие жены, и неторопливо направился в сторону поляны. Половина его охранников последовала за ним, остальные остались возле хижины.

«Кое-какой порядок у них все-таки есть, — мысленно похвалил он туземцев, — но вряд ли они хоть что-то понимают в военном деле. Наверное, просто бегут толпой и тычут друг в друга копьями».

Выйдя на поляну, Конан увидел, что перед навесом вождей народу прибавилось. Группа людей, раскрашенных иначе, нежели воины этой деревни, окружала высокого тощего старца. Яркие перья и цветные полоски украшали до такой степени, что трудно было разглядеть его лицо. Старец, размахивая руками, говорил что-то высоким пронзительным голосом, а вожди, собравшись кучкой, время от времени отвечали ему. Колдун Нгунта стоял чуть поодаль, и было заметно, что он слегка растерян и испуган.

— В чем дело? — Киммериец подошел к нему сбоку, стараясь не привлекать к себе особенного внимания.

— Он говорит, что ты не посланник богов... — Увлеченный разговором вождей, Нгунта чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда варвар взял его за локоть.

— А кто же я тогда? — усмехнулся Конан, которому его положение пришлоось весьма по душе, и в ближайшее время расставаться с этим, почетным титулом, по крайней мере, добровольно, он не собирался,

— Он говорит, что на другом острове, где живет вождь Помонтохо, появился настоящий посланец.

— А что, недалеко есть другие острова? — полюбопытствовал варвар, прикидывая про себя, что это совсем неплохо: во всяком случае, если что, будет куда смыться.

— Один виден с того берега, — ответил, махнув рукой, колдун. — Мы туда плаваем на лодках.

— Там много людей?

— Много.

Конан поморщился, вспомнив, что у дикарей все равно толком не выведать, что такое много или что такое далеко...

— За день туда можно доплыть? — наконец сообразил он, как правильно задать вопрос.

— Меньше чем за полдня можно...

«Демон их разберет, как быстро ходят их лодки, — подумал киммериец. — Пожалуй, лиг пять-шесть до той земли. Могу и так доплыть».

Это несказанно обрадовало его, и Конан стал с интересом следить за беседой вождей, поглядывая на Нгуntу, лицо которого, то бледнело, то краснело.

Вдруг один из вождей по внезапно наступившей тишине понял, что происходит нечто необычное. Он повернул голову и увидел варвара, стоявшего рядом с колдуном. Слова, которые он хотел произнести, застряли у него в глотке. Остальные, посмотрев на него, проследили за его взглядом, и на их лицах отразилось нечто похожее на ужас.

«Клянусь Белом, — подумал варвар, — не иначе как я нарушил какое-нибудь табу. Но что ж, попробую удивить их еще...»

Конан, не зная всех местных обычаяев, все-таки почувствовал, что эти люди теряются, когда сталкиваются с чем-то необычным. Все должно иметь свой порядок, свою последовательность — к другому они просто не приучены... Киммериец резко повернулся и широкими шагами направился прямо к вождям. Воины, которые стояли между ними, в страхе расступились, даже не попытавшись задержать его.

Варвар подошел почти вплотную к Лусунге. Тот, широко раскрыв глаза, начал пятиться, а варвар ткнул пальцем в разрисованную грудь дикаря и грозно спросил:

— Ты кто такой?

Рот вождя открылся, глаза распахнулись еще шире и стали совсем круглыми. Конан даже забеспокоился, не случился ли с ним удар. Лусунга сделал еще два шага назад и непременно упал бы, не поддержи его один из воинов. С невероятной ловкостью кто-то из свиты подставил плетеное кресло, очень похожее на трон посланца богов, и Лусунга плюхнулся в него. То, что киммерийцу показалось креслом, на самом деле было неким подобием носилок. Четверо воинов схватили рукоятки и почти бегом удалились с поляны, над которой повисла мертвая тишина. Варвар, подбоченившись, победно оглядел столпившихся вождей, но на их лицах вместо одобрения он увидел смесь испуга и подобострастия. Один Нгуnta выглядел веселым.

«Неужели я все-таки сделал что-то совсем уж невероятное или непоправимое? — подумал Конан, но тут же отмел сомнения. — Нет! Все правильно. Иначе так и буду у них чем-то вроде живого истукана. До тех пор, пока по обычаям этих дикарей не наступит время принести меня в жертву».

\* \* \*

Празднества окончились, и потекли обычные будни. Для Конана это была беспрерывная цепь сладкого ничегонеделанья, которая состояла из сна, еды, питья и забав с женами. Утром, едва только рассвет золотил краешек неба, киммериец вместе с ними спускался к морю для утреннего купания, почти к тому самому месту, где очнулся на этом острове;

Потом они возвращались к хижине, и расторопные юноши, обязанностью которых было выполнять прихоти посланца богов, подавали обильный завтрак. После этого варвар до самого обеда предавался плотским утехам, затем поглощал еще более сытную, чем утром, снедь и позволял себе сладкий послеобеденный сон. Проснувшись, он слушал рассказы своих жен о жизни и обычаях племени, не без удовольствия прихлебывая напиток, похожий на вино. Он многое не понимал в их обычаях и правилах, которых было бесконечное множество, да и старался не забивать голову этой ерундой, поскольку посланца богов все это во многом не касалось. Потом он опять ел, ласкал женщин, спал...

Прежде, когда случалось голодать и мерзнуть, мокнуть под дождем и изнывать под палящим солнцем в пустыне, варвар мечтал, что настанет такое время, когда он будет пребывать в тепле и сытости, в окружении красивых женщин, и никуда не надо будет бежать, не надо искать ночлег, а на добрую кружку вина всегда найдется монета...

«Клянусь Кромом, — мрачно подумал киммериец, когда давняя мечта воплощалась уже десять дней, — пожить так еще две-три луны, и я превращусь в откормленного хряка с заплывшими жиром мозгами... Прав Нинус. Сладостей надо есть столько, чтобы еще хотелось, а стоит перебрать, так непременно затошнит...»

Он сидел около своей хижины в тени пальмы, прислонившись к стволу и потягивая хмельной напиток из большого сосуда, выделанного из сущеной тыквы и оплетенного цветными полосками. Заходящее солнце уже скрылось за верхушками деревьев, но небо было светлым и спокойным, и даже ветерок, приятно обвевавший тело, стих, словно тоже готовился отойти ко сну, уступив место ласковому ночному собрату.

«Славно мы тогда пощипали с Нинусом богатеев, — вспоминал своего шадизарского приятеля киммериец, — хоть и не всегда все было гладко. Но не может ведь всегда везти. Наверное, боги распределяют все так, чтобы не было скучно... Как ожерелье из разных камней: один цвет, потом другой...»

«Ожерелье! — вдруг вспыхнуло в его мозгу. — Бусы из зеленого камня! — Он попытался вспомнить, зачем ему это ожерелье, но мысли путались, а ухватить нужную не удавалось».

— Копыта Нергала! — выругался он. — Вот уже и с памятью плохо! — По телу побежали мурашки. — Может быть, Нгунта говорил о нем? Пойду, спрошу, что ли... Все равно делать нечего».

Конан направился к хижине колдуна, стоявшей неподалеку. Пять воинов, что охраняли спокойствие посланца богов, последовали за киммерийцем.

«Демоны бы их забрали! Как пиявки присосались...» — с раздражением подумал варвар.

Все время десять воинов с копьями и в боевой раскраске не спускали глаз с Конана и его жилища. Никто не запрещал ему передвигаться по деревне, ходить в лес или к морю, но всегда половина его охранников следовала за ним, куда бы киммериец ни направлялся. Но самое странное, что никто не приходил к нему, не разговаривал, ни о чем не просил и ничего не требовал, этим дикарям было не до него. Встречаясь с ним на поляне, в лесу или в любом другом месте, жители почтительно кланялись и продолжали заниматься своими делами.

«Да, в самом деле, я для них что-то вроде живого истукана, — размышлял варвар, неспешно шагая к жилищу Нгунты. — Хорошо, что живого, а то вполне могли бы и чучело из меня сделать», — невесело усмехнулся он.

Единственным из обитателей деревни, кто хоть как-то проявлял к нему интерес, был колдун Нгунта. Киммериец чувствовал, что его появление здесь помогло местному магу

серьезно укрепить влияние на соплеменников, как, впрочем, и вождю Мархейо, чьим копьем варвар доказал свою причастность к высшим силам. Конан с трудом разбирался в многочисленных и совершенно не понятных ему запретах, которыми была опутана жизнь туземцев. Например, ни одна женщина, кроме тех, что были предназначены варвару, не имела права приближаться к жилищам колдуна и Конана ближе, чем на пятьдесят шагов, а ни один мужчина не мог присутствовать при утреннем купании девушек.

— Ну и что будет, если кто-нибудь нарушит этот запрет? — спросил варвар у Нгунты, когда тот в один из первых дней его пребывания здесь рассказал о местных обычаях.

— Если это воин, его ждет смерть у алтаря, — буднично ответил Нгунта.

— Это там, в лесу? — Киммериец вспомнил трех деревянных иолов.

— Да, — кивнул колдун. — Провинившегося связывают и, сделав несколько надрезов на его теле, оставляют там.

— Ясно... — Конан не стал уточнять подробности, прекрасно понимая, что несчастного живьем сожрут шакалы или стервятники.

— А если это женщина? — Если у нее есть муж, с ней поступают так же, как и с воином, а если мужа нет, мы ее съедаем, — спокойно ответил Нгунта.

— Как? — Варвара едва не стошило. — Так что, на празднике ты меня тоже кормил человечиной, старый шакал?

— Нет, — покачал головой Нгунта, — это случается нечасто. Особенно приятны на вкус мозг и печень. Очень вкусно... — мечтательно поворотил он, полузакрыв глаза. — Когда мы воюем с Лусунгой, вкусного мяса много, а так... — Он с сожалением развел руками.

\* \* \*

...Нгунта был на месте. Он сидел на корточках около хижины, а перед ним были разложены принадлежности для колдовства: палочки странной формы, кусок змеиной шкурки, несколько листьев, пожелтевших и свернувшихся в трубочку, погремушка из маленькой тыквы, с десяток цветных камней и несколько ракушек.

— Да продлятся дни твои, — привстал он, увидев Конана.

— Слушай, Нгунта, — без предисловия начал варвар, — ты ничего не говорил мне о бусах из зеленого камня?

На лице колдуна отразился ужас.

— Нет, нет! — замахал он руками, словно даже упоминание об этом таило в себе какую-то угрозу.

— Но ты ведь знаешь о них? — почувствовав, что напал на верный след, продолжал настаивать киммериец.

— Значит, ты пришел за ними? — испуганно пролепетал Нгунта.

— Ни за чем я не пришел, — усмехнулся варвар, — но я должен знать, где оно находится. — Конан уже уяснил, что местным жителям неведома ложь, и даже колдун не сможет соврать, если понимает, о чем идет речь. — Тебе известно, где оно?

— У Ванататры. У кого же еще? — нехотя ответил Нгунта.

— У Ванататры? — переспросил киммериец. — А не у Помонтохо?

Чтобы получить точный ответ, надо было очень тщательно продумывать вопрос. Поинтересуйся Конан, кто такой Ванататра, он, скорее всего, и до самого заката ничего бы и

не узнал толком. Теперь же Нгунта вынужден объяснить, почему ожерелья не может быть у Помонтохо, и не исключено, что из его рассказа удастся что-нибудь узнать и про Ванататру.

— Помонтохо — простой вождь, — усмехнулся колдун.

«Вот оно в чем дело! — сообразил варвар. — Этот Ванататра, видимо, колдун какого-то племени или деревни на другом острове. Но почему они думали, что меня прислал к ним Ванататра?»

— Ваши воины сказали, что меня прислал Ванататра, — напомнил он Нгунте.

— Мархейо отдал свою дочь в жены одному из вождей Северной Земли. Ванататра был против и сказал, что если вождь заболеет, то он пришлет Большого Джокинамбу и тот принесет болезни на наш остров.

— Они что же, ни разу не видели этого Джокинамбу?

— Его никто не видел, — едва заметно улыбнулся Нгунта.

— Откуда ты знаешь, что ожерелье из зеленого камня у Ванататры?

— У кого же еще?

«Хороший ответ, — подумал киммериец. — Вот и думай, на самом деле у него есть такие бусы или это всего-навсего местная сказка...»

Он повернулся и пошел вниз по склону к своей хижине. Воины, почтительно стоявшие в стороне, пока он беседовал с колдуном, тут же зашагали вслед за ним.

\* \* \*

От нечего делать киммериец решил смастерить себе лук. Он не был оружейным мастером и охотно обзавелся бы гирканским или аргосским луком, но где его взять в этом богами забытом месте? Варвар обшарил весь близлежащий лес, пока не нашел подходящее, по его понятиям, деревце, гибкое и тонкое. Заостренной ракушкой, которую местные умельцы использовали в качестве ножей, он аккуратно заровнял концы выдернутого из земли ствола, а тетиву из пальмовых волокон киммериец заставил сплести своих жен.

— Даром, что ли, я с вами тут вожусь... — проворчал он, когда, наконец, после долгих объяснений его женщины сообразили, что от них требуется.

Теперь к обычным дневным делам прибавилось изготовление стрел. Перьев для охвостья было множество, но киммерийцу пришлось изрядно попотеть, прежде чем он нашел подходящий материал для наконечников. Около ручья, где росли белые орилеи, Конан разыскал несколько камней, которые ему удалось расколоть на тонкие длинные пластинки. Он примотал их волокнами к стрелам и сверху залил смолой, как это делали туземцы. Его охранники, присев на корточки и, разинув рты от удивления, безмолвно наблюдали за работой посланца богов. Внешне лук вышел на славу — тугой, длинный, с таким было бы не стыдно появиться и в Аграпуре. Правда, оставалось еще проверить, можно ли из него стрелять.

Когда варвар вышел на середину лужайки, чтобы опробовать свое творение, чуть не вся деревня сбежалась посмотреть на диковинку. Они молча смотрели, как киммериец прилагает стрелу и поднимает лук. Сначала Конан хотел просто выпустить стрелу в воздух, чтобы посмотреть, далеко ли бьет оружие, но потом заметил на противоположном краю поляны стайку крупных птиц, рассеянных на вершине дерева. Он прикинул расстояние.

«Удивлю-ка я этих детей природы».

Усмехнувшись, варвар посмотрел на жителей деревни, которые никак не могли понять, что же делает посланец богов.

Стрела запела, стремительно уносясь к цели, и уже по этому звуку Конан определил, что лук хорош. Дики, оторопев, следили за полетом ярко оперенной стрелы. Через несколько мгновений птица шлепнулась на землю, и одновременно туземцы попадали ниц, закрыв глаза ладонями.

— Копье богов, копье богов! — вопили они.

Они были почти правы: киммериец сделал большой лук для себя, со стрелами такой длины, что их и вправду можно было сравнить с копьем.

— Теперь попробуй ты! — Конан протянул лук Мархейо, но тот в страхе замахал руками, не в силах заставить себя прикоснуться к оружию посланца богов. — Я же пользовался твоим оружием, — уговаривал его варвар, но все было тщетно.

Киммериец попытался предложить еще кому-нибудь выстрелить из лука, но все воины с округлившимися от ужаса глазами решительно отказывались от подобной чести.

— Ну и пес с вами! — беззлобно ругнулся Конан. — Не хотите, оставайтесь в дураках, вам же хуже. Пойду, пожалуй, к своим женщинам... Птицу зажарьте мне на ужин, — кивнул он прислуживавшим ему юношам.

«Вот дики, хуже нас, варваров, — хмыкнул киммериец. — Дети малые!»

На следующий день, когда Конан вернулся после утреннего купания со своими женами и с удовольствием обгрызал свиной окорок, его трапезу прервали звуки трубы и крики на дальнем конце поляны.

— Лусунга, Лусунга... — заговорили между собой женщины.

«Некоторое разнообразие мне не повредит. Пойду, погляжу, что там такое». Киммериец бросил недоеденную ногу и направился в ту сторону, куда сбегались туземцы.

Жители деревни кольцом окружили Лусунгу, который, отчаянно жестикулируя и время от времени срываясь на визг, кричал на Мархейо, указывая на нечто, лежавшее на земле.

Киммериец подошел поближе, и толпа расступилась, пропуская его. Конан увидел труп молодой женщины. Сначала он не сообразил, в чем дело, но мгновением позже разглядел, что у покойницы была аккуратно срезана половина черепа и вскрыт живот — там, где находится печень.

— Это сделали твои люди! — возбужденно кричал Лусунга.

Мархейо молча озирал собравшихся, не решаясь возражать разъяренному соседу.

«Особенно вкусны мозг и печень, — вспомнил Конан слова Нгунты. — Значит, кто-то поймал бедняжку в лесу или похитил из деревни и съел самые лакомые, по мнению туземцев, кусочки».

— Кто сделал это? — грозно обратился Мархейо к соплеменникам.

Все подавленно молчали.

— Мы это сейчас узнаем, — зловеще пообещал Лусунга.

Он взял за плечо одного из своих воинов и что-то тихо сказал ему на ухо. Тот, кивнув, побежал к лесу и скрылся в зарослях.

— Куда он побежал? — шепотом спросил варвар у подошедшего к нему Нгунты.

— Он пошел за Гуна-Райнай, — ответил колдун, бледный и крайне встревоженный.

— Это еще кто? — спросил Конан, но в это время воин вышел из леса вместе с женщиной, и по поляне пронесся шелест голосов:

— Гуна-Райна... Главная колдунья...

Женщина была высокой, намного выше остальных туземок, с красивой, светло-коричневой кожей. Она была обнажена до пояса, а на бедрах свободно сидела короткая юбочка. Высокая и очень большая грудь женщины слегка колыхалась при ходьбе. Киммериец пораженно хмыкнул: несмотря на внушительные размеры, грудь колдуньи была крепкой и упругой. Такого варвару не приходилось видеть, хотя в его жизни побывало достаточно женщин. Конана также изумил ее живот, весь покрытый концентрическими кругами, но не раскрашенный, как это обычно делали туземцы, а татуированный. Волосы колдуньи были собраны в пучок, скреплены наверху и расходились над головой наподобие веера. За женщиной шел мальчик, который нес что-то вроде большого бубна, сделанного из изогнутых кусков дерева и пустых продолговатых тыкв.

Гуна-Райна склонилась над трупом и долго осматривала его. Потом она села на землю и положила перед собой несколько костей и тыкву с водой. Полив немного воды на руки, она побрызгала кости и посыпала их каким-то белым порошком.

Жители деревни смотрели на эти приготовления, не проявляя особого беспокойства. Колдунья подбросила кости вверх и, посмотрев, как они упали, выпрямилась и, повернувшись к Мархейо, приказала:

— Приведите всех, кого зовут Ткумуху!

Нескольких человек вытолкнули в середину круга. Женщина вновь обратилась к Мархейо:

— Ее убил один из этих людей.

— Кто? — свирепо ощерившись, спросил вождь.

— Сейчас узнаю, — ответила колдунья и кивнула мальчику.

Тот подошел к ней и протянул небольшое птичье яйцо. Его скорлупа была столь нежной, что казалась прозрачной. Киммериец бросил взгляд на Нгуунту и увидел, что тот дрожит, а на верхней губе колдуна выступили мелкие капельки пота.

Гуна-Райна тем временем протянула яйцо ближайшему из подозреваемых и приказала передать его следующему. Мальчик принялся трясти бубен.

Сухие, надтреснутые звуки понеслись над лужайкой. Конану стало ясно, что при малейшем нажиме скорлупа лопнет, и это изобличит виновного, если, конечно, таковой находился здесь. Так и случилось. Когда яйцо попало в руки пятого мужчины, его лицо вдруг свела гримаса ужаса, пальцы дрогнули, и по ладони растекся желток. Несчастный замер, вытянув руку, с которой на землю стекала скользкая масса, а его дрожащие губы тщетно пытались выговорить какие-то слова.

— Что ты хочешь сказать в свое оправдание? — спросила у него колдунья.

— Мне помогали он и его брат Мбуки. — Ткумуху указал пальцем на колдуна.

Гуна-Райна повернулась к Нгуунте, и киммериец увидел, как в глазах ее мелькнуло торжество. Он внезапно понял, что колдуны этих деревень не ладили, а сейчас Гуна-Райна сумела сделать так, что Нгуунта оказался в опасном, а может быть, и в смертельном положении. Признавшийся преступник между тем, дрожа всем телом, рассказывал вождям, как все произошло, время от времени показывая рукой на Нгуунту. Несколько воинов уже схватили колдуна и еще одного человека, который, как понял варвар, был его братом Мбуки.

Нгуунта и Мбуки яростно отрицали свою причастность к преступлению, но киммериец уже понял, что старый колдун виновен, и подивился тому, что, оказывается, среди дикарей все-таки есть люди, которые умеют лгать. Торжествующая Гуна-Райна по знаку Лусунги

присступила к подготовке нового обряда.

Толпа расступилась перед ней, туземцы рассаживались на траве по краям поляны. Вождям быстро принесли навес, а посланцу богов — его трон, и Конан присел, понимая, что предстоящее зрелище будет долгим. Ему было слегка жаль Нгунту, с которым он за это время довольно много общался и к которому испытывал нечто похожее на симпатию.

Над разведенным огнем подвесили большой глиняный котел с водой. Когда вода закипела, Гуна-Райна бросила туда куски коры неизвестного киммерийцу дерева, а потом добавила красноватого порошка. Образовавшаяся густая жидкость кипела, покрываясь многочисленными пузырями, которые лопались с громким треском. Цепочка женщин по знаку колдуны вошла в круг и стала медленно кружиться перед костром, что-то монотонно напевая. Мальчик постукивал в бубен в такт их движениям. Некоторые из зрителей стали возбужденно подпрыгивать на месте и что-то выкрикивать. Над поляной разнесся запах варева, напомнивший варвару вонь солдатской казармы.

«Экое дермо варит эта ведьма, — отметил про себя варвар, — явно отрава».

Колдунья подошла к котлу, зачерпнула ковшом густую жидкость и налила в большой сосуд, чтобы остудить. Потом, оглянувшись на Мархейо и Лусунгу, которые сидели рядом и дружно закивали ей в ответ, она предложила несчастному

Ткумху отпить из сосуда. Тот послушно глотнул, и сосуд передали Нгунте, а потом — его брату. Все пили отраву, даже не пытаясь сопротивляться. Потом по знаку колдуны жители деревни начали подходить к котлу и, зачерпывая оттуда жидкость, глотать. Вождь поднес ковш с напитком и киммерийцу, но Конан мрачным жестом отоспал его прочь: что-то ему не хотелось даже пробовать это пойло, от которого несло застарелым потом.

Варево подействовало на всех возбуждающе, толпа заплясала, криками выражая радость, откуда-то появились юноши, которые ладонями били в большие барабаны, еще более подстегивая танцующих. Только Гуна-Райна, варвар со своими охранниками и связанная тройка преступников оставались неподвижными среди этой сумасшедшей пляски. Колдун и два его соучастника сидели спокойно, безмятежно улыбаясь.

«Не нравится мне все это, — подумал Конан. — Похоже, пора убираться с этого островка, пока цел. Побыл немного посланником богов — и хватит...»

Несколько раз Конан ловил направленный на него взгляд колдуны, но в нем не было того, что он обычно привык видеть в глазах женщин: призыва или неприкрыто желания. Блестящие глаза Гуна-Райны смотрели угрюмо и торжествующе, так что варвар даже поежился и на всякий случай отвернулся.

«Чего ей от меня надо? — мрачно спросил он себя. — Не хватало еще попасться в лапы этой сучке... А девчонка, между прочим, что надо. — Он украдкой метнул взгляд на еезывающие торчавшие груди. — Вот если бы только она не была колдуньей...»

Конан ни в коей мере не испытывал любви к чародейству и старался держаться подальше от любой магии. Справедливости ради стоит отметить, что у киммерийца это получалось крайне плохо: судьба его складывалась так, что он постоянно сталкивался с колдовством в самых мерзких его проявлениях.

Тем временем пляска стала понемногу затихать, и скоро все племя, включая и вождей, рухнуло на траву, в изнеможении раскинув руки.

Варвар с радостью покинул бы свой трон, но его удерживало любопытство. Что же будет дальше? Постепенно все поднялись с травы и вновь уселись в кружок. Свое место, чуть в стороне от Конана, заняли и вожди.

Все смотрели на связанных преступников, застыв в напряженном ожидании. Вдруг Ткумху затрясся всем телом и согнулся пополам, его тело начало содрогаться в приступах рвоты, такой сильной, что он не мог даже вздохнуть. Вслед за ним такая же участь постигла и Нгунту.

Между тем Мбуки сидел совершенно спокойно, и по его лицу, как и прежде, блуждала блаженная идиотская улыбка. Жители деревни спокойно и безучастно смотрели на мучения двух своих соплеменников. Колдунья встала и подошла к Мбуки.

— Ты будешь жить! — сказала она. — Ты не виноват. Развяжите его, — обратилась она к Мархейо.

Тот сделал знак воинам, несчастного брата Нгунты освободили от пут, и он присоединился к толпе, наблюдавшей за агонией преступников. А они доживали, по всей видимости, последние мгновения: несчастные стонали, катались по траве, корчились от боли и наконец затихли. Толпа радостно завопила:

— Ронго-Ронго взял! Ронго-Ронго взял!

Гуна-Райна выпрямилась и, гордо оглядев собравшихся, удалилась в лес, откуда пришла. Мальчишка с бубном вприпрыжку поспешил вслед за ней. Конан краем уха прислушался к разговору вождей и понял, что почтенные предводители обсуждают, сколько свиней должна заплатить деревня Лусунге за смерть девушки. Лусунга и его свита выглядели довольными и гордыми, а вожди деревни во главе с Мархейо — подавленными и мрачными. Варвару показалось, что их печалило не только то, что придется отдать несколько животных. Причина была куда более значительной.

«Ну конечно! — вдруг сообразил он. — Они же остались без колдуна. Кто теперь будет лечить болезни, отводить злые силы, предсказывать погоду?»

Конан не знал всех обычаяев племени и потому беспокоился. Он встал и пошел к своей хижине, размышляя по дороге о колдовских штучках.

«Как же это так? Вонючую отраву пила вся деревня, а умерли только эти двое. Неужели они и вправду убили девушку, или ловкая Гуна-Райна просто устранила соперника? А кстати, — спохватился варвар, — не отразится ли смерть Нгунты на мне? Демоны и те не разберут дикарские обычай. Один Нергал знает, чем эта история может закончиться...»

\* \* \*

На этот раз варвар нисколько не ошибся в своих опасениях. В этот день все было как обычно: обильная пища, ласки женщин. Однако Конан испытывал смутное беспокойство, а мимолетные взгляды его стражей и жителей деревни и вовсе не радовали. Все, как и раньше, оказывали ему почести, кланялись и расступались при его приближении, но в их глазах киммериец видел, то же выражение, с каким они следили за мучениями Нгунты и Ткумху. Варвар заволновался.

«Нергал мне в печень, — проносилось в его голове, — похоже, и я уже приговорен. Но когда и к чему? У этих дикарей ведь ничего толком не узнаешь, а единственный, кто мог бы объяснить — мой приятель Нгунта, — уже прогуливается по Серым Равнинам. Попробую разузнать хоть что-нибудь у моих женщин».

Единственное, что слегка успокоило киммерийца — уже наступал вечер, а празднества и жертвоприношения, как он успел понять, всегда совершались днем, при свете солнца.

«По крайней мере, у меня есть в запасе ночь, — искоса оглядывая своих охранников, думал Конан. — Но как убежать от десятка воинов?»

Будь у варвара его любимый меч и доспехи, другое дело, но что мог он, прикрытый только набедренной повязкой, противопоставить десяти вооруженным воинам? Они не знали другого оружия, кроме коротких тонких копий, но уж ими владели мастерски, и Конан, вздумай он бежать, вряд ли мог надеяться выжить.

«Проткнут, как муху... — тоскливо прикидывал киммериец. — Что же придумать?»

После вечерней трапезы Конан, как делал это каждую ночь, уединился со своими тремя женами в хижине. Женщины, скинув одежду, раскрыли ему свои объятия в ожидании бурных ласк, но варвар вдруг с немальным удивлением обнаружил, что его совершенно не возбуждают любвеобильные красавицы.

— Ложитесь спать, — махнул он рукой. — Ваш господин устал.

На лицах женщин отразилось великолепное разочарование.

— Чего уставились? — посурошел он. — Неужели до завтра подождать не можете?

— Но ведь завтра... — начала одна из жен.

— Что завтра? — грубо осведомился киммериец.

— После купания нас уведут от тебя, потому что ты уже не будешь посланцем богов...

— Как это не буду? — Конана даже холодом обдало от этих слов.

— Нгунта умер. Он оказался злым колдуном. Завтра его тело сожгут на костре, а тебя...

Ты разве не знаешь?

— Откуда мне знать ваши дурацкие обычай?

— Разве мы тебе не рассказывали? — потупилась другая жена.

— Может быть, и рассказывали, — отмахнулся варвар, лихорадочно соображая, что же делать, — но не могу же я помнить всю эту чушь!

— Злой колдун назвал тебя посланцем богов, и, раз он злой...

— Тогда я посланец злых богов, так, что ли?

Все три женщины дружно закивали.

— Ну и что будет дальше? — спросил киммериец, уже зная ответ.

— Гуна-Райна будет изгонять из тебя злых духов, и, если ты очистишься, нас вернут тебе, а если нет...

— Если нет, меня оставят на алтаре в лесу? — закончил за женщину Конан.

— Да... — хором протянули женщины и тесно прижались к варвару.

Киммериец услышал в этих вздохах не жалость к нему, а, скорее, сожаление о том, что их положение круто изменится.

— Рога Нергала вам в кишки! Дело касается моей жизни... — рявкнул он, но тут же понял, что эти наивные бесхитростные создания вряд ли способны понять то, что выходило за рамки их привычек и обычаем.

Сейчас у Конана не было ни малейшего желания заниматься с ними любовью: дело принимало более чем крутой оборот. Или он прямо сейчас придумает, как выпутаться, или...

— Так, говорите, завтра утром?

— Да, да, — дружно закивали женщины.

— Хорошо, — ухмыльнулся варвар, в голову которому внезапно пришла спасительная мысль. — Утром так утром. Налетай! — широко раскинул он руки, готовясь принять в объятия сразу всех трех прелестниц.

Дважды упрашивать их не пришлось, и до самого рассвета звуки, доносившиеся из

хижины киммерийца, заставляли вздрагивать воинов, которые бдительно охраняли покой посланца богов.

\* \* \*

— Постреляю в последний раз! — весело объявили варвар женам, вешая на плечо колчан со стрелами и беря в руки лук. — Вперед, мои птички! Посланец богов намеревается последний раз искупаться с вами перед тем, как попасть в лапы вашей грудастой колдуны.

Женщины весело засмеялись и вприпрыжку побежали за киммерийцем, который широкими шагами направился по тропе, ведущей к берегу. Пятеро охранников как привязанные следовали за ними.

Вся деревня, как предписывали обычай, устремилась к морю для утреннего омовения. У самого побережья тропинки расходились: незамужние девушки направлялись в одну сторону, юноши в другую, взрослые туземцы спускались по третьей тропе, а для посланца богов с его женами был отведен участок берега за большой скалой, дабы никто не потревожил его во время купания.

Обычно воины, охранявшие Конана, оставались за скалой, чуть повыше того места, где начиналась узкая крутая тропка, приводившая к морю. Лишь в это время стража варвара находилась от него дальше пятнадцати шагов.

Девушки, сбросив одежду, со смехом и криками бросились в прохладную воду. Киммериец посмотрел им вслед:

«Хороши, ничего не скажешь, но придется с ними расстаться. Надеюсь, на соседнем острове девицы не хуже этих», — с тоской подумал он, входя в воду.

Конану уже приходилось во время прогулок по острову огибать побережье, и он видел остров, которым правил Помонтохо и один из вождей которого взял в жены дочку Мархейо.

«Погляжу хоть на свою внучку, — ухмыльнулся варвар, вспомнив, что теперь Мархейо считается его сыном. — То-то удивится девчонка: вряд ли она предполагала повидаться с собственным дедом!»

— Ты куда? — закричала одна из жен, когда женщины увидели, что варвар стремительно удаляется в море.

— Давайте за мной! — крикнул киммериец. — Я вам кое-что покажу!

Наивные женщины, не подозревая никакого подвоха, поплыли за ним. Когда деревня на берегу стали размером с мизинец, Конан решил, что пора осуществлять задуманное. На миг у него мелькнула мысль, не избавиться ли от этих красавиц — так у него в запасе оказалось бы больше времени, но он сразу отверг ее. Девушки держались на воде прекрасно, как, впрочем, и все жители этого острова, хоть с варваром, конечно, сравниться не могли.

— Вот что, красавицы, — сообщил он, когда женщины приблизились к нему, — плывите-ка обратно и скажите вашим дурням-соплеменникам, что мне у них надоело, и я хочу вернуться к своим богам. Надеюсь, вас не съедят за то, что вы спали со мной? Нет?

Его жены дружно замотали головами.

— Тогда плывите и кланяйтесь от меня грудастой Гуне. Надо признаться, эта красотка произвела на меня сильное впечатление! Можете посоветовать ей вместо меня испытать Мархейо. Худо-бедно он все-таки сын посланца богов.

Глаза женщин округлились от изумления и испуга, но варвар грозно рыкнул на них, и

они, привыкшие повиноваться, дружно поплыли назад, к берегу.

«Пока доплынут, — прикидывал Конан, — пока сообщат страже, пока те расскажут вождям, пока спустят лодки... Да я успею десять раз доплыть до соседнего острова!»

Он быстро уходил в открытое море, временами оглядываясь назад, нет ли погони, но ровная гладь воды была пустынной и спокойной. Довольно скоро варвар уплыл так далеко, что оба острова стали казаться одинаковыми, и он подивился тому, как они малы. Теперь киммериец находился как раз посередине между двумя огромными серыми вершинами, выраставшими прямо из воды и чуть опущенными снизу зеленой каймой растительности. Немного правее острова, куда он плыл, Конан увидел серое пятно и, присмотревшись, понял, что это еще один остров, а может быть, и большая земля.

«Куда же это занесли меня козни Нергала? — думал он, лежа на спине, чтобы немного отдохнуть. — Здесь ни разу не появился ни один корабль. Это какой-то край земли, где кроме дикарей, наверное, никто и не живет».

Варвару до сих пор так и не удалось вспомнить, как же он сюда попал, и это его серьезно тревожило. Кроме того, Конан тосковал по привычной и знакомой ему жизни среди солдат и разбойников, воров и моряков, где на каждом шагу поджидала опасность, хлестали холодные дожди, яростно палило полуденное солнце, далеко не каждый день удавалось сытно поесть, а утром никогда не было известно, куда приведет дорога вечером.

«Ладно тебе, — одернул себя киммериец, — тоже придумал — опасностей ему захотелось... Только что ноги, можно сказать, унес... Не устраивало его, видите ли, когда в достатке еды и вина, да еще три женщины под боком... Экая неблагодарность!»

Плыл он уже довольно долго и начал уставать, но упрямо продолжал двигаться вперед, хотя уже гораздо медленнее. Солнце пробежало половину небосвода и, казалось, замерло на середине, немилосердно обжигая выступавшие из воды плечи варвара. Постепенно Конан приблизился к соседнему острову настолько, что не более пятидесяти локтей отделяли его от берега, круто поднимавшегося из воды черной стеной. Киммериец приметил небольшую бухточку среди скал и, из последних сил преодолев оставшийся отрезок пути, в изнеможении рухнул на песок и долго лежал без движения, раскинув руки и полузакрыв глаза.

Слегка отдохнувшись, он сел и осмотрелся. Этот заливчик удивительно походил на те, которые были на первом острове, и с первого взгляда могло показаться, что варвар никуда и не уплывал, а просто прошелся по берегу. Однако вершина горы, выступавшая над морем, не оставляла сомнений, какое большое расстояние он одолел.

— Уф! — Конан потянулся всем телом. — Никогда столько не плавал... Но что это я разлегся? Ведь где-то здесь обитает племя Помонтохо, а я больше не хочу испытывать судьбу. Один Нергал разберется в обычаях этих детей природы и знает, что им придет в голову, когда они увидят меня. Сначала надо найти, где они живут, а уж потом решать, как встретиться с ними.

Он поднялся и пошел вглубь леса, который подступал почти к самой воде, вдоль ручейка, заросшего тростником и бамбуком. Надо было добыть что-нибудь на обед, устроиться на ночлег да заодно посмотреть, нет ли поблизости туземцев. По крайней мере, в этот день киммериец совсем не жаждал встречаться с дикарями.

Заросли довольно скоро расступились, и киммериец увидел обширную долину, спускавшуюся к морю широкими покатыми террасами. Варвар внимательно осмотрел местность и, не заметив ничего подозрительного, осторожно двинулся дальше. С обеих сторон долину теснили крутые травянистые склоны. Сверху падало множество тоненьких

водопадов, которые стекали в круглое неглубокое озерцо. Над всем этим великолепием царил чуткий, трепетный покой, охраняемый вздымавшейся вверх черно-серой стеной горы. Конан пристально разглядывал границу зелени и камня.

«А не остановиться ли мне там, над всей этой растительностью? — размышлял он. — Дикари ведь боятся лезть в горы, и никто меня там не достанет».

Киммерийцу еще на первом острове показалось странным, что жители деревни никогда не пытались заглянуть за край леса, туда, где начинались голые скалы. Его жены рассказывали о страшных духах, которые обитают на склонах гор — под страхом смерти никто из туземцев не мог даже помыслить, чтобы отправиться туда.

Конан тогда пожал плечами, удивляясь донельзя глупым обычаям детей природы, но сейчас подумал, что это ему даже на руку: у него будет убежище, где он сможет отдыхать, не опасаясь внезапного нападения.

«Если, конечно, на этом острове запреты такие же, как и на том», — уточнил он, карабкаясь по крутой скале, поросшей на горизонтальных площадках травой и кустарником.

Варвар преодолел последнюю кручу и оказался на полянке, покрытой густой травой и ограниченной с внешней стороны буйной порослью невысоких кустов, за которыми можно было прекрасно спрятаться.

«Отличное местечко, клянусь Кромом!» — одобрил свой выбор киммериец.

Шагов через сорок от края поляна заканчивалась крутым, как крепостная стена, каменным монолитом с небольшим углублением, похожим на маленькую пещерку.

«Ну и хорошо, — подбодрил себя Конан, — по крайней мере, если пойдет дождь, не вымокну. Да бывают ли тут, собственно, дожди? — Он с сомнением поглядел на чистое голубое небо. — За все время, пока я здесь, на небе не показалось ни одно облачко».

Варвар наломал веток и, устроив себе постель в гроте, рухнул на нее и тут же заснул крепким сном без тревог и сновидений. Проснувшись на следующее утро, киммериец первоначально решил хорошенько рассмотреть окрестности. Все пространство, которое мог охватить взор, покрывал густой зеленый ковер: деревья, кустарники и травы сливались, и трудно было понять, где же эта растительная стена прерывается, чтобы дать дорогу ручью или каменистой поляне.

В первую очередь Конан пытался найти следы пребывания человека, но, сколько ни всматривался, ему не удалось различить ни одной струйки дыма от костров или очагов местных жителей.

«Наверное, туземцы обитают на другой стороне острова, — решил он. — По крайней мере, до того места, где загибается берег, я никого не вижу. Ну что ж, значит, у меня есть время подготовиться».

А к чему, собственно, было готовиться? К нападению дикарей? Как он понял еще на том острове, что сейчас был хорошо виден с его площадки, обитатели деревни как-то не стремились к путешествиям. Их вполне удовлетворяла та часть берега, где они жили. Море, несколько небольших долин, покрытых лесом, и несколько полян, где устраивали празднества или возделывали небольшие огороды и пасли свиней, — больше они ни в чем не нуждались. Все остальное в немалом количестве росло само по себе, прыгало, летало и плавало совсем рядом, и надо было приложить совсем немного усилий, чтобы оципированная птица, освежеванный кролик или очищенная рыба оказались на деревянном подносе, обложенные зеленью и грудой свежих овощей.

«Так что, скорее всего, я смогу прожить в этой части острова всю жизнь, и никто не

подумает меня потревожить, — решил киммериец. — Чем плохо? Жратвы навалом, тепло и тихо, зимы, похоже, здесь не бывает — сказочная земля!.. Что же мне делать? Попробовать построить плот? Но, кроме лука, у меня ничего нет. Выдолбить такую же лодку, как у дикарей?»

Гуляя по владениям племени, варвар видел их лодки, сделанные из цельного ствола пальмы, длинные и узкие, в которых можно было сидеть на корточках или на узкой деревянной перекладине.

Пару раз он наблюдал, как дикари спускали их на воду, поднимали небольшой парус, сплетенный из каких-то волокон, и лодка довольно-таки резво неслась по воде, поддерживаемая, чтобы не перевернулась, длинным шестом с привязанным к нему большим камнем. Наверняка в тихую погоду на ней можно было достичь соседнего острова, но вряд ли кому придет в голову совершить на этой утлой посудине длительное путешествие по бурным волнам.

«Да и куда плыть? — с тоской подумал варвар. — Где я? На западе от Стигии? Или в Восточном океане, а может, в море My? Нергал один знает, да ведь не скажет, хвостатая тварь!»

За свою жизнь ему пришлось немало побродяжничать, и кое-что он видел сам, да и в разговорах с моряками и солдатами, с разбойниками и погонщиками караванов киммерийцу привелось услышать немало интересного о дальних странах, неведомых морях и обитающих там народах, но где он находился сейчас, Конан совсем не представлял.

Он попытался вспомнить, не встречались ли в рассказах бывалых людей упоминания об островах в океане, но сколько ни напрягал память, в голову ничего не приходило.

«Если я где-то в Западном океане и поплыну на восток, то попаду к черным племенам в Куш или Стигию, — размышлял варвар. — Дальше все легко, надо продвигаться на север. Ну, а если я, наоборот, в Восточном океане, и поплыну на восток, то прямиком попаду на край света, откуда рукой подать до Серых Равнин. Сделай одно неосторожное движение — и демоны тебя уже ждут. Нет... Лучше остаться здесь. Зачем самому лезть в пасть Нергалу? Время придет, найду я это ожерелье...»

Он никак не мог отделаться от навязчивой мысли о каком-то ожерелье. По несколько раз в день Конан почему-то вспоминал о нем, но никак не мог сообразить, зачем и по какому поводу.

«Хватит ломать голову! — прервал он свои размышления. — Настреляю дичи, разведу огонь, отдохну денек, сделаю хорошую дубину, а потом пойду искать Ванататру. Если покойник Нгуンта сказал правду, то колдун обитает именно на этом острове».

Так киммериец и поступил. Наевшись до отвала птичьего мяса, он лежал на подстилке из мягких веток и глядел в небо, усыпанное яркими звездами. Чужое небо. Варвар никак не мог найти ни одного знакомого светила.

«За какие провинности меня забросило в этот край? — думал он, засыпая под шелест ласкового ночного ветерка. — Или наоборот, боги решили меня одарить своей милостью, поселив в такой благословенной земле?»

## Глава третья

Конан сначала хотел пересечь остров через скалы, чтобы, спустившись на другой стороне, сразу попасть в деревню Помонтохо. Однако, посмотрев еще раз на отвесные круч, решил не рисковать и идти берегом: кто его знает, может быть, и впрямь там обитают злые духи, да и уж слишком крутыми были склоны, так что путь мог оказаться чересчур длинным. Варвар шел по берегу, внимательно разглядывая прибрежный песок и лесные опушки, но пока следов пребывания человека не находил.

«Может быть, этот остров необитаем, а Ванататра и Помонтохо живут на каком-то другом? — спрашивал себя киммериец, когда даже на третий день путешествия местность оставалась безлюдной. — Этих дикарей один Нергал может понять...»

Однако к вечеру третьего дня он, наконец, учуял запах дыма. Конан принюхался: да, так и есть. Теперь надо действовать крайне осторожно. Варвар вернулся обратно, неширокой лощиной поднялся повыше в горы и увидел, что среди зеленого моря растительности совсем недалеко поднимаются вверх струйки дыма.

«Вот и то, что я искал...»

Варвар забрался чуть повыше, надеясь разглядеть хижины островитян, но ему помешали кроны пальм. Теперь предстояло решить, что делать.

Попросту явиться в селение? Вряд ли второй раз пройдет история с посланцем богов. К тому же Конан вспомнил, что Лусунга говорил, будто в этом племени уже есть такой человек. Разведать, что за селение, сколько там народу? Весьма опасно, но другого выхода не оставалось. Нарваться на засаду варвар не боялся, потому что островитяне не нападали внезапно, и война соседней деревне объявлялась загодя. Опасность была в другом — обнаружить себя. Если дикарь много и они пойдут по следу, рано или поздно его найдут, так что, пожалуй, даже лучше действовать открыто.

Киммериец переночевал в лесу и встал рано утром, когда еще не взошло солнце. Зная привычку дикарей спать подольше, он обогнул долину поверху и вышел почти к самой деревне. Все было тихо, ничто не нарушало мирный сон туземцев. На обширной поляне Конан разглядел и жилище колдуна, стоявшее несколько особняком, и хижины вождей, и алтарь, почти такой же, как на том острове, откуда он сбежал.

«Явиться прямо сейчас к этому Ванататре, пока он спит, и взять за глотку — вот и все дела», — подумал варвар, но свою удачную, как ему представлялось, мысль воплотить в жизнь не успел.

Селение просыпалось. Из дальних хижин выскочила стайка молоденьких девушки и с криками и смехом побежала по тропе к морю. Следом за ними потянулись на утреннее омовение и старшие обитатели деревни. Группа юношей, загорелых и крепких, идя по лесу, развлекалась тем, что кидала камни в орехи, растущие на самой вершине пальм, взрывами хохота и одобрительными криками приветствуя каждый меткий бросок.

Конан терпеливо ждал, когда же выйдет из своей хижины колдун, тот самый Ванататра, у которого должно находиться ожерелье из зеленых камней. Он еще толком не придумал, как будет действовать, но очень хотел посмотреть на обладателя драгоценности.

То, что произошло в следующий миг, заставило киммерийца вытаращить глаза от изумления: из большой хижины, украшенной цветными лентами и перьями птиц, вышел не кто иной, как Лионель, аквилонец, с которым он не так давно соревновался в метании ножей в одной из таверн Аграпура. За ним выскочили пять молодых женщин, и все они направились к берегу моря вслед за остальными жителями деревни.

«А он как сюда попал? — только и мог спросить себя варвар, наблюдая эту

идиллическую сцену. — Вот кто, значит, настоящий посланец богов! А почему не я? — Он даже слегка обиделся, тем более что аквилонца сопровождали не три, как было назначено ему, а целых пять жен. — Клянусь Кромом, все это неспроста!»

Конан стремительно поднялся на ноги и бросился сквозь кустарник и заросли тростника вокруг деревни, чтобы перехватить Лионеля по дороге к морю. Однако, проринаясь сквозь стебли, киммериец несколько поостыл.

«Ну, выскочу сейчас на тропу перед ним, и что дальше? — спохватился он. — Девицы завизжат, прибегут остальные, и тогда одним богам известно, что произойдет. И почему этого истинного посланца никто не охраняет? — замедляя шаги, задумался варвар. — Нет ли здесь подвоха?»

Киммериец остановился и решил спокойно все обдумать. Может, попробовать улучить момент, когда аквилонец останется один, и разузнать у него, что происходит?

«Вот еще! — мрачно усмехнулся про себя варвар, — дождешься, пока он останется в одиночестве, как же! Сейчас ему принесут пожрать, потом он займется своими девицами, потом обед, потом сон, потом опять еда или, может быть, какое-нибудь празднество у местных дикарей. А девиц ему выделили что надо, — причмокнул он, — хотя, конечно, и мои были не хуже, но этих все же пятеро... Нужно попробовать дать знак, что я здесь. Вот удивится-то старый знакомый!»

Но как это сделать? — Конан надолго задумался, потому что задача была не из легких. — Нацарапать на чем-нибудь записку и положить в хижину, пока все купаются? — Но тут же он отбросил эту мысль. — Нет, не подойдет: читать-то он наверняка не умеет».

Конан уже не думал о том, каким образом аквилонец оказался в этих землях, а лихорадочно соображал, как бы связаться с ним. Тем временем совсем недалеко от него послышались голоса и шуршание босых ног по листву — это островитяне возвращались наверх, в деревню. Киммериец осторожно выглянул из зарослей, но стволы деревьев мешали видеть, что происходит на тропе.

Пришлось ползти, чтобы не выдать себя и подобраться поближе. Варвар спрятался за небольшим травянистым бугорком и, не шевелясь, ждал, когда покажется Лионель. Наконец он услышал женский смех и веселые крики. Киммерийцу повезло: весело щебеча, пробежали пять женщин, а за ними гордо вышагивал, размахивая набедренной повязкой, совершенно голый посланец богов.

«Наверное, с утра уже успел поразвлечься», — с завистью подумал Конан и, приподнявшись на локтях, выглянул из-за укрытия, чтобы посмотреть, не идет ли кто за Лионелем.

Сзади никого не было видно. Варвар посмотрел по сторонам и, увидев какой-то полусгнивший плод, запустил им в аквилонца. Бросок оказался удачным: темная жижа растеклась у того по плечу. Лионель повернул голову, киммериец высунулся на мгновение по пояс и, прижав палец к губам, нырнул обратно. Теперь пришел черед аквилонца протирать глаза от изумления. Он застыл на месте, пытаясь понять, померещилось ему это или он на самом деле видел своего приятеля-соперника. Конан приподнялся над бугорком еще раз.

— Ух! — непроизвольно вырвалось у аквилонца. — Ты...

— Тихо! — зашипел варвар, боясь, что их услышат женщины. — Я жду тебя здесь. — И он вновь скрылся в траве.

— Как ты попал сюда? — первое, о чем спросил Лионель, когда чуть позже вернулся на то место, где встретил Конана.

— Вероятно, так же, как и ты, — усмехнулся варвар. — Ты хоть помнишь что-нибудь?

— Помню только, что хорошо отметил свое поражение, — буркнул Лионель.

— Ну а я обмывал свой выигрыш. Прекрасно помню, что угостил всех, только не думаю, что с одной кружки ты мог напиться до потери памяти. А вот скажи-ка мне, зачем ты здесь? — осторожно начал Конан, потому что у него уже начало что-то проясняться в голове.

— Да понятия не имею, если честно, — недоуменно поскреб затылок аквилонец. — Проснулся утром на берегу, меня окружили эти, дикие... Пляшут, кричат, что я чуть ли не бог или что-то в этом роде. Повели в деревню, дали жратвы, дом, девок пять штук, — хвастливо добавил он.

— Не много ли для тебя? — не удержался киммериец, опять уязвленный тем, что на его острове ему дали только трех жен.

— Много, — честно признался Лионель. — Знаешь, никогда не задумывался над этим, когда завидовал турanskим вельможам с их гаремами.

— И что ты должен за это делать?

— Ничего, — засмеялся аквилонец. — В том-то и дело, что никакой работы за это от меня не требуют...

— Ты давно здесь? — продолжал допытываться варвар.

— Не считал, но думаю, дней десять. — Лионель блаженно потянулся и рыгнул. — Пища здесь, конечно, не совсем привычная, но зато от пуз...

— Столько же, сколько и я, — не слушая его дальнейших рассуждений, произнес киммериец. — Клянусь белоснежными грудями Иштар, нас забросила сюда одна и та же сила. Как увидел тебя, мне сразу чуть понятнее стало, зачем мы здесь оказались.

— Ну и зачем же на твой взгляд? — насторожился Лионель.

— Скажи, тебя посещают какие-нибудь мысли, кроме тех, что скоро принесут поесть, а потом можно сколько угодно наслаждаться со своими красотками?

— Да, знаешь ли... — задумался аквилонец. — Почти каждую ночь во сне вижу бусы из зеленого камня. Я уже сказал об этом местному чародею, чтобы снял с меня порчу, так он...

— Что он? — Конан в нетерпении схватил Лионеля за руку.

— Он сначала побледнел, потом позеленел, но так ничего и не ответил. Я спросил его еще раз, но они такие дурные, эти дикари, от них почти невозможно добиться разумных слов. Знай, себе твердят: табу, табу...

— Понятно, — хмыкнул варвар. — Табу — это запрет. А этого колдуна не Ванататра случаем зовут?

— А ты откуда знаешь? — удивился Лионель.

— Уши прочисти! — гаркнул киммериец. — Не слушаешь меня совсем. Я же сказал, что попал сюда одновременно с тобой.

— Да? — протянул аквилонец. Он и в самом деле что-то пропустил. — И где же ты был?

— На соседнем острове...

И Конан рассказал ему все, что произошло с ним, умолчав лишь о несущественных

подробностях, в частности о том, сколько ему выделили женщин.

Лионелю явно не понравилось услышанное.

— Так и меня могут съесть? — почему-то свистящим шепотом спросил он.

— Откуда я знаю? — усмехнулся варвар. — Мне только кажется, что, пока мы с тобой не найдем это ожерелье, дороги обратно нам не видать. Тебе здесь не надоело?

— Да как сказать... — замялся аквилонец. — С одной стороны, вроде бы все здесь хорошо, а с другой...

— Вот! — перебил его Конан. — Ни вина, ни костей, ни оружия настоящего, да и поговорить не с кем. Живешь как истукан какой-то... Верно?

— Пожалуй, ты прав, — согласился Лионель. — Но что можно сделать?

— Почему тебя никто не охраняет? — переменил тему разговора варвар.

— Не от кого, — усмехнулся аквилонец. — На этом острове живет только одно племя.

Три деревни, и больше никого нет. Мне рассказывали мои женщины, что они иногда воюют, но только с соседними островами.

— Понятно. В таком случае у меня есть одна задумка.

— Какая? — Лионель недоуменно уставился на киммерийца.

— Надо поймать здешнего колдуна и хорошенко расспросить его, где ожерелье.

— Ванататру?

— А кого же еще?

— А если он применит против нас какое-нибудь колдовство?

— Надо захватить его ночью, когда спит. Кляп в рот — и в лес. Уж там-то мы ему язык развязем, — убежденно сказал киммериец.

Договорившись обо всем, они расстались, потому что аквилонец опасался, как бы его жены не начали поиски, беспокоясь, почему посланца богов так долго нет рядом.

\* \* \*

В ту же ночь, тихую и лунную, Лионель и Конан без всякого шума выкрали Ванататру из его хижины. Колдун не успел даже толком проснуться, как его, спеленав, будто ребенка, уже тащил на плече варвар, радуясь, что луна прекрасно освещает путь среди деревьев. Никто в деревне ничего не слышал, и сообщники, достигнув берега моря, поставили Ванататру на ноги, а дальше он уже бежал вместе с ними, направляемый крепкой рукой Конана. Кляп изо рта у него вытащили, но киммериец строго сказал колдуну:

— Это чтобы тебе было легче дышать, а вовсе не для того, чтобы ты звал на помощь. Один раз пикнешь, и все. — Он выразительно помахал увесистой дубинкой, которая произвела на Ванататру должное впечатление.

Колдун закивал, и все двинулись вдоль берега. Они миновали место, где на ветвях больших деревьев покачивались подвешенные лодки.

«Запомню на всякий случай, — отметил про себя варвар. — Хотя эти посудины годятся лишь на то, чтобы отойти от берега локтей на сто. Тыфу... Лодок человеческих и то делать не умеют».

Киммериец решил отойти подальше от селения, чтобы дикари, обнаружив исчезновение главного колдуна, не смогли быстро выйти на след похитителей. Конан совсем не хотел, чтобы сто раскрашенных воинов с длинными копьями попробовали на прочность их шкуры,

тем более что у Лионеля вообще не было никакого оружия. Ванататра был смертельно напуган и только бешено вращал глазами от страха, переводя затравленный взгляд то на посланца богов, то на гиганта с развеивающимися черными волосами и холодно блестевшими в ночном полумраке синими глазами.

— Слушай меня внимательно, — сказал варвар колдуна, когда они остановились. — Ты нам все должен рассказать, иначе на твое племя падет страшный мор.

— Кто ты? — стуча зубами, спросил Ванататра.

— Я его старший брат. — Киммериец кивком указал на Лионеля. — Боги прислали меня, чтобы я забрал у тебя зеленое ожерелье.

— Неужели я не понял волю богов? — внезапно возопил Ванататра.

Конан подозрительно посмотрел на него, стараясь определить, не собирается ли колдун наслать на них какие-нибудь чары.

— Заткнись! — рявкнул варвар. — Меня не интересуют твои душевые муки. Говори, где бусы из зеленых камней?

— Она, она... — Похоже, было, что Ванататра и в самом деле сильно волновался и не мог вымолвить ни слова.

— Боги тебя прощают! — успокоил его Конан, догадавшись, что колдун что-то сделал с необходимой ему вещью. — Говори, отрыжка шакала!

Поверив киммерийцу, что высшие силы не гневаются на него, колдун сразу успокоился. Он мгновенно перестал заикаться и уже нормальным голосом рассказал оторопевшему от его слов варвару, что не далее как три дня назад расплатился этим ожерельем за дочь Мархейо, отдав его вместо двух десятков свиней, которые его племя было должно за новую жену одного из своих вождей.

— Эту замену предложила мне Гуна-Райна, и я с радостью согласился. Для моего народа это хорошо.

— Конечно, хорошо, старый пес! — обругал его варвар. — Какие-то камешки вместо двух десятков свиней!

— Нет, ты смеешься надо мной! — воскликнул Ванататра. — Ты знаешь, что Гуна-Райна — могущественная чародейка, и я не могу ей возражать.

— Да, конечно. — Конан важно кивнул. — Но я хотел испытать тебя, хорошо ли ты помнишь, как это произошло.

Лионель, пока они разговаривали, стоял как столб и только зачарованно переводил взгляд с одного собеседника на другого.

«Ну, дает варвар, — восхищался он про себя. — Как он этих диких хорошо понимает!»

Киммериец в это время лихорадочно соображал, нельзя ли выведать у наивного дикаря еще что-нибудь про эту Гуна-Райну, но при этом не выдать себя каким-либо неосторожным словом или неправильным вопросом.

— Ты все сделал правильно, — положил он тяжелую руку на плечо колдуна. — Теперь мы с братом вернемся к богам, а ты беги домой и сообщи эту радостную весть соплеменникам.

\* \* \*

Когда Конан с Лионелем отвязывали лодку от дерева, киммериец обратил внимание, что

ночь стала темнее. Появились облака, между прочим, впервые за все время его пребывания на островах, и луна теперь не светила, как яркий фонарь.

— Давай быстрее, — поторапливал варвар товарища. — Скоро рассветет, как бы твоим подданным не вздумалось искать нас.

Они столкнули утлое суденышко в воду, и Конан еще раз подивился тому, как это дикии ухитряются выходить на таких посудинах в море. В узком корпусе было невозможно даже усесться, как следует, и если бы не противовес, то они и мгновения не продержались бы на плаву.

— Вперед! — Киммериец взмахнул коротким широким веслом. — Нам нужно попасть вон туда. — Он махнул рукой в ту сторону, где, когда луна выглядела из-за туч, различалась вершина горы на острове, откуда он совсем недавно бежал. Беглецы поплыли вперед, ритмично работая веслами. Парус и мачту Конан с собой не взял, потому что в темноте вряд ли смог бы сообразить, как приладить их на лодке. Помня, что он за полдня одолел расстояние между островами, киммериец ни мгновения не сомневался, что, пока ленивые островитяне продержут глаза, они с Лионелем уже прикалят к берегу и успеют скрыться где-нибудь в горах.

Ветер тем временем все усиливался, тучи заволакивали небо, и скоро они уже гребли почти в кромешной тьме. Волны все чаще и чаще захлестывали нос суденышка. Конану стоило больших усилий держать направление. Он уже не видел ни вершины горы, ни вообще ничего вокруг.

— Мы не сбились? — перекрывая шум ветра, крикнул, обернувшись к нему, аквилонец.

Варвар открыл, было, рот, чтобы ответить, но в это мгновение у него за спиной мелькнула молния, и сразу раздался жуткий удар грома, заглушивший его слова. Вслед за этим хлынул ливень, да такой, какого киммерийцу не приходилось видеть никогда в жизни: вода стеной встала со всех сторон, и в мгновение ока все: и море, и воздух — поглотил обрушившийся на них водопад. Даже белые буруны волн совершенно исчезли во тьме и сплошных потоках воды. Струи дождя беспрерывно били по лицу, мешая дышать. Лодка неслась уже сама, подгоняемая порывами ветра, и Конан не имел ни малейшего представления, куда несет их стихия.

Сколько времени это продолжалось, определить было трудно. Иногда, когда вспыхивала молния, он видел перед собой согнувшуюся фигуру аквилонца, который бросил весло в лодку и обеими руками держался за борта, чтобы не выпасть. Шквал вертел их утлое суденышко, словно щепку, и варвар только молил богов, чтобы не сломался противовес — тогда посудина мгновенно перевернется, и они неминуемо погибнут.

Однако его мольбы не были услышаны. За грохотом ливня Конан даже не услышал треска дерева — он просто оказался в воде.

— ...о-о-нан! — услышал он крик Лионеля, заглушенный ревом волн и воем ветра, но товарища своего уже не видел.

«Наверняка утонет! Жалко парня!» — успел подумать киммериец.

Тут же он получил тяжелый удар по голове и едва не захлебнулся — это лодка, перед тем, как окончательно уйти под воду, в последний раз напомнила о себе. Конан вынырнул и, захлестываемый волнами, пытался держаться на поверхности, что давалось ему с огромным трудом: потоки воды заливались в рот, не давая как следует вздохнуть.

«Нергал мне в печень, — выплевывая воду, подумал варвар, — значит, дожди все-таки здесь бывают. Но этот приключился уж очень не вовремя...»

В этот миг во вспышках молний Конан увидел надвигавшуюся на него темную глыбу. Он успел только выставить вперед руки, но это, хоть и немного смягчило удар, все-таки не спасло его, и он с огромной силой шмякнулся о камень. На мгновение киммериец потерял сознание, и поток вновь отнес его в море, чтобы с новой силой выбросить на скалу, но он на этот раз подготовился чуть лучше и, почти тут же прия в себя, попытался скользнуть в сторону, надеясь, что сможет попасть на мелкое место. Волна перевернула Конана и понесла вперед, лук и колчан, привязанные к спине, зацепились за камни, варвара крутануло еще раз, и он ударился головой обо что-то твердое...

\* \* \*

Конан почувствовал, что в лицо ему брызнули чем-то пахучим и едким. Он застонал и очнулся. В глаза бил яркий свет, и сначала киммериец ничего не мог понять: ни где он, ни что с ним происходит. Под спиной ощущалась мягкая и чуть влажная трава. Он попробовал пошевелить руками и ногами, но ничего не получилось, и варвар сразу же понял, что он привязан, а точнее, распят словно шкура для выделки. Голова тоже не поворачивалась: похоже, и волосы были привязаны.

Скосив глаза сначала в одну, потом в другую сторону, Конан кроме яркого голубого неба увидел только уходившие вверх пальмовые стволы.

— Как ты себя чувствуешь, посланец богов? — донесся до него женский голос, и прямо перед глазами возникли огромные груди с удлиненными коричневыми сосками. Груди, похожие на продолговатые тыквы, качнулись, и Конан увидел над ними лицо женщины с чуть раскосыми блестящими глазами и черными волосами, расходившимися в стороны, словно веер.

— Гуна-Рай... — начал, было, киммериец, но в лицо ему вновь брызнула жидкость, и он закрыл рот, почувствовав жжение на губах. От резкого запаха зелья он очнулся окончательно.

— Вам повезло, посланцы. — В голосе женщины не было почтительности, скорее, в нем звучали ехидство и нотки торжества. — Боги решили не губить вас в волнах, хотя я считаю, что вам туда и дорога.

— Почему ты нас связала? — еще с трудом ворочая языком, спросил киммериец. — Тебя боги накажут за э...

Он вскрикнул, обожженный ударом плети по бедрам.

— Эти сказки расскажи на том берегу своим дикарям, — засмеялась Гуна-Райна. — Это старый болван Нгуンта мог втолковывать всем, что ты посланец, а меня ты не обманешь.

— Но разве ты не из них? — простодушно удивился Конан.

— Я похожа на них. Внешне, — добавила Гуна-Райна, и в голосе ее появились зловещие нотки.

— Так кто же ты?

— Не твоё дело! — Удар плети вновь обрушился на обнаженное тело варвара.

— Тварь! — не удержался он.

Колдунья усмехнулась:

— Тебе стоило бы поблагодарить богов: именно поэтому ты еще жив! Хотя и бесполезен для меня... Ну, почти бесполезен... Так что пока можешь отдохнуть... — невнятно донеслись сквозь шорох удалявшихся шагов слова колдуньи.

— Лионель, — тихо позвал киммериец, но ответа не услышал.

«Наверное, он все же утонул, — решил Конан. — Но ведь эта ведьма сказала, что боги нас не погубили...»

— Лионель! — повысил он голос.

Никто не ответил. Он попытался напрячь мускулы сначала одной руки, потом другой, но веревки только сильнее впились в запястья.

«Крепко привязала, гадюка!» — выругался варвар и изогнулся всем телом, стараясь высвободить ногу из пут.

Веревка на правой лодыжке немного ослабла. Тогда Конан начал вытягиваться всем телом, пытаясь достать до кола, к которому, как он думал, была привязана его нога. Дотянуться он не смог, но веревка ослабла еще больше, и после нескольких попыток он уже смог двигать ногой взад-вперед. Сжав от напряжения зубы, киммериец упрямо продолжал дергаться, пока не почувствовал, что привязь едва держится. Он рванул посильнее, и колышек вылетел из земли.

«Вот так-то лучше, — удовлетворенно подумал Конан. — Только бы эта гадина не вернулась раньше времени...»

Он подсунул свободную ногу под привязанную и резким рывком выдернул второй кол.

«Женщина!.. — хмыкнул варвар. — Не умеешь вязать узлы, так и не берись!»

Теперь предстояло освободить руки, но, сколько, ни напрягал киммериец мускулы, попытки его оказывались тщетными. Похоже, он зря обругал колдуны...

Наконец, выгнувшись дугой и подсунув ногу под локоть, он собрал все силы... Казалось, тело разорвется от чудовищного напряжения, пот заливал глаза, но Конан, стиснув зубы, тянул и тянул руку, помогая коленом. Правая рука освободилась, и он чуть не завопил от радости, но забыл о голове... Об этом напомнила резкая боль, словно с него сдирали кожу на черепе. Варвар пошарил рукой возле головы и, нащупав множество мелких колышков, выдернул их. Теперь он смог поднять голову и первым делом быстро огляделся. Он лежал на небольшой круглой поляне, окруженной высокими пальмами. Между двумя стволами висел подвешенный вниз головой Лионель. Его рот был заткнут кляпом, а тело исполосовано ударами плети.

Освободив вторую руку, Конан бросился к нему.

— Мерзавка! — Он быстро посмотрел по сторонам, отыскивая, чем бы обрезать веревки, которыми был привязан аквилонец.

Не увидев ничего подходящего, киммериец перегрыз путы, освободил Лионеля и поставил его на ноги. Тот пошатывался из стороны в сторону, тупо глядя на Конана.

— Очнись! — Киммериец похлопал его по щекам. — Надо сматываться!

В глазах Лионеля появилось осмысленное выражение. Он скрипнул зубами: видимо, давала о себе знать боль от шрамов и ссадин.

— Давай быстрее! Можешь идти? — поторопил его варвар. — Эта тварь вот-вот вернется.

Подхватив товарища под руку, Конан устремился к зарослям тростника, которые виднелись меж стволов деревьев. Покидая поляну, киммериец заметил лежавший на земле неподалеку от того места, где он был привязан, лук и колчан со стрелами.

— Гляди-ка, цел, — удивился он и, схватив оружие, потянул аквилонца за собой. — Шевелись, приятель, иначе нам крышка.

Лионель, шипя от боли, побежал за ним. Они достигли тростника и, ломая стебли,

стали прорыться к руслу ручья.

— Бежим по воде, так быстрее! — Варвар, разбрызгивая воду, помчался вверх по ручью к спасительным скалам, видневшимся за небольшим водопадом.

Они позволили себе отдохнуть, только когда взобрались на террасу, нависавшую над лесом.

— Похоже, убежали. — Аквилонец упал на траву, тяжело дыша, словно загнанная лошадь. — Если бы не ты, не жить мне.

— Долго ты так висел?

— С самого утра. Ты был без сознания, и она выпытывала у меня, зачем мы вернулись.

— Ты сказал?

— Сказал, — хрипло отозвался Лионель. — Эта бешеная гадина умеет управляться с плетью... Но она еще спрашивала, кто нас послал сюда, а этого я и сам не знаю.

— Не расстраивайся, — ухмыльнулся киммериец. — Тоже мне, тайна... Сдается, что она и так бы узнала, зачем мы плыли сюда... — Он осмотрелся. — Надо подняться повыше в горы, там где-нибудь на время спрячемся, а потом эту гадюку все равно выследим. Никуда она от нас не денется.

— Ты думаешь? — недоверчиво покосился на него Лионель. — Как бы она нас не выследила. Мерзкая ведьма!

— Не бойся, — уверенно возразил Конан, — одна она нас не возьмет, а эти дикари в горы не поднимаются. Табу у них такое, сам понимаешь.

— Не очень-то верится, — поежился аквилонец. — Колдуны на многое способны.

— Это, конечно, так, — задумался варвар. — Но мне кажется, местные колдуны не обладают такой силой, как у нас, в Хайбории.

— Кто знает? — пожал плечами его товарищ. — Ванататра, похоже, может только местных дикарей обманывать, а вот эта ведьма куда опаснее.

— Думаешь? — помрачнел киммериец.

— Да, — мрачно кивнул Лионель.

— Не унывай! — Варвар похлопал его по плечу. — У нас все равно выхода нет, надо добить ожерелье, а иначе...

Лионель снова кивнул, однако Конан видел, что аквилонец вовсе не убежден, что им так уж нужны эти бусы.

— Понимаешь, — начал объяснять варвар, — ты все равно не смог бы избавиться от этого наваждения. Рано или поздно пришлось бы взяться за поиски. Готов заложить что угодно — нас кто-то заколдовал, — вздохнул он. — Ну ладно, пошли отсюда, надо найти местечко понадежнее.

Они шли узкой, осыпавшейся под ногами тропой вдоль стены серо-черного камня. Киммериец хотел отойти подальше от селения, чтобы не видеть дыма от костров. Только тогда, считал он, можно чувствовать себя более-менее спокойно.

Солнце светило ярко и радостно, и было трудно представить, что меньше полусуток назад их трепали волны высотой с дом и бешеный ветер закладывал уши. Время от времени Конан делал знак остановиться и прислушивался, не слышно ли погони.

«Нет, — каждый раз успокаивался он. — Кому в голову придет сюда забираться...»

— Ты говоришь, они не ходят сюда? — спросил вдруг Лионель.

— Угу, — подтвердил варвар.

— Кто же тогда протоптал эту тропу?

— Ну, горные козы или еще какое-нибудь зверье, — ответил киммериец и тут же почувствовал, как по его спине пробежали мурashki: на островах он до сих пор не заметил ни козлов, ни баранов. — Стой! Надо бы поосторожнее. Что это там? — Он указал рукой на темное пятно впереди.

За широкой площадкой, усыпанной осколками монолита, виднелось нечто вроде углубления или входа в пещеру, издалека было не разобрать. Конан снял с плеча лук и, приладив стрелу, медленно двинулся вперед, обходя огромные, не меньше его роста, камни. Он уже почти вошел под свод, как истощный вопль аквилонца пригвоздил его к месту.

— Конан! Смотри!

Он обернулся назад: Лионель с искаженным от ужаса лицом указывал рукой куда-то влево от себя. Варвар перевел взгляд и похолодел: шагах в пятидесяти от них из-за поворота тропы высовывалась жуткая звериная морда. Тварь походила на крысу, но размерами не уступала быку. Длинная, вытянутая вперед, почти голая голова переходила в покрытое шерстью короткое туловище на четырех лапах с острыми когтями, которые громко цокали при каждом шаге чудовища. Монстр, ловко огибая камни, неспешно двигался им навстречу, словно ощупывая людей блестящими черными глазами величиной с хорошее блюдо. Потом, остановившись, он открыл пасть и обнажил ряд длинных, загнутых внутрь зубов. Киммериец вскинул лук и прицелился.

— Спрячься за камнями! — крикнул он аквилонцу и спустил тетиву.

Стрела, свистнув, вонзилась в щеку твари, но не причинила ей особого вреда. Варвар и Лионель кинулись в разные стороны, и это на мгновение заставило монстра замешкаться, но потом, привстав на задние лапы, он сделал вдруг большой прыжок и очутился в нескольких шагах от киммерийца. Конан скользнул между двумя большими камнями, надеясь выскочить с другой стороны, но ошибся: щель оказалась слишком узкой, и пройти насквозь он не смог. Он прижался спиной к камню, а раскрытая пасть с ужасными зубами метнулась прямо к нему.

Однако монстру убежище варвара было недоступно: морда никак не пролезала настолько, чтобы дотянуться до добычи. Тварь повернула голову, стараясь протиснуться боком, но это тоже не получилось. Тогда чудовище сунуло в щель лапу с тремя когтистыми пальцами и попыталось раздвинуть камни, как створку раковины, чтобы расширить проход. Жуткий коготь размером с хороший ятаган, царапал камень в двух локтях от лица варвара, и вскоре Конан с ужасом ощутил, что один из камней начинает поддаваться. Он взглянул под ноги и, увидев небольшой валун, схватил его. Подняв камень над головой, киммериец с силой бросил его прямо в покрытый бледной желтоватой кожей палец монстра. Раздался жуткий рев, и лапа дернулась назад, но морда через несколько мгновений снова показалась совсем рядом. Конан, почти не целясь, метнул стрелу, как копье, и она вонзилась в глаз монстра, выбив фонтан белесой жидкости.

Тварь опять взревела от боли, но попыток достать варвара не оставила. Лапы вновь заскребли по камню, однако, видимо, наконечник задел мозг: движения чудовища стали конвульсивными и беспорядочными. Ему удалось чуть сдвинуть камень, щель расширилась, и киммериец выскоцил из ловушки, в которую сам себя загнал. В два прыжка Конан оказался справа от монстра, который увидев, что добыча ускользает, выдернул лапу из камней и повернулся к варвару. В тот же миг вторая стрела вонзилась в здоровый глаз твари.

Издав последний хрип, чудовище рухнуло, чуть не придавив собой варвара, который едва успел отпрыгнуть назад.

— Эту дрянь явно наслал какой-то колдун, — тяжело дыша, словно это он сейчас сражался с монстром, сказал Лионель. — Не бывает таких зверей. Я тебе говорил!

— Говорил, говорил... — Конан огляделся. — Хорошо, что у этой мерзости нет подружки.

— Что будем делать?

— Мы хотели осмотреть этот грот, — напомнил ему варвар. — Вот и осмотрим.

Аквилонец, приблизившись к своду, опасливо оглянулся на труп монстра.

— Не бойся, — подбодрил его варвар, — больше он не встанет!

— Я не об этом, — ответил Лионель, — вот думаю, не его ли это нора?

— Нет, он сюда и не влезет.

— Пожалуй, ты прав, — согласился аквилонец, делая шаг вперед.

Раздался вскрик, и Лионель исчез в проеме скалы.

— Ты куда? — не понял варвар, подходя к тому месту, где только что стоял его товарищ.

Там никого не было, только внутрь монолита уходил узкий темный лаз.

— Эй! — крикнул киммериец. — Лионель! Где ты там? Что за шутки?

Тишина. Конан пригляделся внимательнее, но не нашел никакого отверстия, куда мог бы провалиться аквилонец: ровный пол уходил в темноту, и варвару даже показалось, что где-то вдалеке блеснул свет.

— Куда же он делся?

Киммериец отошел на несколько шагов от входа в пещеру и осмотрел монолит по обе стороны. Никаких щелей или разломов в гладком, отполированном дождями и ветрами камне он неглядел.

— Чудеса!

Конан прошел по тропе дальше, огибая скалу в том месте, где они увидели чудовище. Никого. Как будто кто-то слизнул аквилонца невидимым языком, словно и не было его. Киммериец вернулся, прошел вдоль скалы до того места, где она круто обрывалась вниз, в долину, покрытую зеленым лесом. Опять никого... Варвар еще раз заглянул в пещеру, но без света искать что-либо было бесполезно. Он прислушался. Ни звука, ни стона.

— Копыта Нергала! — выругался киммериец. — Пойду обратно, там были сухие стволы. Сделаю факел и поищу этого недотепу.

Он с трудом разыскал более или менее подходящую сухую корягу, с помощью камня расщепил ее конец и, пошарив на дне колчана, нашел кресало. Оно уже высохло после ночного купания в море, и, собрав кучку мха, киммериец без труда запалил огонь. Подняв факел над головой, он вошел в грот и сделал не более пяти шагов по узкому проходу, как волосы на его голове сами собой зашевелились от предчувствия беды: лаз заканчивался ровным и гладким каменным монолитом, и больше в гроте ни ходов, ни щелей не было. Варвар вышел на свет. Похоже, аквилонец был прав в своих подозрениях. Здесь, без всякого сомнения, пахло колдовством, и сам Лионель стал его первой жертвой. Поразмыслив, Конан решил убраться подальше отсюда и двинулся по тропе в гору.

\* \* \*

— Что ты здесь делаешь? — прошелестел в тишине негромкий голос.

Конан от неожиданности едва не подпрыгнул и резко обернулся. В десяти шагах от него

на плоском камне, положив ногу на ногу, в вальяжной позе восседал сухонький старичок, похожий на вендица. Крючковатый нос и седые волосы, неопрятными космами падавшие на плечи, придавали ему сходство с серым нахохлившимся попугаем.

Киммериец мог поклясться хоть самим Митрой, что мгновение назад, когда он проходил мимо этого обломка скалы, там никого не было.

«Это что еще такое?» — раздраженно подумал варвар, но ответил на вопрос, правда, нельзя сказать, чтобы особенно дружелюбно:

— Гуляю! Тебе-то какое дело? Сидишь себе и сиди!

Он отвернулся и зашагал дальше.

— Хе-хе! — послышалось за его спиной, и в тот же миг киммериец растянулся во весь рост на ровном месте.

«Нергал мне в печень! Опять колдун! Что же это за жизнь такая, что этих слуг демона тянет ко мне, как мух на обедки? Придется остановиться».

Конан собрал разлетевшиеся от падения стрелы и обернулся.

— Торопимся? Эх, молодость, молодость! — Старичок удовлетворенно потер сухие ладошки. — Поговорил бы со мной, стариком, глядишь, и ума бы набрался.

— Своего пока хватало. — Варвар нехотя пошел к колдуну, прикидывая, как бы удобнее двинуть его кулаком, чтобы сбить с этого старого пня хоть немного спеси.

— Вот здесь и постой, — дружелюбно посоветовал старик, ехидно усмехнувшись.

Конан словно наткнулся на невидимую стену, выросшую в двух шагах от старикишки.

«Действительно, маг, — подумал он. — Хорошо, пожалуй, что я еще не успел его двинуть... Но если он ко всему прочему еще и читает мысли... Везет же тебе, киммериец, ничего не скажешь!»

— Садись, — предложил колдун. — Разговор будет долгим. Давненько я ни с кем не беседовал.

— Что ты хочешь от меня? — спросил варвар, досадуя на внезапное препятствие.

— Ты не похож на местных, — продолжал старикишка, цепким взглядом бесцветных глаз окидывая киммерийца. — Наверное, прибыл издалека?

— Я из Киммерии, — нехотя ответил Конан, уже поняв, что так просто от чародея ему не отделаться.

— Из Киммерии? — переспросил маг. — А что ты здесь делаешь?

— Сам не знаю, — честно ответил варвар — Даже не помню, как сюда попал.

— Это бывает, — усмехнулся старичок. — Я вот тоже не помню, каким образом меня сюда занесло, а вот за что — знаю, — вздохнул он.

— И давно ты здесь? — спросил в свою очередь варвар, чтобы поддержать беседу.

— Уж пятый год пошел...

— Так давно! — присвистнул киммериец.

— Не беспокойся, у нас, чародеев, век долгий. А попал я сюда за гордыню. Очень высоко себя ценил... Совсем как ты.

— И что ты здесь делаешь?

— Сижу, как видишь, — усмехнулся колдун, — беседую с прохожими. Редко, правда.

— Спустись вниз, — посоветовал варвар, — там людей тьма. Говори с ними, сколько хочешь,

— Нельзя мне, — горестно вздохнул собеседник. — Я не должен опускаться ниже вот этой линии. — Он повел рукой, указывая на что-то невидимое киммерийцу.

— Да кто тебя проверит? — спросил Конан, в душе даже слегка пожалев незадачливого колдуна.

— Заклятие на мне. Пересеку линию, превращусь в кучку дерьяма — и все дела.

— За что же тебя так?

— Когда-то я был весьма уважаемым вендиjsким чародеем, но захотел подняться выше своих собратьев. Они меня и наказали, забросив сюда, на эту проклятую гору.

— Так вот и сидишь тут все это время? — недоверчиво спросил варвар. — А чем питаешься?

— Дичью, — уныло сказал колдун. — Смотри...

Конан поднял голову. Над ними кружила пара орлов, высматривавшая добычу. Старичок щелкнул пальцами, и одна из птиц, сложив крылья, камнем упала рядом с ними.

— Надоело до смерти, — скривился маг. — Вкус у них мерзейший, только ничего не поделаешь. Другие птицы сюда залетают редко...

— Да, уж, — согласился варвар, покосившись на жилистую голенастую птицу. — Это не фазан.

— Вот и лопаю этих стервятников, да кое-какие ягоды и коренья здесь нахожу. Рыбки бы! — мечтательно вздохнул вендиец. — Как-то, давно это уже было, один местный сюда случайно забрался. Я его попросил принести мне настоящей еды...

— Принес? — с интересом спросил киммериец.

— Принес, как же! — покачал головой колдун. — Вернулся с десятком таких же голых дикарей с копьями. Хотели со мной расправиться... — Он рассмеялся, да так, что на глазах у него выступили слезы.

— Так вот почему они теперь не поднимаются в горы, — задумчиво проговорил варвар.

— Угу, — трясясь от смеха, пробормотал старичок. — Я им оторвал головы, насадил на их же копья да и сбросил все это вниз.

Конан похолодел, вспомнив, как невежливо обошелся с чародеем при встрече.

— Не бойся, — словно прочитав его мысли, ответил старишка. — Ты, я вижу, человек совсем не дикий и с тобой можно договориться. Кстати, я не представился. Зовут меня Аджилал Вир.

— А меня Конан. Если я дам тебе слово, то обязательно сдержу его, — гордо ответил киммериец. — Но я не представляю, чем могу быть тебе полезен.

«Оставит здесь до конца моих дней, чтобы было с кем разговаривать», — мелькнуло у него в голове.

— Расскажи-ка о том, как ты очутился здесь. — Аджилал Вир поудобнее устроился на камне.

— Да, понимаешь, и говорить-то особенно не о чем, — замялся варвар, но постарался как можно подробнее рассказать обо всем, что с ним приключилось в Аграпуре и на островах.

— Нефритовое ожерелье?! — Вендиец даже подпрыгнул, когда Конан упомянул зеленые бусы. — Значит, они напали на его след...

Киммериец умолк, с недоумением уставившись на собеседника.

— Продолжай! — возбужденно проговорил колдун. — Это очень интересно.

— А нечего и продолжать, — развел руками варвар. — Ожерелье должно быть у Гуна-Райны, и мы с Лионелем хотели забрать его.

Он поведал о событиях последнего дня, а потом спросил:

— А крыса эта гигантская, не твое ли, слушаем, создание?

— Нет, — мотнул головой Аджилал Вир. — Я такими глупостями не балуюсь. Да и исчезновение твоего приятеля — тоже ее рук дело.

— Кого?

— Я думаю, здесь появилась Метанейра. Она тоже знает об ожерелье. Вот в чем дело! — Он возбужденно потер сухонькие ручки.

— Ты говоришь загадками, я ничего не понимаю, — буркнул Конан.

— И не поймешь, пока всего не узнаешь! — Глаза старичка лихорадочно заблестели, он замолк, что-то бормоча под нос, словно забыл о собеседнике...

Киммериец, растянувшись на нагретом солнцем камне, терпеливо ждал, когда колдун вспомнит о нем.

— Оно у меня под самым носом, а я ничего и не знал. — Аджилал Вир укоризненно покачал головой, и непонятно было, на кого он досадует: на себя, на какую-то незнакомую киммерийцу ведьму или же на самого варвара.

— Вот что, — посмотрел он, наконец, на Конана. — Ты мне можешь быть очень полезен. А я — тебе, — тут же добавил он. — Но это потом, когда вернешься.

— Откуда? — насторожившись, поинтересовался варвар.

— Сначала сбегай к морю, — сказал вендиец. — Наловишь мне рыбы. Пять лет не видел нормальной еды, войди в мое положение. — Он кивнул на сверкавшую под лучами солнца гладь воды.

— Я с радостью угостил бы тебя рыбой, но у меня ничего нет: ни сетей, ни остроги. Не руками же ловить! — покачал головой варвар. — А потом, ты не боишься, что я не вернусь?

— Вернешься, куда ты денешься, — засмеялся Аджилал Вир. — Я же сказал, что могу тебе кое-чем помочь, и это тебя будет держать лучше любой привязи. Кроме того, мне показалось, будто кто-то недавно утверждал, что всегда держит слово? Или я ослышался?

— Ты прав, — хмуро согласился Конан.

— Ну, вот и хорошо, можно считать, договорились, — довольно пропел старичок. — А счастье я сейчас тебе добуду, тоже мне задача!

Он пошарил за спиной и вытащил небольшой трезубец, сделанный из блестящего металла.

— Вот, держи. — Чародей протянул его киммерийцу. — Прикрутишь к какой-нибудь палке, а дальше, надеюсь, тебя учить не надо?

— Не надо. — Варвар взял изящную вещицу, рассматривая ее.

Узор на черенке был ему смутно знаком. Где же он такой видел? Восьмиконечная звезда в обрамлении двух колосьев. Он напрягся, пытаясь вспомнить. На мгновение вспыхнула картина: деревянное блюдо и воткнутый в него нож, на рукояти тот же рисунок.

«Нож Джабира... Или Лионеля? Нет, у всех нас были обычные туранские метательные ножи... Но я точно видел его где-то, клянусь хитроумным Белом!»

— Нравится? — спросил Аджилал Вир.

— Кажется, этот рисунок мне знаком. — Конан указал на черенок трезубца.

— Ты не ошибся, — усмехнулся колдун, — но сейчас речь не об этом. Поторопись, ты должен успеть вернуться, пока не стемнело...

Киммериец давно не видел, чтобы человек с такой жадностью набрасывался на еду. Он принес две огромные рыбины, которые ему удалось загарпунить в море, и первую старишок просто разорвал в клочья и слопал, словно оголодавший волк, причмокивая и урча от удовольствия. Через мгновение от рыбы остались только разбросанные по поляне кости, чешуя и внутренности. Лицо колдуна, измазанное кровью и жиром, прямо-таки светилось от счастья.

— Порадовал, нет слов... — Он благожелательно посмотрел на варвара. — Теперь и я смогу тебе кое в чем помочь, но сначала займись-ка второй рыбиной. Представляю, как хороша она будет, если зажарить ее на костре. — Он зажмурился, сладко улыбаясь.

Конан не стал перечить, развел костер и, насадив рыбу на длинную палку, поднес к огню. Аджилал Вир, ревниво наблюдавший за действиями варвара, успокоился, увидев, что тот делает все как надо, и разлегся на траве.

— Теперь я тебе кое-что расскажу. Пока ты ходил на рыбалку, я подумал немного. Ты и в самом деле ничего не помнишь?

— Нет, — покачал головой киммериец, — клянусь богами!

— А не встречал ли ты человека, похожего на меня, только помладше, не седого, но такого же смуглого? Совсем недавно.

— Не помню такого. — Конан наморщил лоб, пытаясь оживить память. — Нет, пожалуй, нет...

— Тогда сделаем так. — Аджилал Вир пробормотал что-то себе под нос и провел ладонями, сложенными крестом, около лба киммерийца.

Он напряженно смотрел на варвара, который с задумчивым видом крутил палку с рыбой, чтобы она равномерно прожарила.

Внезапно Конан отдернул руку, словно его ужалила пчела.

— Вспомнил, вспомнил! — заорал он. — После того как я выиграл у этих неумех, я еще соревновался с каким-то незнакомцем. Да! Смуглый, с длинными черными волосами, похожий на вендийца... Нож... Нож у него с таким же узором на рукоятке, как у твоего трезубца!

— Ну и как, выиграл?

— Если бы... Проиграл, конечно, а потом... Потом он сказал, что отдаст мне деньги обратно, если я пойду с ним и принесу одну вещицу из... — Варвар на мгновение задумался. — Точно! Из «Маленькой плутовки»! Он остановился там...

— И что было потом? — усмехнулся старик, и варвар понял, что колдун знает все.

— Ты же... — начал он, но Аджилал Вир перебил киммерийца.

— Знаю, знаю, — добродушно усмехнулся он. — Это один из наших, Шастри, переправил тебя сюда, а на всякий случай и твоего приятеля. Сам понимаешь, две руки лучше одной: вдруг какая-нибудь и зацепит нужную вещь.

— Если он такой могущественный, — удивился Конан, — чего же сам не слетает на эти проклятые острова?

— Не все доступно даже самым великим магам, — объяснил колдун, — а может быть, он испугался, узнав, что здесь появилась Метанейра.

— Испугался? Чародей? А кто такая эта Метанейра?

— Старая ведьма. Она тоже охотится за ожерельем, но не знает, где голова... — Он вдруг умолк, поняв, что, пожалуй, сказал лишнее.

— Какая еще голова? — из простого любопытства спросил киммериец, занятый

стряпней и не видевший лица Аджилала Вира.

— Ладно, уж, — махнул рукой колдун. — Все равно забудешь, даже если вернешься... Так и быть, расскажу тебе все.

От костра приятно запахло жареной рыбой. Колдун потянул носом:

— Уже готово, как ты думаешь?

Варвар, дуя на пальцы, снял рыбу с вертела и разломил ее пополам:

— Вот твоя доля.

Аджилал Вир бросил рыбу на траву и принял отщипывать маленькие кусочки.

«Как он не лопнет? — принимаясь за еду, подумал Конан. — Такой худенький, а жрет, как слон».

— Хорошо, — ласково погладив живот, промурлыкал колдун. — Теперь можно и поговорить.

Он уселся поудобнее и, не переставая набивать рот, продолжил рассказ. Иногда его слова звучали совсем невнятно, и киммерийцу приходилось переспрашивать.

— Нас было трое друзей, — начал Аджилал Вир. — Вообще-то, между колдунами настоящей дружбы не бывает, но общие интересы всегда могут найтись. Мы служили звездочетами и предсказателями у трех вендиjsких правителей и договорились, что будем сообщать друг другу обо всех новостях и помогать в тех случаях, если нашему положению при дворах станет угрожать опасность. Иногда мы собирались вместе и обсуждали свои дела. Однажды Шастри вычитал в старинной книге о Голове Божественного Откровения и рассказал мне и Зендре Шену. Это наш третий друг, — объяснил старик.

Колдун умолк на мгновение и поморщился, словно воспоминания были ему в тягость.

— Это такая головка, сделанная из бронзы. Если на ее шею надеть нефритовое ожерелье, она должна заговорить и поведать многое из того, что неизвестно ни простым смертным, ни даже нам. Так говорилось в книге.

— Ну и что? — нетерпеливо перебил его варвар. — Ты нашел эту фигурку?

— Не торопись. — Старичок явно наслаждался возможностью поговорить. — Дело в том, что у нас не было ничего: ни Головы, ни ожерелья. Но Зендра Шен вспомнил, что в другом свитке он вычитал, как узнать, где оно находится. Мы договорились, что будем всюду искать сведения об этих двух предметах. Представляешь, что бы было, заполучи мы их? — Аджилал Вир воздел ладони к небу. — Мы стали бы самыми могущественными чародеями во всей Вендии!

— Ну и что дальше? — Киммерийца очень заинтересовал рассказ колдуна.

— Случайно в одной из лавок старьевщика, где продавалась всякая дребедень, я увидел Голову и сначала не поверил своим глазам. Я купил ее за пару медяков, потому что хозяин даже не представлял, что это такое. Однако ни Зендре Шену, ни Шастри я об этом не сказал.

— Почему?

— Почему, почему! — буркнул Аджилал Вир. — Хотел удивить их — вот почему...

— Ну и как, удивил?

— Куда сильнее, чем ты думаешь, — вздохнул старичок. — Я поехал в Пешавар, это большой город в Вендии, — объяснил он. — Там тоже порасспрашивал кое-кого, искал сведения о бусах из зеленого камня. Один чародей и направил меня к Метанейре. Мерзавка! — в сердцах выругался Аджилал Вир. — Она долго ломалась, но, в конце концов, сказала мне, где ожерелье, однако, наверное, что-то заподозрила. Когда я приехал к названному ею купцу, он без слов, но, правда, очень дорого, продал мне бусы. Тут меня и

подвела моя самонадеянность.

— Что ты говоришь? — удивился Конан. — Я думал, колдуна нельзя провести.

— Еще как можно! — всплеснул руками старик. — Особенно если начинаешь считать себя самым мудрым. Это я потом понял, что мерзавка успела до моего приезда попасть к этому купцу, и они вступили вговор.

— Зачем? Торгашу-то что за корысть?

— Метанейра, наверное, что-то пообещала ему или заплатила — в общем, она заколдовала ожерелье. Мне бы, дураку, когда я, радостный донельзя, возвратился к себе, позвать товарищей и проверить все, но я хотел стать самым могущественным без них, один... — Аджилал Вир горестно вздохнул. — Я недолго думая надел ожерелье на шею бронзовой головы и сотворил заклятие.

— Ну?! — Киммериец даже подался вперед.

— Голова вспыхнула розовым пламенем, а меня отбросило к противоположной стене, и я потерял сознание. На мою беду Зендра Шен как раз был в нашем городе, и мой дурак-слуга побежал к нему. Тот пришел и, конечно, все понял. Вот к чему приводит излишняя торопливость, — назидательно сказал старик.

— А что было потом?

— Зендра Шен промолчал, когда я пришел в себя, но зато обо всем рассказал Шастри. Они решили наказать меня за предательство, и у них это получилось, как видишь, — печально завершил свой рассказ старый колдун.

— Не понимаю... — протянул Конан. — А как ожерелье оказалось здесь, если оно было у тебя?

— Совсем старый стал, — удрученно махнул рукой Аджилал Вир. — О самом главном-то не сказал. Ожерелье исчезло, как будто его никогда и не было. Теперь я понимаю, что старая ведьма заколдовала его так, чтобы выведать, зачем оно мне. Но, на наше счастье, Метанейра тоже в чем-то ошиблась, и бусы очутились здесь. Теперь она ждет, кто придет за ними, чтобы вынюхать что-нибудь еще.

— Да... — покачал головой киммериец. — Столько всего порассказал, что у меня в голове даже загудело. А островитяне, как ты думаешь, знают о магических способностях бус?

— Они? — пренебрежительно поморщился колдун. — Дикари! Для них это ожерелье не больше чем амулет, предохраняющий от болезней или дающий плодовитость скоту. Я могу поверить, что они поклоняются ему, тем более что ожерелье появилось здесь, скорее всего, со вспышкой света или еще как-нибудь необычно. Только и всего!

— Не знаю... — усомнился Конан. — Во всяком случае, одна местная колдунья только что выменяла твоё ожерелье у своего собрата с другого острова.

— Местная колдунья? — всполошился Аджилал Вир. — Это неспроста! Либо это сама Метанейра, либо та чародейка действует по ее наущению.

— Что же делать? — похолодел киммериец. — Мне придется остаться на этом проклятом острове до конца своих дней?

— Надо торопиться! — взглянув на небо, засуетился колдун. — Где, говоришь, исчез твой друг?

— Недалеко отсюда, чуть пониже, — ответил варвар. — Как сквозь землю провалился...

— Значит, там есть вход в ее убежище. Это Метанейра утащила его, больше некому, — убежденно сказал Аджилал Вир. — Ты обязательно должен добыть ожерелье, иначе не

только сам останешься здесь навеки, но и мне отсюда не выбраться.

— Но как я это сделаю?

— Я тебе дам одну вещицу. — Старик опять пошарил где-то у себя за спиной и вытащил золотой перстень. — Гляди!

Конан увидел на печатке выгравированный знак, как на трезубце.

— С его помощью ты можешь открывать проходы сквозь камень. Вот так. — Колдун покрутил перстнем. — Понял?

— Угу, — кивнул киммериец, пытаясь надеть перстень хотя бы на мизинец.

Вообще-то, недавно, когда он помогал вернуть трон Замбулы Джунгир-хану, с ним произошло нечто надолго отучившее варвара надевать чужие кольца. Он влип в серьезную историю с перстнем Золотого Павлина Сабатеи, который никакими силами не удавалось снять с пальца. Если бы не помощь чародея Аршада, гулять бы ему по Серым Равнинам. Однако сейчас Конан нутром чувствовал, что этому щуплому вендинцу можно доверять. И не потому, что Аджилал Вир показался киммерийцу ласковым или добрым, а потому, что варвар поверил: без его помощи старику на самом деле не вырваться из заточения.

Он облегченно вздохнул, когда наконец удалось надеть кольцо.

— И что дальше?

— Возвращайся в тот грот, где исчез твой друг, и постараися проникнуть внутрь. Боюсь, эта мерзавка уже успела сцепать ожерелье.

— Думаешь, она так вот возьмет и отдаст его мне? У меня ведь даже оружия никакого нет, — с сомнением покачал головой киммериец.

— Я постараюсь помочь тебе, если смогу, конечно, — подбодрил его Аджилал Вир. — Сам понимаешь, возможности мои ограничены. И самое главное, — спохватился он, — когда вернешься в Туран, не забудь отдать перстень Шастри. Он поймет, кто его тебе дал, и, может быть, они простят меня. — Старичок с надеждой посмотрел на варвара. — А главное твое оружие, — добавил он, — голова. Головой работай. Ты же хоть и варвар, но не дикарь какой-нибудь!

## Глава четвертая МЕТАНЕЙРА

Растительность там, где обитал Аджилал Вир, была чахлой, и киммериец потратил немало времени, пока на-шел подходящий обрубок дерева, из которого сделал дубину. Лук — это лук, но без крепкого оружия в руках он чувствовал себя не вполне уверенно. Конан быстро зашагал по тропе вниз, время от времени глядя по сторонам и прислушиваясь к каждому шороху. Немного попетляв по каменным осьпям, он увидел впереди тучи птиц, которые с гомоном кружили, взлетали и садились на какое-то место, скрытое от его глаз скалой.

«Понятно, — догадался варвар. — Стервятники объедают чудовище, которому не удалось пообедать мной и Лионелем».

Он удвоил внимание и, заглядывая за каждый выступ и в каждую щель в скалах, медленно подошел к тому месту, где пропал аквилонец. Стая птиц с шумом взмыла вверх, когда Конан появился на площадке, заваленной валунами.

«Ого! — хмыкнул варвар, увидев, что от гигантского монстра остались только начисто обглоданные кости. — Славно поработали пернатые!»

Вот и узкий лаз в скале. Киммериец высек огонь, еще раз огляделся по сторонам и, выставив вперед факел, смело шагнул в гrot.

Он постоял немного, прижавшись спиной к монолиту и пытаясь определить, где открывать проход. Наконец варвар решительно подошел к серой гладкой каменной стене и покрутил мизинцем с надетым на него кольцом таким образом, как учил его колдун. Несколько мгновений ничего не происходило, а затем с легким свистом монолит вдруг стал смещаться вправо, открывая перед изумленным взором киммерийца длинную, уходившую вдаль галерею.

Неровный свет факела выхватывал из темноты черные гладкие стены и грубо обработанный потолок: у строителей тоннеля, видимо, не хватило времени на его отделку. Иногда свод нависал так низко, что Конану приходилось нагибаться, чтобы не задеть головой острые выступы. Затхлый и влажный воздух подземелья щекотал ноздри, и варвар, не удержавшись, громко чихнул. Эхо дробным топотом пронеслось по галерее и стихло где-то вдали. Изредка на полу попадались мелкие камни. Отскочив от ноги киммерийца, они с громким щелчком ударялись о стену, и снова в тоннеле воцарялась мертвая тишина.

Вскоре варвар ощутил, что пол тоннеля приобретает небольшой наклон, потом крутизна спуска возросла, и Конану пришлось держаться рукой за стену, чтобы не соскользнуть вниз. Вдруг впереди мелькнул свет. Киммериец остановился и затушил факел. Как обычно, в ожидании неизведанного сердце забилось сильнее. Конан подождал, пока глаза привыкнут к полумраку, и медленно и осторожно двинулся вперед, стараясь ступать очень мягко и бесшумно. Острое зрение позволило ему разглядеть, что тоннель круто поворачивает вправо.

Варвар дошел до угла, заглянул за поворот и отпрянул: перед ним простирался обширный зал, освещенный скучным желтоватым, непонятно откуда проникавшим сюда светом. Свод пещеры терялся в высоте, и Конан, мельком взглянув вверх, увидел только серый полумрак, переходивший в сплошную тьму. Стены зала были неровными, с многочисленными выступами и впадинами, и в каждом таком затененном углублении мог скрываться проход дальше — или же таиться смертельная опасность. Киммериец прижался спиной к стене и начал медленно продвигаться боком, каждое мгновение бросая быстрые взгляды вокруг и чутко прислушиваясь к каждому звуку. Зал был пуст, и кроме шороха осыпающихся песчинок под его ногами, варвар не слышал ничего.

Конан прошел еще немного, разглядывая каждую впадину, но пока ничего похожего на выход из зала не обнаружил. Вдруг он скорее почувствовал, чем увидел, какое-то движение в нескольких десятках шагов от себя. Он посмотрел туда и не поверил своим глазам: из впадины в стене показался не кто иной, как его пропавший приятель из Аквилонии!

— Лионель! — воскликнул киммериец, и звук его голоса, гулко отдавшись в огромном зале, умчался куда-то вверх и затих.

Аквилонец, казалось, его не слышал. Он стоял со сложенными за спиной руками, широко расставив ноги и ждал, когда варвар приблизится. Конану поза Лионеля показалась странно неестественной, и он тоже замер, пристально всматриваясь в могучую фигуру своего товарища.

— Лионель! — громко позвал варвар.

Тот не шелохнулся. Киммериец, пригнувшись, словно для прыжка, осторожно шагнул вперед. Аквилонец плавно вытащил правую руку из-за спины, и Конан увидел, как в неярком свете подземелья что-то блеснуло. Меч! Откуда у него меч?

— Что с тобой? — Варвар уже не сомневался, что с Лионелем творится что-то

неладное.

«Как будто его опоили каким-то зельем, — подумал он. — Но где он взял оружие?»

Однако времени на раздумья у него не оставалось. Аквилонец, раскрыв рот, словно собирался выкрикнуть боевой клич, взмахнул мечом и бросился на киммерийца. Только Конан не услышал ни крика, ни даже звука шагов. Громадная фигура летела на него совершенно беззвучно, словно призрак.

«Призрак», — мелькнула у киммерийца быстрая мысль, и он, ловко увернувшись от клинка, отрыгнул в сторону.

Меч чиркнул по выступу скалы, раздался звон металла, на пол посыпались искры.

«А меч настоящий!» — непроизвольно отметил Конан, готовясь отразить следующий выпад.

Положение его было незавидным: могучий, стремительный в движениях Лионель почти не уступал ему ростом, а как аквилонец работает мечом, варвару приходилось видеть не раз. Сражаться деревянной дубиной против длинного обюдоострого клинка было делом почти безнадежным: вряд ли дерево долго выдержит натиск металла. Оружие киммерийца в скором времени разлетится в щепки, попробуй он отражать им удары меча. Решение, как всегда, созрело мгновенно, и варвар, круто развернувшись, со всей быстротой, на какую был способен, помчался к дальнему концу зала, несколько раз оглянувшись на ходу. Лионель довольно долго разворачивался за ним, и киммерийцу показалось, что меч тяжеловат для руки невесомого призрака. Наконец тот повернулся и, оскалившись, бросился за Конаном. Мало кому удавалось победить варвара в беге, поэтому, оторвавшись на приличное расстояние от призрака, он успел вытащить стрелу из колчана и спустить тетиву лука, когда аквилонец был еще шагах в двадцати от него. Стрела, свистнув, пронзила шею призрака и, пройдя насекомый, чиркнула о стену тоннеля.

«Боги! — Сердце варвара учащенно забилось. — Что же делать?»

Острие клинка сверкнуло в волосе от его груди, и варвар чудом избежал серьезной раны, но все же ощутил прикосновение металла к коже и, отскочив в сторону, увидел, как порез мгновенно набухает кровью. Его предположения оказались правильными: меч протащил аквилонца вперед и ударился о стену, выбив сноп искр.

«Меч неплохой», — отметил про себя варвар.

Призрак, развернувшись, бросился на него снова, но Конан уже сообразил, что может ему противопоставить. Отклонившись назад, он подставил дубину под правый кулак аквилонца. Движение меча вниз и удар дубины вверх были слишком сильны для того, чтобы рука призрака удержала меч — клинок, вращаясь, полетел вверх. Киммериец поймал его раньше, чем проскочивший вперед призрак успел повернуться. Теперь этот сгусток воздуха ему был не страшен. Призрак, увидев в руках варвара меч, на мгновение застыл на месте, потом его фигура раздвоилась, и обе половинки, крутясь, как осенние листья, гонимые вихрем, поднялись вверх и исчезли в сумраке свода.

Конан вытер выступивший на лбу пот и, отдышавшись после скоротечной, но бурной схватки, осмотрел оружие. Меч в самом деле был прекрасен: довольно длинный — не такой, конечно, какой он сам выбрал бы для себя, но вполне приличный, — с узким лезвием, расширявшимся к концу. Голубоватая сталь клинка напомнила варвару знаменитое иранистанское оружие. Он покрутил мечом, прикидывая, как будет работать им, и остался вполне доволен. Правда, он пока не совсем понимал, зачем ему меч в драке с бесцелесмыми призраками, если они появятся еще, но, по крайней мере, этим клинком он может встретить

удар меча, не опасаясь, что его оружие разлетится в щепки.

«Если она, — подумал киммериец, имея в виду колдунью, которую старик называл Метанейрой, — напустила на меня призрак Лионеля, то, скорее всего, он уже мертв. Конечно, трудно разобраться в помыслах этих ведьм, так что все может быть...»

Конан прошел вдоль стены, разыскивая, откуда появился призрак аквилонца: там он надеялся найти проход. Осмотрев два-три выступа, варвар нашел гладкий монолит, который показался ему подозрительным. Конан покрутил перед ним перстнем Аджилала Вира, и камень плавно ушел в сторону.

«Надо идти, раз взялся, — подбодрил себя варвар. — Обратного пути не будет».

\* \* \*

Эта галерея оказалась шире предыдущей и была освещена таким же неярким чуть желтоватым светом.

Конан прошел не более сотни шагов, когда впереди послышались звуки, напомнившие ему звон колокольчиков, которые пастухи привязывают к шеям животных. Варвар покрепче сжал рукоять меча и замедлил шаги: здесь можно было ожидать любого подвоха. Однако все было спокойно, даже воздух в этом тоннеле, не в пример предыдущему, был свежим, и в нем ощущался чувственный аромат орилей.

Вскоре впереди блеснул яркий свет, и киммериец подошел к концу галереи. Дальше простиралась зеленая поляна с островками белых цветов, откуда-то сверху свешивались ветви деревьев с широкими зелеными листьями, вовсю светило солнце, слышался звон струй водопада.

«Куда это Нергал меня занес?» Конан остановился, не решаясь выйти из пещеры.

Он прислушался к звукам леса, но не обнаружил ничего необычного. Что ж, не стоять же тут всю оставшуюся жизнь! Киммериец шагнул вперед. Пригнувшись и каждый миг ожидая нападения, словно крадущаяся пантера, он медленно продвигался по поляне. Тишину по-прежнему нарушали только шепот листвы и шум падавшей воды. Поляна была небольшой, со всех сторон ее окружали высокие черные скалы, и Конану вдруг показалось, будто он находится на дне огромного кувшина с гладкими стенками. Деревья росли по краям, а середина лужайки была ровной и плоской, с сочной невысокой травой и островками цветов. Водопад, разбивавшийся на множество хрустальных брызг, образовывал узкий ручеек, который, перебежав поляну, исчезал где-то в зарослях и там вновь падал с высоты, насколько было можно судить по доносившемуся оттуда шуму.

Конан вышел на самую середину поляны и огляделся. Никого. Может быть, в зарослях кто-нибудь затаился? Варвар обошел все вокруг, проверяя кустарник и оглядывая кроны деревьев, но первое впечатление его не обмануло: он в самом деле был здесь один.

«Бред какой-то! — Киммериец плюхнулся на траву около ручья и только тут обратил внимание, что не видит больше конца тоннеля, из которого совсем недавно вышел. — Вот и ответ... — Он напрягся, ощущая каждый мускул. — Теперь, разрази меня гром, непременно появятся гости. Или, скорее, хозяева...»

Конан напился из ручья и, глядя на скалы, прикидывал, как подняться наверх, чтобы выбраться отсюда. Камень был гладким и казался отполированным, но тем не менее варвар цепким взглядом отмечал то трещину, то небольшой выступ и уже наметил для себя путь.

Киммериец с раннего детства привык лазать по неприступным скалам, и занятие это было для него не таким уж трудным.

«Прекрасно, — успокоил он себя. — В конце концов, отсюда можно выбраться, но ведь искал-то я не это...»

— Что потерял здесь посланец богов? — словно отвечая на его мысли, послышался женский голос.

Варвар резко обернулся. В десяти шагах от него, уперев руки в бока, стояла Гуна-Райна. Конан вскочил на ноги и смерил ее взглядом. Женщина была совершенно обнажена, ее светло-коричневая гладкая кожа блестела на солнце, и колдунья казалась статуей, высеченной из камня талантливым ваятелем. Киммериец на мгновение потерял дар речи и замер, впившись в красавицу глазами. Ее нисколько не смутил его жадный взгляд, и она даже не шелохнулась и не сменила позу.

— Что ты сделала с Лионелем? — хрипло спросил варвар. Это было первое, что пришло ему в голову.

— Да ведь ты не это хотел у меня узнать! — засмеялась Гуна-Райна. — Тебе интересно, нельзя ли заняться со мной любовью! Или я ошиблась?

— Ты права. — Варвар сделал шаг вперед, настороженно следя за каждым движением женщины. — Это так, — повторил он. — Я не слепой и вижу, как ты великолепна.

— Тогда в чем же дело? — Она призывающе закинула руки за голову. — Неужели такой храбрец может чего-то бояться? Смотри: я беззащитна! — Она привстала на цыпочки и медленно провела ладонями по телу от подмышек до колен и обратно. Приподняв руками тяжелые груди, она замерла, пристально глядя на Конана блестящими черными глазами, в которых горело желание. — Ты не можешь расстаться со своим мечом? — Гуна-Райна повела бедрами, и круги, вытатуированные на ее чуть выпуклом животе, зашевелились, словно клубок змей.

Киммериец, глядя на нее, почти потерял голову от вожделения, тем более что он уже несколько дней не был с женщиной. Однако он последним усилием воли сдерживался, зная, что имеет дело с колдуньей, от которой в любое мгновение можно ожидать какой-нибудь пакости.

— Клянусь Кромом, я разрублю тебя на куски, если ты не скажешь, что с моим товарищем! — Варвар выставил вперед меч, давая понять, что непременно выполнит угрозу.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась Гуна-Райна. — Он нам сейчас совсем не нужен, твой Лионель. — Она капризно надула губы. — Этот мужчина оказался совсем не таким любовником, как я ожидала. Фи! — Женщина состроила брезгливую гримасу. — Я не получила удовольствия. Некоторые местные дикари и то лучше!

— Ты мне зубы не заговаривай! — процедил варвар. — Отвечай, а не то...

— Ты меня разрубишь на мелкие кусочки, — пропела колдунья и вновь грозно подбоченилась. — Я это уже слышала. Ты ведь не хочешь показаться болваном? — неожиданно изменив игривый тон, жестко спросила Гуна-Райна.

— Ты это, в каком смысле? — оторопел сбитый с толку варвар.

— Да в самом простом, — усмехнулась Гуна-Райна и вновь приняла на редкость соблазнительную позу.

Конан облизал пересохшие губы.

— Не понял. Что ты все-таки хочешь сказать? — почти шепотом спросил он.

— Ты ведь пришел сюда не дубину-аквилонца нянчить, или, может быть, я что-то не так

поняла? — спросила колдунья, и ее черные глаза вновь впились в киммерийца.

— Тебе все известно. — Конан с трудом сохранял ясность мысли, в нем боролись настороженность и страстное желание обладать этой ведьмой. — Зачем же ты спрашиваешь?

— Так вот, — усмехнулась Гуна-Райна, — если ты убьешь меня, то вряд ли получишь свое ожерелье. Ты ведь не знаешь, где оно спрятано?

— А вот ты мне это и расскажешь, — усмехнулся варвар, делая шаг вперед.

Он уже знал по своему опыту, что никакой колдун не может ничего сделать, если у него связаны руки и заткнут рот, и поэтому решил неожиданно напасть на колдунью и скрутить ее в бараний рог, прежде чем она успеет сотворить какое-нибудь заклинание.

— Уж не думаешь ли ты, что я совсем глупа? — Гуна-Райна сделала два легких шага назад. — Нам лучше договориться по-хорошему.

«Пожалуй, с ней справиться будет нелегко, если вообще возможно, — пронеслось в голове Конана. — Надо соглашаться с ее предложением, тем более что я и сам хочу этого, а когда она выбьется из сил, попробую связать ее, чтобы не попасться на ее колдовские штучки».

Киммериец понимал, что колдунья не хочет его убивать. Она наверняка рассчитывает выведать у него, кто послал их сюда за ожерельем. По крайней мере, сейчас его жизнь вне опасности. Но это пока, а что будет потом, одним богам известно.

— Что ты имеешь в виду? — хмуро спросил он.

— Мне показалось, что ты хочешь вернуться домой...

— Еще бы, — вырвалось у варвара, прежде чем он успел как следует подумать.

— Если ты понравишься мне и, кроме того, кое-что расскажешь, я верну тебя в Аграпур, — пообещала колдунья, вновь принявшиесь соблазнять Конана.

— Что ты хочешь узнать? — спросил киммериец, чтобы выиграть время.

— Ха-ха! — засмеялась Гуна-Райна, не обратив внимания на его слова. — Ты совсем не можешь скрыть, как хочешь меня! — Она весело захлопала в ладони, — давай лучше займемся любовью, а уж потом поговорим о делах.

\* \* \*

— Я не ошиблась в тебе, киммериец. — Гуна-Райна ласково погладила плечо Конана. — У меня еще никогда не было такого мужчины. Теперь можно поговорить о том, что нас интересует.

Варвар в изнеможении растянулся на траве. Сколько у него было женщин, но столь изощренных в любовных утехах и ненасытных еще встречать не приходилось. Все мускулы ныли, словно он несколько суток провел на гладиаторской арене, без отдыха сражаясь с целой армией.

— Ты убедился, что мы прекрасно подходим друг другу, — продолжала колдунья, прижимаясь к нему всем телом, — так зачем нам расставаться?

Расскажи мне, кто послал тебя сюда, и мы вместе покинем эти острова и вернемся в Вендию... — Конан слегка поморщился: ему почему-то не особенно-понравилась эта мысль. — Ну хорошо, хорошо, — улыбнулась Гуна-Райна. — Мы можем жить в той стране, где ты захочешь. Представь себе: такой могучий и храбрый воин, как ты, и я, умелая и хитрая колдунья, да еще познавшая божественное откровение. Мы завоюем мир!

«Так я тебе и поверил, — усмехнулся про себя киммериец. — Переспать со мной ты, конечно, можешь, но это совсем не значит, что потом, когда все выведаешь, не отправишь меня пряником на Серые Равнины...»

— Согласен. — Он приподнялся на локте, сбросив со своего тела ее руку. — Я тебе расскажу все, что знаю, но потом, когда мы очутимся... Ну, скажем, где-нибудь в Туране... Идет?

— Ты мне совсем не доверяешь, — надула губы Гуна-Райна. — Разве я не доказала, как люблю тебя?

— Показала! — фыркнул варвар. — То, чем мы сейчас с тобой занимались — еще не повод для особого доверия. Кром! Сколько раз я видел, как сегодня женщина клялась в любви, а завтра готова была спровадить в цепях на невольничий рынок! Нет! На это я не куплюсь.

Он вскочил на ноги. Небо начинало темнеть, и в каменной чаше, где они находились, сумрак уже окутывал растущие по краям поляны деревья.

— Я тебя спрашивал, что ты сделала с моим товарищем, — продолжал Конан, поглаживая рукоять меча, — а ты даже этого не хочешь сказать. Как я могу доверять тебе?

— Всего-то... — усмехнулась колдунья. — Да вот и он, живехонек, как видишь.

Киммериец проследил глазами за пальцем Гуна-Райны. действительно, к ним направлялся Лионель, который, ухмыляясь, смотрел на обнаженную колдунью и стоявшего над ней сердитого варвара.

— Привет, Конан! — протягивая руку, как будто они только что расстались, сказал аквилонец. — Вижу, тебе тоже повезло покувертиться с этой шлюхой. — Он посмотрел на женщину, и в его взгляде полыхнул жадный огонь желания.

Киммериец пожал руку Лионеля, она была теплой и упругой, как у всякого нормального человека, но все-таки его насторожила какая-то странность в поведении аквилонца. Глаза! Точно! Его веки не моргали, а были широко распахнуты, и неподвижный взгляд, устремленный на Конана, напомнил ему глаза змеи перед броском.

— Тебе привет от Джабира, — бросил варвар, твердо сжимая рукоять меча.

— Джабира? — переспросил аквилонец, и у Конана больше не осталось никаких сомнений.

Он молниеносно вскинул клинок, и, прежде чем аквилонец успел поднять руку для защиты, лезвие уже проходило снизу наискось через его тело от паха до подмышки. Крови на разрезе не выступило, как это было бы с любым смертным, и туловище не рухнуло на землю, а продолжало стоять перед варваром. С губ призрака даже не сошла ухмылка.

— Ха-ха-ха, — от души расхохотался киммериец, хотя любого другого эта сцена повергла бы в смертельный ужас. — Как я могу доверять тебе, если ты подсовываешь мне одного за другим каких-то призраков... — Он обернулся к колдунье, но слова застряли у варвара в глотке: Гуна-Райна исчезла, на примятых стеблях травы остался лишь след ее тела.

Варвар вновь обернулся к призраку, но и его уже не было на прежнем месте.

— Дела... — Конан опустил меч. — Эй! — выкрикнул он. — Ведьма! Дай мне пожрать, или я уйду отсюда, и тогда ищи ветра в поле!

Киммериец не испытывал страха перед колдуньей. Он был ей нужен, и чем быстрее Гуна-Райна выведает у него то, что ему известно, тем для нее лучше. Варвар прекрасно понимал это и решил навязать ей игру, в которой победить может только один из них. Ему тоже была нужна Гуна-Райна, но день-другой для него ничего не значил, а вот она почему-то

торопилась, и в этом было его преимущество. Однако важно не заиграться и вовремя почувствовать, когда у колдуны кончится терпение. Тогда его жизнь не будет стоить в ее глазах и медной монеты, и он может погибнуть. А пока чего торопиться? Хорошо бы, правда, точно знать, сколько времени ему оставлено до той роковой черты. Он не справится с магическими чарами — это Конан понимал хорошо, но вот перехитрить ведьму попытаться можно.

«Головой работай!» — вспомнил он напутствие Аджилала Вира.

— Эй! — вновь заорал варвар, но ему вторило лишь гулкое эхо, многократно отражавшееся в каменном колодце.

Киммериец не без удовольствия послушал, как отвечают ему скалы, и вдруг почему-то развеселился, однако скоро ему стало не до смеха: он и в самом деле чувствовал волчий голод.

— Гуна-Райна! — крикнул Конан. — Если не покормишь, мы с тобой не сможем вновь отдаваться друг другу.

— Хватит орать, вот твоя еда.

Киммериец медленно повернулся на раздавшийся сзади незнакомый голос. Две девушки, ничуть не похожие на островитянок, держали в руках несколько деревянных блюд, на которых возвышались горы снеди.

— Поставьте сюда, — кивнув на траву, буркнул варвар. Девушки, грациозно склонившись, опустили блюда на землю и, не говоря больше ни слова, медленными плавными шагами направились к зарослям, уже почти полностью погруженным в сумерки. Раздвинув ветви, они исчезли, и Конан снова остался на поляне один.

«То-то, — удовлетворенно хмыкнул он. — Я не ошибся, эта ведьма игру приняла. Голодом, по крайней мере, морить не стали, а это уже добрый знак».

Киммериец зажег факел, воткнул его в землю и принялся за еду, стараясь жевать не спеша, чтобы продлить удовольствие. Торопиться ему в самом деле было некуда.

\* \* \*

Очистив все три блюда, Конан подложил под голову руки и растянулся на траве. Кусочек неба, видневшийся высоко вверху, был темным, и только несколько слабеньких звездочек мерцали в неровном кругу, очерченном скалами.

«Сколько же у меня в запасе времени? — подумал варвар. — Как узнать?»

Задача была не из легких. Вряд ли Гуна-Райна предупредит его, стало быть, надеяться он мог только на себя.

«Это как-то связано со звездами! — вдруг вспыхнула мысль. — Стариk посмотрел на небо и сказал, что надо торопиться. Понять бы, почему... Этот старый забывчивый стручок мог бы и поделиться своими знаниями. — Варвар поразмышлял еще немного. — Нет! Не для моего ума...»

Киммериец повернулся набок с твердым намерением заснуть, потому что довольно сильно умаялся за этот день. Деревья, стоявшие в нескольких десятках шагов от него, были почти не различимы, сливаясь в темноте с гладким камнем.

«А вот когда мы бежали с Лионелем с того острова, от луны падали тени, — подумал киммериец. — Луна! — Он резко сел. — Луна! Может быть, в ней все дело... Какая она была

тогда? — лихорадочно вспоминал Конан. — Так... Угу, вспомнил... Точно, почти полный круг! Значит, скоро полнолуние. Не это ли имел в виду старый таракан? Может так статься, что эта ведьма способна перенестись отсюда только в полнолуние, и тогда у меня в запасе всего два дня? Или даже один? — Варвар не знал точно, и поэтому его охватило беспокойство. — Вдруг ни одного, и завтра же Гуна-Райна, ничего не добившись ни лаской, ни пытками, — а то, что она не преминет воспользоваться этим способом, у киммерийца сомнений не было, — просто-напросто убьет меня, как Лионеля?»

Конан почувствовал, как по спине пробежал противный холодок.

«Какого же демона я тут прохладжаюсь? Надо бежать, пока цел! Вернуться к старику? — Мысли скакали, наталкиваясь одна на другую и мешая сосредоточиться. — Сначала надо исчезнуть отсюда, а уж потом все как следует обдумать», — решил наконец варвар.

Он оглядел стены впадины, разыскивая те приметные выступы и трещины, на которые обратил внимание еще днем, но в темноте и думать было нечего даже с его кошачьим зрением подниматься по этим почти отвесным скалам. «Ручей! — вспомнил Конан. — Он куда-то стекает, и значит, там есть расселина или тоннель. Только бы он был достаточно широким, чтобы я смог в него пролезть».

Найти место, где ручей вытекал из впадины, было нетрудно: киммериец пошел вдоль потока и скоро уже заглядывал в небольшое углубление в монолите. Он слышал журчание воды, а дальше ухо улавливало шум струй, бившихся о камень. Водопад! Судя по звуку, он был совсем рядом. Варвар с трудом протиснулся в расселину и, пригнувшись, пошел по воде. Через несколько шагов свод опустился, и ему пришлось встать на четвереньки.

«Лишишь бы был проход», — твердил про себя Конан, следя в кромешной тьме за потоком воды.

Шум водопада раздавался уже почти рядом, и вдруг уклон стал настолько крутым, что киммериец не устоял на ногах и стал скользить вниз все быстрее и быстрее. Он пытался удержаться за стены тоннеля, пару раз ему казалось, что он уцепился за какой-то выступ, но поверхность камня была настолько гладкой, что пальцы соскальзывали и варвар продолжал лететь вниз. Впереди блеснул свет, и через несколько мгновений киммериец вылетел вместе с потоком на волю. Он падал прямо на плоское каменное ложе, о которое разбивались, разлетаясь на тысячи мельчайших брызг, струи воды, и неминуемо погиб бы, не успев он уцепиться за ветки высокого дерева, которое, к счастью для Конана, выросло у самого водопада. Некоторое время он висел на одной руке, а по голове его бил поток воды такой силы, что варвару казалось, продлишь это еще немного, и он сойдет с ума. Конан напрягся и попробовал ногами обхватить ветку. Со второй попытки ему это удалось, и киммериец мысленно поблагодарил богов за удачу. Дальше все было просто, и скоро варвар уже сидел недалеко от водопада, глядя на небо. Было полнолуние.

«Хорошо, что я об этом подумал, — с облегчением засмеялся киммериец. — Луна будет полной еще одну ночь, а потом начнет убывать, так что в запасе у меня всего одни сутки. Но самое главное — я жив, да еще и убежал от этой мерзавки!»

Это было, конечно, хорошо, но одна мысль омрачала радость Конана: если он не разыщет это треклятое ожерелье, неясно, вернется ли когда-нибудь в Аграпур. А кроме того, сумеет ли окончательно избавиться от колдуны...

«Сейчас она должна быть в своей хижине в деревне! — Варвар едва не подпрыгнул от радости. — Пока все спят, я тихо-тихо подкрадусь... Сонную придушу немного или по голове

стукну чем-нибудь тяжелым. Другого выхода нет. А там и ожерелье отыщу, если оно в хижине. Как только заполучу его — Аджилал Вир ведь сказал так, — сразу перенесусь обратно в Туран. Так, где здесь деревня?»

Конан никогда раньше не был на этой стороне острова, если не считать того дня, когда море сжалось над ним и Лионелем, выбросив их на берег. Он побежал вперед, останавливаясь в каждой лагуне, чтобы разыскать следы пребывания человека. Киммерийцу пришлось проделать немалый путь, прежде чем он увидел привязанные к ветвям деревьев лодки дикарей.

«Где-то здесь, — сказал он себе. — Теперь ищи тропу в деревню».

Это оказалось гораздо проще, и в скором времени варвар уже продвигался вверх по тропе, прислушиваясь к шорохам леса и втягивая раздувавшимися ноздрями воздух. Скоро он почуял смесь запахов кострищ, благовоний, сухих листьев — деревня была совсем рядом. К его несчастью, ночь заканчивалась, и край неба уже светел.

«Они долго спят, — подбадривал себя Конан, — должен успеть».

Деревня походила на те, которые он видел прежде: такие же круглые плетеные хижины, покрытые пальмовыми листьями, так же стояли по краям большой лесной поляны. Киммериец стал медленно обходить селение, используя как прикрытие густой кустарник. Он различил жилища вождей, которые были больше и выше остальных, но не сразу заметил хижину колдуньи.

«Где же ее дом? — Варвар в который раз обшаривал взглядом ряд плетеных жилищ, похожих на корзины. — Не это и не это... Может быть, вон то?»

Он искал хижину колдуньи в стороне от остальных, не зная, что у дикарей было так принято только для чародеев-мужчин, а Гуна-Райна жила вместе с девушкиами.

«Чем отличается место, где живет колдун? — попытался припомнить Конан. Он наморщил лоб, вызывая в памяти хижину Нгунты. — Ха! Там должен быть воткнут шест с лентами, сплетенными из цветных волокон. Точно!»

Киммериец еще раз обошел деревню, высматривая нужный дом. Теперь было совсем светло, и ему приходилось чуть ли не ползти, опасаясь, что какая-нибудь ранняя пташка выскочит прямо перед его носом и разбудит воплями всю деревню. Наконец он увидел шест с цветными лентами прямо посередине круга, образованного десятком хижин.

«Хвост Нергала!» — выругался про себя варвар, но, поскольку выхода у него все равно не было, короткими перебежками, прячась за стволы пальм, подобрался к хижине Гуна-Райны.

Дома стояли так плотно, что киммериец с трудом протиснулся между ними, чтобы приблизиться к тому, что высился в середине. Он припал к плетеной стене и, убедившись, что вокруг все тихо, подполз ко входу. Отодвинув циновку, закрывавшую проем, Конан юркнул внутрь и застыл у стены, ожидая, пока его глаза привыкнут к полумраку. Свет проникал сквозь плетенье, но его было совсем мало, и варвар не сразу увидел женщину, спавшую в подвесном гамаке.

«Мне она, собственно, совсем и не нужна, — подумал варвар. — Поищу ожерелье».

Он начал осторожно обшаривать все мешочки, чаши, корзинки, которыми был плотно уставлен пол. Иногда он бросал взгляд на спящую и, убедившись, что она не проснулась, продолжал поиски.

«Где она может держать самую ценную вещь? — Конан уже перетряхнул содержимое всей утвари, которая была у колдуньи. — Может быть, оно у нее на шее», — вдруг осенило

его, и киммериец повернулся к гамаку.

Он осторожно приблизился к спящей и взглянул на нее. Она, совершенно нагая, лежала на спине, вытянув руки вдоль тела, и ее пышная грудь мерно поднималась и опускалась в такт дыханию. На шее у Гуна-Райны ничего не было. Варвар несколько мгновений полюбовался прекрасным телом и отвернулся, чтобы еще раз окинуть взглядом хижину. Когда он вновь повернулся к колдунье, то успел заметить лишь резкий взмах ее руки и тут же почувствовал, как в лицо ему летит облачко пыли.

Конан схватился руками за глаза, потому что их начало немилосердно жечь, и в тот же миг услышал, что женщина бросилась к выходу. Ее пронзительный визг разнесся на всю деревню, и вслед за ним загудели встревоженные голоса:

— Что случилось? Где? Гуна-Райна!

— Восставший из мертвых! — надрывался чей-то истощенный голос.

— Джокинамба! Джокинамба! Он напал на нашу колдунью!

По топоту босых ног Конан понял, что сюда сбегаются десятки дикарей, и он с безнадежной тоской осознал, что не может сопротивляться, так как ничего не видит. Киммериец продолжал чувствовать сильную боль, но хлынувшие слезы принесли некоторое облегчение, и он наконец смог открыть глаза.

\* \* \*

Варвар метнулся к стене и, чуть раздвинув прутья, заглянул в образовавшуюся щель: толпа молоденьких девушек громко переговаривалась, встревожено жестикулируя. Киммериец подошел ко входу и, отодвинув циновку, выглянул наружу. Увидев Конана, девушки отчаянно завизжали и бросились врасыпную.

— Дух мертвых! Джокинамба! Дух мертвых! — кричали они, убегая.

«Они приняли меня за духа умерших, — сообразил Конан. — Что это значит? И смогу ли я вырваться отсюда?..»

Он выскоцил наружу и побежал за девушками, которые одна за другой исчезали в проходах между плетеными жилищами. Киммериец ринулся было туда же, но мгновенно отшатнулся: если бы не его природные чутье и ловкость, копье,пущенное сильной рукой, проткнуло бы его насеквоздь.

Варвар спрятался за хижиной и осторожно выглянул.

— Проклятый Джокинамба! Вот он! — раздались громкие вопли, и несколько копий воткнулись в плетеную стену, едва не задев киммерийца.

«Печень Нергала! — ругнулся Конан. — Вот влип, так влип!»

Он побежал по кругу, образованному хижинами, но только высунул голову, как град копий полетел в него и оттуда. Варвар понял, что окружен возбужденной толпой дикарей и против стольких вооруженных воинов ему не устоять, но покрепче сжал меч и приготовился к бою.

«Ну, подходите, раз уж вы такие смелые», — скрипнул он зубами, однако почему-то никто не осмеливался войти в круг.

Варвар еще пару раз попытался высунуться наружу, крича при этом, что он вовсе не дух, а посланец богов, но его никто не слушал.

«Им запрещено входить в жилище молодых девушек! — сообразил, наконец,

киммериец. — Вот почему никто не пытается захватить меня здесь. По крайней мере, хоть передышка мне обеспечена».

Конан твердо знал, что, если на что-либо наложено табу, островитянин скорее даст изрубить себя на куски, чем нарушит запрет. Варвар погладил лезвие меча и уселся на землю около входа в хижину колдуны.

«Долго они так будут стеречь меня? — размышлял он, слушая крики за стеной хижин. — С них станется... Хоть целую луну, пока я не сдохну здесь от голода. Им ведь все равно нечего делать... Как же это я промахнулся? Гуна-Райна перехитрила

меня. Наверное, она просто притворялась спящей, а я попался на ее удочку. Копыта Нергала! — выругался варвар. — Может, когда стемнеет, смогу прорваться? Ночью не очень-то побросаешь копья...

Ночью... — вдруг вспомнил он. — Но ведьма обязательно должна прийти ко мне до наступления ночи. Ей ведь надо выведать, кто послал нас на остров. Ладно, подожду».

Киммериец вошел в хижину колдуны и сел на циновку, прислонившись спиной к стене. Главное сейчас — сохранять спокойствие и не торопить события.

«Все равно придешь, — погрозил он кулаком в сторону, где, по его мнению, должна была находиться Гуна-Райна, — никуда не денешься. Я для тебя ничуть не меньше важен, чем это ожерелье, ведь оно совершенно бесполезно, если не знаешь, как его использовать».

Шорох заставил варвара вскочить на ноги и выглянуть наружу. Шлеп!

Внутрь круга упало что-то похожее на вязанку хвороста. Шлеп, шлеп! Словно лягушки, через крыши перелетали сухие ветки.

«Это еще зачем? — забеспокоился Конан. — Демон поймет этих дика... Боги! Да ведь они сейчас их подожгут! — По спине поползла струйка холодного пота. — Изжарят, как свинью!»

Киммериец не ошибся: один, второй третий... Из-за хижин полетели факелы, и сухой хворост мгновенно охватило пламя. Снаружи, словно рев морского прибоя, донесся дружный вопль восторга. Варвар расшивирял один костер, побежал к жилищу колдуны, сорвал циновку и принял сбивать пламя со второго, но тут же, обернувшись, понял всю тщетность своих усилий: несколько связок уже вовсю полыхали. Дым поднялся вверх и начал заволакивать все вокруг, а факелы и вязанки сухих веток продолжали лететь через крыши, добавляя пищи прожорливому огню.

«Уж лучше погибнуть в открытом бою, чем сгореть, как щепка...»

Конан, закрывая глаза от едкого дыма, бросился к проходу между хижинами — туда, где огонь еще не разгорелся достаточно сильно. Он рубанул клинком по занявшейся пламенем стене одной из хижин и влетел внутрь. Там огня еще не было, но дым не давал глубоко вздохнуть. Киммериец, не чуя под собой ног, бросился к противоположной стене, почти вслепую ударил мечом по веткам, образующим каркас, прорубил проход и, зажмурясь, прыгнул вперед, ожидая, что копья дикарей вот-вот вонзятся ему в грудь. Однако варвар ощутил перед собой что-то упругое и,казалось, вязкое, как паутина, и тут же услышал радостный вопль:

— Попался! Мы поймали Джокинамбу!

Конан почувствовал, как его опутывает сеть, попытался разрубить ее мечом, но, открыв глаза, увидел, что с десяток островитян с перекошенными лицами тянут за концы веревок, которые связывают его все туже и туже. С торжествующими криками они поволокли киммерийца сквозь беснующуюся толпу, размахивавшую копьями.

— Проклятый дух попался в сеть! Джокинамба! Джокинамба! — неслись со всех сторон ликующие возгласы, в то время как киммериец, спеленутый, словно кокон, непрерывно стукался то лицом, то затылком о корни деревьев.

Перед глазами и мелькали трава, стволы деревьев, иногда клочок неба или руки и лица дикарей.

Наконец эта круговерть закончилась, и варвар остался лежать лицом вверх. Он попробовал повернуть голову, чтобы сообразить, куда попал, и увидел, что лежит перед сидевшими под навесом вождями, среди которых выделялся своим нарядом Лусунга. Чуть в стороне от них стояла Гуна-Райна в плетеной юбочке, а рядом с ней — уже знакомый Конану мальчишка с бубном. Скосив глаза в сторону, киммериец увидел языки пламени, поднимавшиеся к небу. С другой стороны от вождей, куда варвару не удавалось взглянуть, слышались несмолкаемые ликующие вопли толпы.

— Я посланец богов! — хрипло выкрикнул Конан, но на лицах вождей не дрогнул ни один мускул, словно они его и не слышали. — Гуна-Райна! — выгнувшись всем телом, чтобы лучше разглядеть колдуны, завопил варвар. — Скажи, чтобы меня развязали! Я же послан богами!

Колдунья тоже не шелохнулась, и Конану стало понятно, что ничего не выйдет: он сейчас был духом мертвых, проклятым Джокинамбой, и дикари наверняка уже готовятся к какому-то обряду, скорее всего, они принесут духа в жертву.

«Неужели эта мерзавка мне ничем не поможет? — Киммериец проверил на прочность свои путы, но связан он был достаточно крепко. — Что это она вытворяет, ведь я нужен ей живым, клянусь Кромом!»

По знаку Лусунги несколько воинов направились к варвару и, распутав сеть, поставили его на ноги. Безоружный Конан легко сумел бы справиться с тремя-четырьмя дикарями, но сейчас за каждую руку его держали по три воина. Они подвели киммерийца к столбу, вкопанному рядом с навесом, и привязали к нему. Невдалеке, прямо перед собой, варвар увидел догоравшие хижины и отметил про себя, что сделал все правильно, иначе его косточки дотлевали бы сейчас вместе с остатками плетеных жилищ.

«Неизвестно, что будет дальше, — хмуро размышлял он, наблюдая, как жители деревни несут блюда с пищей и кувшины. — Пока я все-таки жив, и это главное».

Загудели барабаны, завыли тростниковые дудки, и островитяне жадно накинулись на еду и напитки, празднуя поимку духа мертвых, проклятого Джокинамбы. Они остервенело набивали утробы и даже не обращали внимания на привязанного к столбу пленника, как будто его уже не было среди них. Колдунья тоже с удовольствием жевала, нисколько не интересуясь Конаном.

«Что у нее, провал в памяти, что ли? — возмущался про себя киммериец. — Или решила, что, поскольку от меня толку мало, пусть эти дикари расправятся со мной?»

— Эй! Гуна-Райна! — позвал он.

Колдунья, услышав свое имя, подняла голову и поисками глазами того, кто позвал ее.

— Это я! — сказал варвар чуть громче, но так, чтобы его слова не долетели до слуха пирующих неподалеку вождей.

Гуна-Райна посмотрела на него отсутствующим взглядом и, ничего не ответив, вновь принялась за еду. А затем сделала знак одному из юношей, обслуживавших уважаемых людей племени, тот подошел к варвару и заткнул ему рот какой-то тряпкой. Киммериец замер с выпученными от изумления глазами.

«Ну гадина! Освобожусь, точно убью, будь ты хоть трижды колдунья! — проклинал он ведьму. — На кусочки разрежу, клянусь Кромом!»

Праздник тем временем был в разгаре: барабаны стучали, трубы выли, островитяне набивали животы, как-то умудряясь при этом разговаривать и издавать радостные вопли. По знаку Лусунги на поляне появились молодые девушки, все убранство которых состояло из гирлянд цветов на бедрах и воткнутых в распущеные волосы орилей. Под ритм барабанов и хлопки в ладоши наблюдавших за ними зрителей они начали танец. Он состоял из множества живых и даже озорных движений всем телом. Руки, ноги, плечи, пальцы и даже глаза — все танцевало. Они так упоенно раскачивались, приседали и вытягивались вверх, так запрокидывали головы, кружились и выгибались, что киммериец, не в силах наблюдать за мельканием нагих юных тел, просто закрыл глаза.

«Вот, получай напоследок, перед прогулкой на Серые Равнины, — мрачно подумал он, слушая стук барабанов и веселый гомон островитян. — Раньше надо было думать!»

Внезапно барабаны смолкли, и Конан очнулся от невеселых размышлений. К нему направлялись воины, а жители деревни наконец-то прекратили есть, и варвар понял, что все собираются куда-то идти. Его отвязали от столба, но вновь скрутили руки за спиной и, подталкивая в спину копьями, повели вслед за колдуньей и мальчишкой, который, приплясывая, бил в бубен.

«Куда? — спросил себя киммериец и тут же вспомнил: — Конечно же, на жертвенную поляну...»

Он дернулся всем телом, но воины держали его крепко.

«Вот и все, — уныло думал варвар, плетаясь вслед за колдуньей. — Может быть, как-то сумею ускользнуть, когда приDEM на место?»

За свою жизнь ему не раз приходилось попадать в опасные переделки, но никогда он не чувствовал себя таким беспомощным.

«Куда они дели мой меч? — Конан посмотрел назад, но не увидел, чтобы кто-то из дикарей нес его оружие. — Конечно, им он ни к чему. Будет у колдуньи валяться в хижине как амулет. Даже не сообразят, что им можно хотя бы мясо резать...»

Вся деревня потянулась за варваром, и, когда его подвели к жертвенному камню, он еще долго стоял, ожидая вместе с колдуньей и вождями, пока все до единого жители не расположатся на поляне. Взгляд киммерийца метался по сторонам, выискивая путь к свободе, но островитяне окружили поляну и жертвенник плотным кольцом. Все же варвар не хотел умирать, как баран на бойне.

Когда ему развязали руки, он рванулся, пытаясь сбросить с себя стражей, и на какое-то мгновение ему удалось даже высвободить правую руку, но тут же еще десять дикарей кинулись на него, и Конана накрыло множество тел. Он рычал, кусался, рвал дикарей цепкими пальцами, но силы были слишком неравны.

Несмотря на яростное сопротивление, киммерийца положили на жертвенник и привязали к камню. Варвар, однако, сохранил остатки хладнокровия и, когда дикари затягивали веревки, изо всех сил напряг мускулы. Барабаны и проклятый бубен, сверлившие киммерийцу уши, умолкли, и на поляне воцарилась мертвая тишина. Гуна-Райна взяла в руки острую раковину и подошла к распростертому на камне телу.

«Мы надрезаем тело и оставляем провинившегося на алтаре», — вспомнил киммериец слова Нгунты и невольно вздрогнул, поймав взгляд колдуньи, которая победно взирала на него.

Рот ему снова заткнули, и Конан мог только мычать, пытаясь выразить презрение к этой женщине. Гуна-Райна тем временем склонилась над ним, и варвар почувствовал, как острый край раковины пропорол кожу, потом еще раз и еще...

«Да она действительно режет меня! Вот гадина!» Он дернулся всем телом, но колдунья продолжала аккуратно делать надрез за надрезом.

Кожу жгло и саднило, а проклятая ведьма спокойно продолжала свою кровавую работу при полном безмолвии толпы, благоговейно наблюдавшей за церемонией. Когда Гуна-Райна сделала последний надрез, тело киммерийца походило на раскрашенные тела воинов племени, только вот краска была слишком дорогой: он был весь испещрен алыми полосами своей собственной крови. Колдунья подняла раковину высоко вверх, единий вопль сотряс поляну, и островитяне, приплясывая, закружились возле истекавшего кровью киммерийца. Гуна-Райна бросила свой инструмент на землю и, подняв руки, начала обходить деревянных истуканов, стоявших у жертвенника, плавно изгинаясь всем телом.

Конан прикрыл глаза, чтобы не видеть бесновавшихся дикарей. Боль от надрезов была терпимой, не сильнее, если бы его исхлестали бичом. Только бы не потерять слишком много крови... «Раны, похоже, неглубокие, — подумал варвар. — До утра уж точно дотяну. А может, Гуна-Райна вернется ночью. Просто при всем племени она не может заговорить со мной. Но почему эта тварь хотя бы знаком не дала понять, что спасет меня? Правда, — поправил он себя, — от того, что она придет, мне вряд ли есть какая-то польза: она явится узнать то, что ей нужно, а не спасать меня от смерти». Жители деревни, приплясывая, сделали несколько кругов вокруг алтаря и удалились с поляны, оставив окровавленного киммерийца наедине с темнеющим небом. «Вот и все, — подумал Конан, глядя на заволакивающие небо тучи. — Опять дождь. Ну что ж, хотя бы помоюсь перед смертью». Он не пытался вырваться из пут, опасаясь, что еще не все дикие покинули поляну. Между тем все вокруг заволокла кромешная тьма, варвар даже не мог разглядеть стоявших совсем рядом истуканов. «Что это со мной? — испугался он. — Слепну?» Киммериец не успел ответить на свой вопрос: сверкнула молния и раздался жуткий удар грома.

Он потряс даже жертвенник, и Конан ощущил его дрожь всем телом. Через несколько мгновений начался ливень. Он хлестал с такой силой, что варвар чуть не задохнулся от потоков воды, которые били его по лицу. Струи были холодными, он непроизвольно ослабил мускулы, которые держал в напряжении все время, пока дикие веселились и плясали вокруг, и тут же почувствовал, что веревки ослабли.

«Светлоликий! — радовался он, отворачиваясь от дождя и попеременно напрягая и расслабляя мускулы. — Спасибо тебе! Неужели все-таки выкарабкаюсь?»

Конан уже понял, что смерть минует его и на этот раз. От дождя веревки набухли, и теперь их можно было растянуть. Бедные дикие обычно приносили в жертву соплеменников или поверженных врагов, а никто из них не был наделен такой силой, как киммериец, и потому никому не пришло в голову еще раз проверить путы или выставить охрану возле жертвенника.

«Выберусь! Выберусь! — бешено стучало сердце, и Конан с удвоенной силой напрягал мышцы. — Вот вам, шакалы!»

Он выдернул левую руку и, притянув к себе веревку, перевивавшую грудь, вонзил в нее зубы, словно тигр, рвущий добычу. Веревка лопнула, и киммериец смог приподняться на камне. Опустив на землю руку, он попытался найти раковину, которую Гуна-Райна бросила где-то около алтаря, и вскоре нашарил ее, не забыв при этом поблагодарить богов за то, что

они снова оказались милостивы к нему. Двумя быстрыми движениями он освободил ноги и не смог удержаться от торжествующего вопля, тут же перекрытого очередным ударом грома.

— Вот тебе, проклятая ведьма! Конана так просто не возьмешь! — Киммериец плясал на жертвеннике не хуже дикаря, и если бы кто увидел его сейчас во вспышках молний, кричавшего и беспорядочно размахивавшего руками, он наверняка решил бы, что этот гигант с прилипшими к щекам мокрыми прядями черных волос просто-напросто спятил.

\* \* \*

Отдышавшись после бешеной пляски, Конан выскочил из-под дерева, под которым спрятался, чтобы немного передохнуть от хлеставших не хуже бича струй дождя, и помчался вдоль берега, увязая в мокром песке. «Быстрее, быстрее, — подгонял он себя. — Колдунья сейчас явится на поляну и, не увидев меня, бросится искать. И ведь найдет, гадина!» Варвар решил как можно быстрее покинуть это зловещее место и забраться повыше в горы, пока не начало светать. Дождь почти закончился и только время от времени ненадолго возвращался, но уже легкий и слабый, как будто силы небес истощились. «Наверх, наверх... — Киммериец высматривал место, где было бы сподручнее подняться на скалы. — К старику. Он обещал помочь, если что-нибудь стрясется. И вообще, на какого демона мне сдались эти треклятые бусы? Хватит! Поживу пока здесь, а там посмотрим». Конан не был трусом и в жизни повидал много, сталкиваясь порой со смертельными опасностями, но сейчас ему хотелось только одного — немного покоя. Томительное ожидание смерти на алтаре дикарей больше, чем он думал поначалу, потрепало его нервы. Варвар с надеждой оглядывал освещенное луной побережье, выискивая наиболее быстрый путь наверх. Одно место показалось ему вполне подходящим. Маленькая узкая долина уходила в горы, и скалы, обрамлявшие ее, были невысокими. Киммериец помчался вдоль ручья и скоро уже карабкался по мокрым от прошедшего дождя каменным стенам, каждый миг рискуя свалиться вниз и сломать шею.

Киммерийцу все время чудилось, что он слышит за спиной дыхание настигавшей его ведьмы. Несколько раз это чувство становилось настолько сильным, что Конан прятался где-нибудь за поворотом и напряженно вглядывался в причудливо освещенные луной выступы скал, однако каждый раз убеждался, что все в порядке, и вновь спешил дальше.

Наступила полночь, и луна светила в полную силу, позволяя видеть далеко вперед. Внезапно варвар заметил несколько теней, которые двигались наперерез ему, но не придал этому особого значения, решив, что это тень от изредка пробегавших по небу туч. Когда же он понял, что жестоко ошибся, было уже слишком поздно. Ему бы спрятаться в расселину или спуститься опять вниз, но киммериец продолжал упорно шагать вперед. Когда Конан обогнул скалу, он просто остолбенел от неожиданности: в десяти шагах перед ним стояли три фигуры, одну из которых он не спутал бы ни с кем, будь сейчас даже второе темнее. Это была Гуна-Райна. Двух других женщин, сопровождавших ее, он видел вроде бы впервые.

Варвар остановился в нерешительности, не зная, куда бежать и стоит ли это делать вообще. У него не было никакого оружия, даже простой дубины, чтобы защищаться. Впрочем, он хорошо знал, что против магии даже лучший меч окажется не более полезным, чем шелковый веер.

— Куда ты так спешишь, Конан? — ласково спросила колдунья, делая несколько шагов навстречу киммерийцу.

— Гадина! — Варвар в ярости сжал кулаки. — Ты мне много чего напела, а что получилось на деле?

— О чём ты говоришь? — спросила Гуна-Райна и почти вплотную подошла к киммерийцу.

— То есть как — о чём?! — задохнулся от возмущения Конан. — Ты посмотри на меня как следует. Видишь? Я изрезан, словно окорок, приготовленный для шпицования. И все по твоей милости! — Он развел руки, показывая бесчисленные шрамы на теле. — Ты что, забыла, как только что...

Варвар взглянул на колдунью, и слова застряли у него в глотке: на шее женщины, переливаясь в лунном свете, вспыхивали зелёные камни, отзыаясь на колыхание груди при каждом вздохе.

— Ты, наверное, путаешь меня с кем-то, — по-своему истолковала его замешательство Гуна-Райна. — Думаешь, перед тобой эта татуированная дикарка? Ошибаешься! Смотри...

Черты ее лица дрогнули, словно тронутое рукой отражение в воде, и перед взором потерявшего дар речи киммерийца сквозь облик темнокожей колдуньи начало прступать другое лицо. Фигура тоже изменялась, как будто тело женщины виднелось через поднимавшийся от костра горячий дым, оно струилось и подергивалось туманом, растворялось и вновь возникало. Конан в замешательстве шагнул назад, но в это мгновение Гуна-Райна — нет, это уже была не она, а кто-то совсем другой! — вспыхнула тусклым фиолетовым светом, и перед киммерийцем возникла высокая женщина с белой кожей и светлыми длинными, почти до пояса, волосами. Женщина была полностью обнажена, и варвар мельком отметил про себя, что в прежнем облике она вызывала в нем гораздо большее желание.

— Дайте плащ! — обернулась она к двум женщинам, до сих пор неподвижно стоявшим позади нее.

— Метанейра! — невольно воскликнул киммериец.

— Ты, оказывается, знаешь меня? — спросила женщина, и в ее голосе Конан уловил скрытую угрозу. — Ну, об этом потом, — махнула она рукой, — сначала расскажи, почему ты убежал? Мы тебя разыскиваем с самого утра.

— Не притворяйся! — Варвар решил потянуть время, хотя уже почти все понял. — Думаешь, я поверю, что такая могущественная чародейка, как ты, не могла разузнать, что я был в деревне островитян?

— Мне это и в голову не пришло, — пожала плечами Метанейра. — Зачем тебе туда понесло? И потом мне казалось, что мы с тобой обо всем договорились...

«Что делать? — Киммериец чувствовал, что если совершил хоть малейшую ошибку, то его уже вряд ли что-нибудь спасет. — Вся надежда на Аджилала Вира. Я поднялся до его границы или еще нет? Спит, наверное, стручок сморщеный, а еще говорил, что поможет!»

— Я что-то не пойму, — Конан попытался изобразить непроходимого болвана, — кто был со мной прошлым вечером, ты или Гуна-Райна?

— А ведь тебе понравилось! — с оттенком самодовольства произнесла Метанейра. — Должна сказать, что и ты оказался совсем неплох.

— Ты не ответила на мой вопрос, — медленно процедил варвар. «Клюнула! Пусть поговорит побольше, — подумал он, — надо отвлечь ее». И вслух продолжил: — Я же тебя спрашиваю про то, с кем я был. Вот, например, — он протянул руку и, раздвинув полы ее плаща, коснулся груди женщины. — В моих ладонях были не эти груди, клянусь Кромом!

— Ты хочешь сказать, что моя грудь тебе не нравится? — отпрянув от него, вспыхнула женщина. Даже при неверном свете луны киммерийцу были видны злые огоньки в ее глазах.

«Ага! — усмехнулся про себя Конан. — Задело за живое, еще как задело!»

— Я этого не утверждал, — со смешком ответил он. — Да и что я могу сказать, если толком не то что не был с тобой, но даже и тела твоего не рассмотрел хорошенъко. Гуна-Райна показалась мне чудесной любовницей, и я, признаюсь, очень удивился, когда она сделала вид, что не узнает меня. Вот я и спросил, — продолжая разыгрывать дурака, сказал варвар, — с кем же я был?

— Неужели ты еще не понял, — презрительно фыркнула колдунья, — что я могу принимать любой облик?

— Что ты говоришь? — Киммериец сделал удивленное лицо. — Уж не хочешь ли ты уверить меня, что призрак моего друга Лионеля — тоже ты? Значит, ты хотела меня убить?

— Нет! — резко бросила Метанейра. — Я сделала небольшую ошибку, и он перестал мне повиноваться.

— А-а, — протяжно зевнул варвар, — теперь понятно. Но давай вернемся к моему вопросу. Как же мне окончательно разобраться... — Он недоуменно пожал плечами. — Вот я обнимал женщину, гладил ее тело, но не знаю, чье: твое или Гуна-Райны?

— Это была я, — усмехнулась Метанейра.

— Но тело же ее!

«Где же ты, старый пень? — забыв о почтительности, призывал тем временем Конан старого чародея. — Уже скоро ночь закончится, не могу же я трепать так языком до рассвета!»

— Ну какой же ты непонятливый! — рассердилась колдунья. — Я же говорю тебе, что приняла облик этой чернокожей ведьмы. И не в первый раз. — Она раздраженно повела плечами. — Неужели не ясно, что и у Ванататры забрала ожерелье тоже я?

— Да разве под силу варвару в этом разобраться... — развел руками киммериец. — Ну взяла и взяла, только меня интересует совсем не это.

— Ты спал со мной, и прекрати эту дурацкие расспросы! — отрезала женщина, с гневом глядя на киммерийца.

— А почему бы тебе не дать мне проверить, какова ты в своем истинном обличье? — осторожно начал Конан. — Или ты думала, что твое тело хуже, чем у этой дикарки? Нет! — закричал варвар, увидев, как грозно сдвинулись брови Метанейры. — Я так вовсе не считаю! По мне так ты гораздо красивее Гуна-Райны. Правда, я видел твое тело всего один миг... Вот я и спросил, почему ты приняла ее облик. — Он с простодушным видом уставился на колдунью.

— Не твое дело! — почти выкрикнула Метанейра, окончательно выведенная из себя. — Теперь давай о главном...

— Я согласен, — сказал варвар с тоской в голосе.

«Надо что-то сделать, больше тянуть невозможно!» — пронеслась в его голове отчаянная мысль.

— Я согласен, но только все равно не пойму, кто меня любит: ты или Гуна-Райна?

— Болван! — завизжала Метанейра и, подняв сжатые кулаки, заколотила ими по плечам варвара.

Конан, посмеиваясь в душе, уклонялся от ее яростного натиска и, улучив момент, просунул руки под плащ и прижал колдунью к себе. Она обмякла на мгновенье в его

объятиях, но тут же вырвалась с неожиданной для женщины силой.

— Не время! — сверкнув глазами, прошипела колдунья. — Так ты будешь говорить или нет? Советую тебе рассказать все, что знаешь, и тогда избежишь боли.

«Сколько я могу протянуть под пыткой? — прикидывал варвар. — Да и стоит ли, если этот Аджилал Вир вообще не явится? Все рассказать или все-таки поторговаться?»

— А ты обещаешь оставить меня в живых?

— Обещаю!

— Поклянись! — потребовал Конан.

— Какая клятва тебе нужна? — прошипела Метанейра.

\* \* \*

— Никогда не верь клятвам чародеев!

Конан и колдунья подпрыгнули от неожиданности, услышав откуда-то сверху негромкий скрипучий голос. Свесив ноги со скалы, на них поглядывал ехидно улыбавшийся Аджилал Вир.

— Старый болван! — завизжала колдунья, пытаясь сотворить какой-то магический знак. — Я тебя в порошок сотру!

Однако ничего не произошло, и донельзя довольный этим обстоятельством стариочек прямо-таки зашелся от смеха.

— Несчастная! — едва выговаривал он, давясь взрывами хохота. — Ты что, не понимаешь? Граница! Я защищен заклятиями Шастри и Зендры Шена, а ты своими неумелыми ручонками пытаешься их разрушить?

— Я тебя достану! — Метанейра взмахнула руками на своих служанок, и девушки превратились в две статуи, светящиеся слабым розовым светом.

Конан попятился, подальше от колдуньи, которая продолжала выписывать в воздухе замысловатые фигуры. Вместо розовых статуй внезапно возникли две огромные птицы с длинными, как у лебедя, шеями и кожистыми лапами с огромными когтями. Расправив широкие крылья, твари с шумом снялись с места и взлетели. Они сделали круг над беспечно сидевшим на скале Аджилалом Виром и одновременно бросились на него, словно коршуны.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся колдун. — Да ты совсем неумеха! Ну, разве так надо?

Он сложил ладони вместе и резко раскрыл их. Из ладоней вылетела огненная стрела и, раздвоившись в полете, ударила по тварям. Раздалось яростное шипение, в воздухе запахло паленым. Птицы, пронзительно закричав, вновь расправили крылья и разлетелись в разные стороны. По их оперению бежали огоньки.

— Я сейчас опалю твоих курят! — пообещал сверху Аджилал Вир. — А потом позавтракаю ими. Погляди, криворукая шлюха, возомнившая себя колдуньей, скоро рассвет. Ты проиграла!

Метанейра с ненавистью взглянула на стариичка.

— Ожерелье у меня! — с торжеством выкрикнула она и перевела взгляд на киммерийца: — Тебе осталось жить чуть-чуть, если не скажешь мне все!

— Не бойся, Конан! — подбодрил напряженно приготовившегося к прыжку варвара старый колдун. — Я могу защитить тебя. Смотри!

Маг сделал несколько быстрых движений, и визг колдуньи эхом отразился от скал. В

первое мгновение киммерийцу показалось, что в воздухе возникла зеленая лента. Изгибаясь, словно змейка, она поднялась вверх, и Конан сообразил, что это нефритовое ожерелье, совсем недавно украшавшее шею Метанейры.

— Мерзкий шакал! — кричала женщина, хватаясь за шею и пытаясь подпрыгнуть, чтобы схватить бусы.

— А ты обратись в птицу, — ехидно посоветовал ей Аджилал Вир, — может быть, поймаешь. Конан! Покажи ей, как надо прыгать!

Варвар сжался в комок и буквально взлетел, использовав все силы и мощь крепких ног. Он ощутил в руках холод скользких камней, в глазах у него потемнело и, проваливаясь куда-то, киммериец услышал надрывный вопль Метанейры:

— Не-е-ет!..

\* \* \*

— А что я тебе говорил? — В глазах Конана прояснялось: на фоне обшарпанных стен комнаты возникла фигура смуглого вендица. Он довольно улыбался. — Давай сюда ожерелье.

Киммериец, чувствуя страшную слабость, покорно протянул руку с зажатым в ней украшением.

— Ого! А перстень-то знакомый, — захихикал смуглый. — И его тоже давай.

Он легко стащил кольцо с мизинца варвара и, сунув его куда-то под рубаху, протянул Конану мешочек:

— Вот твои деньги! Трати с умом, не пей много, не играй...

Голова Конана бессильно склонилась набок, и, не дослушав последние слова смуглого, он повалился на постель...

\* \* \*

— Конан! Киммериец! — Варвара разбудили громкие голоса в коридоре и стук в дверь. Он потряс головой, чтобы прийти в себя, и, поднявшись с постели, буркнул:

— Иду! Кого там демоны носят в такую рань?

Откинув щеколду, варвар увидел двоих своих приятелей по туранскому отряду.

— Ну, ты даешь! — Кривоногий Джабир вошел в комнату, потрясая кувшином. — На вот, очнись!

Конан поднес горлышко к губам и жадно глотал вино, пока сосуд не опустел.

— Никак не могли тебя разбудить, спал как убитый! — со смешком сообщил ему второй солдат. — Этот вендиец вернулся и сказал, что ты пьян. Мы не поверили, но он отвел нас к тебе.

— Ну и что дальше?

— Он договорился с Лионелем, и они ушли. А мы вернулись в таверну.

— Что-то я плохо помню, как все было. — Варвар, слегка очухавшись, оглядел комнату. — А это что? — Он развязал мешочек, и внутри него тускло блеснули золотые монеты. — Смотри-ка, не обманул! А где Лионель?

— Утром нашли его на пустыре за Маленькой плутовкой». Разрубленного пополам — от плеча до бедра, — сообщил Джабир. — А этого смуглого и след простыл. А чего это ты весь поцарапанный? Где тебя так угораздило?

Конан оглядел себя и увидел, что все тело от шеи до колен покрыто маленькими шрамами, будто кто-то специально надрезал ему кожу.

Они вышли с постоянного двора и не спеша зашагали по просыпавшемуся городу. Грохот колес и стук копыт возвещали, что начинается новый день. Кругорогие быки, погоняемые возницами, волокли тяжелые повозки со всяческой снедью, которая вскоре попадет на прилавки городских базаров. Слышался скрип и стук ставней открывавшихся лавок сапожников и оружейников, золотых и серебряных дел мастеров, медников и портных, их хозяева выходили из дверей, потягиваясь и зевая. Они глядели на небо, приложив руки ко лбу, чтобы заслонить глаза от солнца, и радовались ясной погоде, надеясь на хороший барыш.

Какой-то смуглый старичок с длинными седыми космами семенил им навстречу, и Конан, всмотревшись в его лицо, замедлил шаг и подумал, что вроде видел этого вендийца когда-то раньше, но не мог вспомнить, ни где, ни когда. Старик усмехнулся и, посторонившись, освободил дорогу киммерийцу и его друзьям.

«А, — махнул рукой варвар, — мало ли здесь вендийцев и иранистанцев... Кого только не притягивает к себе этот город. Всех не упомнишь!»

Киммериец догнал приятелей, и они зашагали по улице, рассуждая о превратностях судьбы и о том, что каждому назначен свой жребий и только богам известно, как ты встретишь новый день.

OCR: Lord & Кел-кор

[WWW.CIMMERIA.RU](http://WWW.CIMMERIA.RU)